

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№05 (97) 2023

**Нижний
Новгород**

www.scipress.ru/philology

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2023. №05 (97). 221 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2023

© Коллектив авторов, 2023

Главный редактор:

Плесканиук Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Соснин Алексей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык	7
Бочкарева М. С. Искусство говорить и слушать. К вопросу об ораторских навыках М. Задорнова	7
Островерхая И.В. Метафорические фелісонимы, мотивированные цветовым признаком	14
Германские языки	20
Агаджанян Р.В., Пуха А.С. The ways of neologisms formation in the English biotechnology term system	20
Гимпельсон Е.Г. К вопросу о принципах выделения риторических жанров	28
Горшунов Ю.В. Эвфемизация хищения и воровства в английском языке	35
Данилова И.И., Шарабарова Е.Д. Передача комических элементов на русский язык (на примере англоязычных комедийных выступлений)	41
Дмитриева А.А., Трофимова В.А. Дискурсивные средства репрезентации речевой агрессии в теледискурсе (на материале телевизионного реалити-шоу "Hell's Kitchen")	47
Ереметова К.Ю., Остроумова Е.В. К вопросу об использовании американизмов в британском варианте английского языка	57
Исхакова Р.Ф. Some features of memory representation in public speeches	64
Каймыштаева К.А., Михайлова Г.И. Имена собственные в составе фразеологических единиц английского языка	70
Лебедева Л.А. Межъязыковая асимметрия и способы её нейтрализации в переводе	77
Петрова Т.К. Английский – языки глобального общения	84
Сабурова Н.А., Бенецкая Д.П. Лингвистические средства формирования современного санкционного дискурса	90
Чубарова Н.А. Глаголы с атрибутивной валентностью со значением презрения в современном немецком языке	100
Романские языки	106
Мукимова К.А. О лексических особенностях и социокультурных тенденциях развития современного французского языка в Швейцарии	106
Чарская Ю. А. Французское аргю в ретроспективном аспекте исследования	115
Теория языка	120
Колесник Е.В., Буренко Л.В. Стилистические особенности художественного текста	120
Шашкова В.Н. Средства текстовой когезии в полицейских рапортах и памятках на английском языке	127

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	133
Викторова А.А., Буренко Л.В. Синхронический анализ категории числа в русском, английском и испанском языках	133
Прикладная и математическая лингвистика	141
Деревянко А.А., Свистунов А.С. Определение имплицитности текстов газетно-публицистического стиля студентами специализации «Межъязыковая и межкультурная коммуникация» (на примерах статей из "The Guardian" и "The Conversation")	141
Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии	150
Немиров Д.М. Испанские фразеологизмы, как источник национальных стереотипов.....	150
Немиров Д.М. Итальянские идиомы и фразы, как источник национальных стереотипов.....	154
Немиров Д.М. Французские фразеологизмы, как источник национальных стереотипов.....	158
Русская литература	162
Малашенко В.В., Прихожая Л.И. Рецепция войны, трагическое говорение и молчание в сборнике стихотворений Ю. Белаша «Окопная земля» (1985)	162
Прилипко А. Н. Рассказ А. П. Чехова «Сон» как пародия на рождественский рассказ	173
Сергиенко Е.Е. Творчество Б. Пастернака в Италии до публикации романа «Доктора Живаго».....	182
Литература народов стран зарубежья	190
Осадчая Т.Ю., Потылицына Е.Н. Магическое и реалистическое в художественном пространстве романа С. Кинга «Воспламеняющая взглядом»	190
Таразанова Ю.С. Анализ маргинального мира Жана Жене в романе «Богоматерь цветов»	197
Фольклористика	203
Коновалова М.А. Образ лихорадки в заговорах Русского Севера	203
Лингвокультурология	209
Немиров Д.М. Фразеологизмы и фраземы, как отражение американского характера	209
Степанова Е.Д. Фразеологизмы как средства выражения эмоций в английском и русском языках в когнитивном аспекте	214

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 808.5

Бочкарева М. С. Искусство говорить и слушать. К вопросу об ораторских навыках М. Задорнова

Бочкарева Мария Сергеевна

студентка 2 курса, Южный федеральный университет, РФ, г. Таганрог
marina-66b@mail.ru

The art of speaking and listening. On the question of M. Zadornov's oratorical skills.

Bochkareva Mariya Sergeevna

2nd year student of Southern Federal University, Russian Federation, Taganrog

Аннотация. Статья представляет собой анализ ораторских навыков сатирика Михаила Задорнова. Целью исследования является выявление наиболее эффективных приёмов взаимодействия оратора с аудиторией на примере публичных выступлений М. Задорнова. Автором установлено, что при всей кажущейся спонтанности взаимодействия с публикой выступления Михаила Задорнова идеально ложатся в систему работы оратора с аудиторией, описанной И.А. Стерниным.

Ключевые слова: ораторское искусство, аудитория, публичное выступление, вербальные средства выражения речи, невербальные средства выражения речи.

Abstract. The article is an analysis of the oratorical skills of the satirist Mikhail Zadornov. The aim of the study is to identify the most effective methods of interaction between the speaker and the audience on the example of public speeches by M. Zadornov. The author has established that for all the apparent spontaneity of interaction with the public, Mikhail Zadornov's speeches ideally fit into the system of the speaker's work with the audience described by I.A. Sternin.

Keywords: oratory, audience, public speaking, verbal means of speech expression, non-verbal means of speech expression.

В ежедневном акте коммуникации люди вступают в большое количество речевых актов. В одних ситуациях требуются навыки общения в рамках межличностной коммуникации, не редки случаи взаимодействия в рамках массовой коммуникации. Именно поэтому знание базовых принципов ораторского искусства весьма значимо для обычного человека. Мы продумываем каждое слово, пытаемся заставить окружающих смеяться и не прекращать обращать внимания на нас. Всё это свидетельствует о том, что ораторские навыки значимы не только в профессиональной, но и в ежедневной коммуникации.

Интерес в личности Михаила Николаевича Задорнова обозначился давно. Автор статьи уже работал над описанием фрагмента речевого портрета сатирика,

однако в предыдущих работах в качестве материала для исследования служили письменные интервью. Настоящая работа посвящена анализу того, как он взаимодействует с аудиторией на своих выступлениях. Материалом для исследования послужили записи выступлений сатирика [5,6].

Цель исследования состоит в выявлении наиболее эффективных приёмов взаимодействия оратора с аудиторией на примере публичных выступлений М. Задорнова.

Задачи исследования, обусловленные его целью:

- 1) ознакомиться с научной литературой по темам ораторского искусства и взаимодействия с аудиторией;
- 2) проанализировать ряд выступлений М. Задорнова;
- 3) определить параметры владения речью и способы взаимодействия с аудиторией.

Михаил Задорнов – удивительный человек, мастер слова, замечательный писатель, всеми любимый сатирик. Говорят, с шуткой проще испытать и самые нестерпимые трудности. Михаил Задорнов помогал преодолеть нелегкие времена не кому-то одному – целой огромной, разваливающейся стране. Подъем его творчества пришелся на тяжелые девяностые, и, кто знает, может быть, общество не сумело бы вынести те смутные годы, если бы не смеялось само над собой вместе с Задорновым.

Задорнов не просто представлял сквозь юмор и иронию свою критику определённым политическим решениям и общественные проблемы, но и старался заинтересовать и подтолкнуть зрителей к поиску истинной информации и критическому мышлению.

Публичное выступление – это официальное выступление оратора (в основном – монолог) перед непосредственно присутствующей в зале достаточно большой и организованной аудиторией [3, с. 5]. Существуют различные классификации публичных выступлений: (по цели) информационное, протокольно-этикетное, развлекательное, убеждающее; (по форме) доклад, сообщение, выступление, лекция, беседа и многие другие [3, с. 6 – 7].

И.А. Стернин выделяет важные факторы, которые принесут оратору неременный успех в ходе подготовки к публичному выступлению [3, с. 9 – 10]. К ним относятся:

1. Решительное начало выступления.
2. Драматизм.

3. Сдержанная эмоциональность.
4. Краткость.
5. Диалогичность.
6. Разговорность.
7. Установление и поддержание контакта с аудиторией.
8. Понятность главной мысли.
9. Решительный конец.

Оратор использует различные средства, чтобы воздействовать на аудиторию и выразить свои мысли и идеи. Одним из таких средств является вербальный уровень. Вербальные средства оратора включают в себя слова и фразы, которые он использует для передачи информации. Это может быть выбор языка, стиль речи, тон, сила и интонация голоса.

Но помимо вербального уровня, также важен невербальный уровень. Невербальные средства оратора – это всё, что относится к его движениям, жестам, мимике, позе и другим физическим проявлениям. Невербальный уровень может включать в себя интонацию голоса, уставленный взгляд, манеру одеваться, улыбку, пожатие руки и другие культурные особенности.

Хороший оратор считает оба уровня одинаково важными, поскольку они работают вместе для создания наилучшего эффекта на аудиторию. Кроме того, использование невербальных средств может помочь оратору контролировать свое поведение и выглядеть уверенно перед аудиторией. Вербальный и невербальный уровни используются вместе для создания единого образа оратора, который в свою очередь помогает ему эффективно достучаться до аудитории и донести свою точку зрения. [2]

В своих выступлениях Задорнов часто обсуждал политические и социальные проблемы, критиковал российскую власть и западные страны. Однако он всегда старался не переходить грань и не обижать никого из зрителей.

Первое, что можно заметить в его выступлениях – тон голоса и то, каким образом он меняется в зависимости от той или иной мысли [4, с. 8 – 14]. Это мы наблюдаем на протяжении всего выступления. Этот приём он использует для лучшего и более красочного восприятия аудиторией шутки или какого-либо рассказа. Если мы слушаем человека, у которого речь монотонна и однотишна, то через некоторое время теряем интерес и внимание. Михаил Николаевич очень умело применяет этот приём, чем и, очевидно, цепляет аудиторию.

В его речи часто используются простонародные фразы и выражения типа «дать по рогам, высунуть рожу, ухахатываюсь, сгонять туда-сюда, пацаны и т. д.». Часто он говорит с аудиторией на её языке.

«Борьба за правду нечитабельна, она трудна и многогранна, и к тому же, не всегда приносит выгоду».

Михаил Задорнов, как правило, использует всё богатство русского языка, играет на словах и шутит на актуальных темах, но в своих выступлениях также часто поднимает и более серьезные вопросы, связанные с политикой, обществом и национальным самосознанием.

«Америка уже давно не страна свободы, она стала страной холодной войны, контроля населения и не более».

Порой Михаил Задорнов может использовать провокационные высказывания, которые вызывают споры и дискуссии. В то же время он всегда соотносит свои слова с фактами и действительностью, что делает его высказывания более убедительными.

«Говорят, что кризис – это скрытая возможность, ну да, но в данном случае, мы, выходим на золотистый листики клена и ясеня, умудряемся поймать дождь, получить проблемы, и на большую воду не попасть, кто-то остается на берегу и повторяет кругом вокруг своих подвигов».

Михаил Задорнов часто использует метафоры и аллегории, чтобы описать истории из жизни или проиллюстрировать свои мысли и идеи. Он также может использовать рифмованные стихи в своих выступлениях, что добавляет им эстетическую ценность и оригинальность.

«У нас, русских, есть такой грех – мы часто умеем гнать головой, когда должны говорить правду. А правда у нас есть, только мы ее сами себе не рассказываем».

Михаил Задорнов часто говорит о культуре и идентичности русского народа, переосмысливает стереотипы и поощряет слушателей к сознательному подходу к своей культуре и национальному наследию.

«Так сложилось в России: когда жизнь становится серьезной, мы начинаем шутить. И иногда шутки скрывают боль и тревогу, которые мы не готовы признать».

Михаил Задорнов умеет играть на противоречиях, указывать на неожиданные связи внутри явлений и ломать стереотипы. Он проницательно анализирует общество и показывает, что за кажущейся банальностью могут скрываться глубокие проблемы.

«Я уважаю любой язык, но западный интеллигент все время говорит, что на русском языке нельзя выразиться точно – и получается, что он в итоге говорит глупости».

Михаил Задорнов часто бывает критичен к западной культуре, общественным явлениям и мировоззрению. Он выступает за сохранение русского языка и культуры, а также за развитие рационального мышления у своих соотечественников.

В процессе того, как он излагает свою мысль, иногда делает паузу с восходящей интонацией и выдаёт то, что является вполне логичным и простым, но кажется, что он сказал что-то неожиданное и очень смешное. Создаётся впечатление, будто Задорнов играет на эмоциях и чувствах аудитории, но в очень положительном смысле. Даже те, кто пришёл на концерт не по своей воле или так сложились обстоятельства, что пришлось пойти, не остаются без улыбки на лице, ведь Михаил Николаевич через свою речь может найти подход ко всем зрителям.

Когда Задорнов рассказывает курьёзные истории, он никогда не делает это шутки ради. Всегда следует интересный, подчас парадоксальный вывод, который заставляет задуматься. Это и есть воспитательный эффект юмора, который делает нас всех лучше.

Использует вопросы для активизации внимания «Итак, готовы?» «Ну чего, говорить Вам?».

«Я не могу, мужик там к своей девчонке аж повалился» – данную фразу он сказал, во время того, как рассказывал очередную смешную историю, что весь зал «ухахатывался», и, чтобы удержать эту эмоцию, Задорнов решил прокомментировать действия некоторых слушателей. Замечу, что этого по его набросанному сценарию не было. Вот оно искусство импровизировать и прекрасно общаться с аудиторией!

Необходимо интерпретировать невербальные средства коммуникации, которые использует М. Задорнов. В его выступлениях мы можем наблюдать приём отражения чувств, их вербализация. Суть приема состоит в том, что, поднимая какую-нибудь актуальную тему, сатирик пытается словами передать своё отношение к ней, показать общие со слушателями переживания по тому или иному поводу. Иногда линия поведения корректируется «на ходу» (как способ манипуляции) – сначала разведывается почва, определяется реакция, а дальше уже следует попытка придать речи нужную окраску. Это мы чётко можем наблюдать практически во всех его выступлениях.

Также стоит обратить внимание на его мимику и жесты. Редко можно заметить улыбку, недовольство или суровость в его лице. Скорее всего, это он делает для того, чтобы дать зрителю прожить самому все предлагаемые эмоции.

Одежда является немаловажным фактором при выступлении, как говорится, «встречают по одежке». При каждом появлении на сцене, интервью и других мероприятиях Михаил Николаевич всегда выглядел очень опрятно и официально. Только стоит обратить внимание на такую деталь: по мере роста популярности его наряды стали «смягчаться» и он стал одеваться более повседневно, но, тем не менее, всегда держал баланс между слишком торжественной одеждой и неофициальными образами.

Он привлекал внимание зрителей не только своим острым юмором, но и умением смотреть на мир сквозь призму своих убедительных рассуждений, а также выдвигать нетрадиционные идеи. Благодаря этому, его выступления можно было рассматривать и как формирование собственной позиции у зрителей, так и как развлекательное мероприятие.

Михаил Задорнов всегда старался, чтобы его выступления были интересными и полезными для зрителей и побуждали к личностному росту, развитию духовности. Он был настоящим мастером взаимодействия с аудиторией и покорял ее своей остротой ума, соответствующей организацией программы, умением выбирать нужный тон и настроение.

Мы не можем подтвердить факт знакомства Михаила Задорнова с научными работами И. А. Стернина, но, проанализировав речь и ораторские навыки этого оратора, мы пришли к выводу, что его выступления идеально ложатся в систему подготовки к публичному выступлению. Единственное, что хочется отметить, это фактор сдержанной эмоциональности, который не всегда у него присутствует. Но делается это не просто так, а для того, чтобы по принципу восходящей градации «разогреть» аудиторию.

Также мы выяснили, что в каждой речи Михаила Задорнова присутствует гротескность, вера в лучшие качества национального характера, менталитета и их жизнеутверждающая роль. Кроме того, колоссальную роль в его манере играют такие факты, как начитанность, бесконечный патриотизм и любовь к родному народу, вера в уникальные черты национального характера.

Анализ взаимодействия Михаила Задорнова с аудиторией в ходе выступлений позволил нам сделать следующие выводы:

- 1) лучшая импровизация всегда хорошо подготовлена;

2) взаимодействие Михаила Задорнова с аудиторией на выступлениях характеризуется эффективным использованием юмора и сатиры, активным вовлечением зрителей и стимулированием общественного обсуждения;

3) взаимодействие Михаила Задорнова с аудиторией на выступлениях отличается способностью находить общий язык, развивать диалог и стимулировать мыслительные процессы. Его выступления не только развлекают, но и вызывают обсуждение, помогая зрителям лучше понять социально-политическую реальность.

Таким образом, проведенное исследование показало, что Михаил Задорнов был уникальным оратором и артистом, который прекрасно взаимодействовал со своей аудиторией. Он умел передать свою искренность и чувство принадлежности к одной большой семье, которой стали его зрители. Его ораторское искусство показывало, что искренность и чувство юмора могут быть могущественной силой, которая может изменить мир к лучшему. Безусловно, его вклад в культуру и общество не оценивается только на основе его ораторского искусства, но также и на основе его личности и взглядов на жизнь. В своих выступлениях Михаил Задорнов демонстрировал мастерство ораторского искусства, научив нас тому, что хорошая речь должна быть ясной, увлекательной и приятной. Ораторское искусство Михаила Задорнова является безусловным источником вдохновения и учебного материала не только для профессиональных ораторов, но и для всех, кто хочет улучшить свои коммуникативные навыки. Он останется на протяжении многих десятилетий не только оратором и артистом, но и легендой, погружающей нас в ходе своих выступлений в прошлое, настоящее и будущее.

Список литературы

1. Инфантова Г.Г. Язык. Речь. Личность: монография – Ростов-на-Дону: Легион, 2008. – 501 с.
2. Основы искусства речи: [Пер. с англ.] / Поль Л. Сопер. – 2-е изд., испр. – Москва: Прогресс: Прогресс-академия, 1992. – 415 с.
3. Стернин И.А. Практическая риторика. 5-е изд., стер. М.: «Академия», 2008. – 272 с.
4. Тулупова Т.А. Лингвокультурологический потенциал в русском и английском языках как средство формирования портрета языковой личности. – Журнал «Вестник науки и образования» № 25 (103). Часть 3. – 2020. – С. 24-27.

Список источников

5. Михаил Задорнов. Невероятные истории из жизни. / <https://www.youtube.com/watch?v=3ICB9Ymmrp4>
6. Михаил Задорнов. Самое смешное, 2012. / <https://www.youtube.com/watch?v=q7L5x4RMuRw>

УДК 811.161.1'373.222

**Островерхая И.В. Метафорические фелисонимы, мотивированные
цветовым признаком**

Островерхая Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, ОНК «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
РФ, г. Калининград
iostroverkhaya@kantiana.ru

Metaphorical colour-motivated felisonyms

Ostroverkhaia Irina Vladimirovna

Candidate of Philological Science, Associate Professor, Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

Аннотация. В статье представлена ономастическая характеристика метафорических фелисонимов (собственных имён домашних кошек), мотивированных цветовым признаком. Показано, что роль метафоры проявляется на стадии номинации как мотивировка по цветовому признаку. Установлено, что цветовые метафорические фелисонимы образуются в процессе онимизации апеллятивов при отсутствии их обязательной закреплённости за определёнными окрасами шёрстного покрова кошки. Выявлены модели метафорических переносов имени с объекта-эталона на объект-цель («предмет – кошка», «животное – кошка», «физический мир – кошка») и основные тематические группы объектов-эталонов. Определены ономообразовательные особенности цветовых метафорических фелисонимов и специфика их функционирования.

Ключевые слова: фелисоним, метафорическое имя, цвет, объект-эталон, объект-цель.

Abstract. The article presents the onomastic characteristics of metaphorical colour-motivated felisonyms (proper names of domestic cats). The role of metaphor manifesting itself at the stage of nomination as a colour-based motivation is determined. It is established that colour-motivated metaphorical felisonyms are formed in the process of onymization of appellatives without their strict attachment to certain colours of the cat's fur. Models of metaphorical transfer of the name from the reference object to the target object ("object – cat", "animal – cat", "physical world – cat") and the main thematic groups of reference objects are revealed. The onym-forming features of colour-motivated metaphorical felisonyms and the specifics of their functioning are determined.

Keywords: felisonym, metaphorical name, colour, reference object, target object.

Актуальность настоящего исследования определяется малоизученностью фелисонимов (собственных имён домашних кошек), традиционно рассматривающихся совместно с другими разрядами зоонимов в общих зоонимических работах (Н. Г. Рядченко [1], Е. Н. Варникова [2; 3], Т. В. Федотова [4; 5], М. Ю. Беляева [6; 7], М. В. Боброва [8] и др.), в которых фрагментарно упоминается

о свойственном зоонимам образованию по метафорическим моделям [3, с. 240; 7, с. 76]. «Зоонимической универсалией» являются онимы, мотивированные цветовым признаком [1, с. 79; 9, с. 57]. Они отражают визуальную характеристику животного и предоставляют человеку важную и разнообразную информацию об окружающем мире [10, с. 71].

Картотека фелисонимов, собранная в ходе опроса 223 респондентов из Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (БФУ им. И. Канта) и в процессе сплошной выборки с Интернет-ресурсов (CATS-портала tau.ru и группы «Жирен и красив» в социальной сети ВКонтакте) свидетельствует о популярности цветовой метафорической номинации у имядателей. Из зафиксированных 384 фелисонимов, мотивированных цветовым признаком, 223 фелисонима (58%) представляют собой продукт метафорического переноса. На наш взгляд, выявленная продуктивность метафорических номинаций, подтверждает тезис о том, что «способность к созданию метафор <...> является частью языковой компетенции каждого человека» [10, с. 11].

Целью настоящей статьи является выявление ономастической характеристики метафорических фелисонимов, мотивированных цветовым признаком. Опираясь на лингвистические исследования метафоры, выполненные В. К. Харченко [11], Г. Н. Скляревской [12], Л. В. Балашовой [10] и др., автор предпринимает попытку рассмотреть процесс образования цветowych метафорических фелисонимов, модели метафорических переносов имени с объекта-эталона на объект-цель, тематические группы объектов-эталонов, ономообразовательные особенности цветowych метафорических фелисонимов и специфику их функционирования.

Согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, метафорическое имя – это «собственное имя, возникающее в результате переноса имени с одного объекта на другой при действительном или предполагаемом сходстве этих объектов» [13, с. 79–80]. Суть метафорического имени заключается в осмыслении имядателем одного характеризующего признака объекта-цели и его ассоциации с соответствующим признаком объекта-эталона. За каждым метафорическим именем стоит определённый когнитивный контекст, соотносящий создаваемое имя с определённой когнитивной областью знания. А. В. Суперанская подчёркивает, что «в момент называния какая-либо черта <...> кладётся в основу его названия (имени) и как бы становится репрезентантом всего предмета в целом» [14, с. 244]. В анализируемом материале семантическим посредником метафоры (модулем сравнения) выступает признак «цвет». Цветовые ассоциации с различными

объектами-эталоном отражают особенности языковой картины мира имядателя. При этом имя собственное, возникающее в результате метафорического переноса, не только называет объект-цель, но и является его экспрессивной характеристикой [15, с. 68].

В собранной картотеке признак «цвет» представлен семью **окрасами шёрстного покрова кошки**: рыжим (49% от общего количества цветовых метафорических фелисонимов), белым (21%), чёрным (12,5%), биколором «чёрный + белый» (1,6%), серым (11,5%), коричневым (3,6%) и черепаховым (0,8%). Анализ лексики, которая участвует в образовании цветовых метафорических фелисонимов, показывает, что рассматриваемые фелисонимы образуются в процессе метафорической онимизация апеллятивов.

Метафорические фелисонимы, мотивированные рыжим окрасом, отмечены не только наибольшей продуктивностью, но и «множественностью образного прочтения» [11, с. 18]. Они эксплицируют связь с 45 объектами-эталоном при абсолютном лидерстве апеллятива «персик», в результате онимизации которого образуется фелисоним *Персик*, насчитывающий в собранной картотеке 26 тезоимённых онимов.

Наименее частотными оказались фелисонимы, мотивированные черепаховым окрасом. Они представлены всего лишь двумя именами *Анаконда* («бело-рыже-чёрная кошка, напоминающая красочную анаконду») и *Фенечка* («пёстрая трёхцветная кошка – настоящая “фенечка!”»). На наш взгляд, низкая частотность «черепаховых» фелисонимов является проявлением сложности ассоциирования с многоцветными объектами, сочетающими различные цветовые оттенки.

Проведённый анализ свидетельствует также об отсутствии обязательной закреплённости фелисонима за определённым окрасом. Так, имя *Одуванчик* присвоено рыжему коту по сходству с цветущим одуванчиком и белому коту по сходству с созревшим одуванчиком, имя *Изюм* присвоено и рыжему, и чёрному котам по сходству с цветом разных сортов изюма. Выявленная избирательность объясняется приоритетными установками имядателя, ассоциирующего объект-цель с различными цветовыми стадиями объекта-эталона. Кроме того, перенос имени может осуществляться не только по сходству объектов, но и по их контрасту. Например, имена *Кокос*, *Снежик*, *Снежок* и *Тучка* присвоены и белым, и чёрным котам.

Отталкиваясь от классификации моделей метафорических переносов Г. Н. Склярёвской [12, с. 80–100], в анализируемом корпусе были выделены три **модели переноса имени с объекта-эталона на объект-цель**:

(1) «предмет – кошка»: *Абрикос, Апельсин, Бетон, Кефир, Лапша, Люттик, Персик, Финик, Шницель*;

(2) «животное – кошка»: *Анаконда, Белка* («сходство с цветом шерсти рыжей кустарниковой белки»), *Лисёнок, Пингвин* («чёрный кот с белой грудкой»);

(3) «физический мир – кошка»: *Лучик, Ночь, Огонёк*.

Основными **тематическими группами объектов-эталонов**, на базе которых образованы анализируемые фелисонимы, являются

- плодово-ягодные растения: *Апельсин, Дыня, Ежевика, Инжир, Мандарин*;

- овощные культуры: *Морковь, Перец, Перчик, Репка*;

- кустарниковые и цветковые растения: *Жасмин, Люттик, Одуванчик*;

- кисломолочные продукты: *Кефир, Мороженка, Ряженка, Сметанка*;

- мучные изделия: *Гренка, Лапша, Пирожок, Сырник*;

- кондитерские изделия и конфеты: *Вафля, Зефир, Ириска, Карамелька, Лакрица* («имя кошки по сходству с лакричной конфетой чёрного цвета – конфетой на основе корня солодки»), *Марципан, Шоколадка*;

- готовые блюда и напитки: *Курага, Омлет, Кофа* («сходство с цветом кофе»), *Наггетс, Шницель*;

- грибы: *Маслёнок, Рыжик*;

- животные: *Ирбис, Лиса, Мышь, Суслик*;

- предметы, образовавшиеся в результате природных процессов или атмосферных явлений: *Дым, Золя* («чёрная кошка цвета золы»), *Облачко, Плесень, Снежинка, Снежок, Сугроб*;

- породы, минералы, строительные смеси: *Алмаз, Антрацит, Базальт, Бетон, Гудрон, Оникс, Уголь, Штукатурка, Янтарь*;

- стадии суток: *Ноча, Ночка* и др.

Ключевыми **онимообразовательными особенностями** цветовых метафорических фелисонимов в исследуемом материале являются:

- использование диминутивных формантов: -ёк: *Огонёк, Уголёк*; -ик: *Абрикосик, Лисик, Лучик, Снежик*; -ка: *Ежевичка, Жасминка, Зефирка, Черничка, Шоколадка*; -ок: *Дымок, Снежок*; -чик: *Зефирчик, Кефирчик*; -ша: *Апельсиша*; -юшка: *Зефирюшка, Печенюшка*;

- стилизация под патроним или под антропонимическую фамилию посредством добавления формантов: -ыч: *Дымыч, Сметаныч, Снежыч*; -ин: *Белкин*;

- усечение: *Перси* (персик), *Перчи* (перчик), *Пингви* (пингвин);

- образование феминных онимов: *Дыма, Мыша, Ноча, Рыся*.

Установленные онимообразовательные особенности, на наш взгляд, отражают доброе отношение имядателя к своему питомцу и настрой на положительную коммуникацию с ним, немаловажную роль в которой играет ласково звучащее имя.

В силу того, что цвет является достаточно устойчивым признаком, образность цветowych фелисонимов может сохраняться на всём протяжении их функционирования. Однако в собранной картотеке присутствуют фелисонимы, потерявшие свою первоначальную цветовую образность, поскольку цветовой признак, положенный в основу их номинации, изменился с течением времени. Так, шерсть чёрного кота по имени *Уголёк* стала седой, а белый кот *Снежок* порыжел и утратил свою первоначальную белоснежность. Выявленные факты свидетельствуют о том, что образность метафорического цветowego фелисонима не всегда выдерживает проверку критерием времени, а также согласуются с мнением А. В. Суперанской о том, что в именах собственных метафоры могут «присутствовать лишь в момент первичного наименования как их **мотивировка**», тогда как в процессе функционирования метафорического имени «носящий это имя предмет может быть полной противоположностью того образа, который послужил когда-то мотивировкой имени» [14, с. 244].

Итак, в ходе проведённого исследования установлено, что при создании цветowych метафорических фелисонимов роль метафоры проявляется на стадии номинации как мотивировка по признаку «цвет». Цветовые метафорические фелисонимы образуются в процессе онимизации апеллятивов при отсутствии их обязательной закреплённости за определёнными окрасами шёрстного покрова кошки. Кроме того, перенос имени с объекта-эталона на объект-цель может происходить не только по сходству объектов, но и по их контрасту. Выбор модели метафорического переноса и тематики объектов-эталонов, а также использование онимообразовательных формантов определяется исключительно предпочтениями и вкусами имядателя. Таким образом, выявленная ономастическая характеристика цветowych метафорических фелисонимов позволяет считать их богатым источником пополнения не только фелисонимического репертуара, но и наших знаний об особенностях языковой картины мира номинатора.

Список литературы

1. Рядченко Н. Г. Зоонимия русская // Русская ономастика и ономастика России. Словарь. М. : Школа-Пресс, 1994. С. 78–84.
2. Варникова Е. Н. Зоонимы : место в ономастическом пространстве // Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10). С. 51–62.
3. Варникова Е. Н. Языковая игра в русской зоонимии // Ономастика Поволжья : Материалы XX Международной научной конференции. Элиста, 5–7 октября 2022 года, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова. Волгоград, 2022. С. 238–241.
4. Федотова Т. В. Особенности номинативной ситуации и принципы номинации в зоонимии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 4. С. 33–40.
5. Федотова Т. В. Мотивационные характеристики в зоонимии как элемент языковой картины мира номинатора // Ономастика Поволжья : Материалы XX Международной научной конференции. Элиста, 5–7 октября 2022 года, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова. Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. С. 250–253.
6. Беляева М. Ю. Ономастика Кубани: прошлое и настоящее : учебное пособие для студентов вузов / М. Ю. Беляева, Л. И. Сартаева, Е. Н. Трегубова ; под общей редакцией доктора филологических наук, профессора М. Ю. Беляевой. Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2020. 138 с.
7. Беляева М. Ю. Региональный зоонимикон: функциональные свойства языка в зоонимии Краснодарского края // Педагогический вуз в социокультурном и образовательном пространстве региона : Сборник научных трудов региональной научно-практической конференции, посвященной 25-летию филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани (г. Славянск-на-Кубани, 27–29 сентября 2019 г.). В 2-х частях. Часть 1. Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2020. С. 73–79.
8. Боброва М. В. Современный сельский зоонимикон в деривационном аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13. Вып. 2. С. 5–13.
9. Шмелёва Т. В. Ономастика : учебное пособие / Т. В. Шмелева ; Филиал ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани. Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. 161 с.
10. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
11. Харченко В. К. Функции метафоры. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. 88 с.
12. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб. : «Наука», 1993. 151 с.
13. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : «Наука», 1988. 187 с.
14. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : «Наука», 1973. 365 с.
15. Гайдукова Т. М. Цветовая метафора в антропоцентрической сфере (на материале немецкого языка) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4-2. С. 68–72.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

UDC 811.111:60

Агаджанян Р.В., Пуха А.С. The ways of neologisms formation in the English biotechnology term system

Agadzhanyan Ruben Vladimirovich

Cand. Sci. (Philology), senior lecturer of Foreign and Russian languages department
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Pukha Alina Sergeevna

student of biotechnology faculty, Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Агаджанян Рубен Владимирович

Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Российский государственный аграрный университет - МСХА им. Тимирязева К.А

Пуха Алина Сергеевна

студентка кафедры биотехнологии, Российский государственный аграрный
университет - МСХА им. Тимирязева К.А

Abstract. The article is devoted to the presentation of one of the possible ways of new terms formation in the field of biotechnology. This paper aims to discuss the great importance that neologisms reveal in replenishment of the biotechnology vocabulary. The authors provide relevant theoretical foundations of neology of the English language. In particular, the term «neologism» is clarified, approaches to the classification of word innovations are identified. Special attention in the study is paid to the representation of the most common models of neologisms creation in the English language biotechnology terminology. The analysis of structural and semantic features of neologisms in the specified area is carried out. The conducted exploration indicates the prospects of studying neologisms in the field of biotechnology. Thanks to the rapid development of this particular field of science, it can contribute to the emergence of new terms that will benefit the whole sphere of terminology of the language.

Keywords: English biotechnological term system, morphological method, concept, neologisms, classification.

Biotechnology is a rapidly evolving scientific field with new innovations and discoveries. New words are constantly being coined to describe appearing advancements and to make scientific communication more efficient. Studying of neologisms in biotechnology offers a unique opportunity to understand the concepts and ideas that are driving innovation in the field. By examining the roots and meanings of neologisms, researchers can gain insights into the underlying principles of biotechnology and how they are being applied in different contexts.

The main problems currently being discussed in the terminology literature are gathered into groups in which some problems can be regarded as solved, others as unresolved, and still others as debatable. One such problem is the complex problem of the emergence, existence and development of new terms. Historically, the rapid process of development biological and technological sciences is accompanied by the replenishment of specialized language of the corresponding branch with new terms, reflecting the objective reality. The specifics of the creation of new terms, representing new concepts, is dealt with by the science of neology.

The problem of providing the scientific sphere with new terms has always been relevant for linguistics. It is neonymy that develops both questions of the emergence of new terms and their semantic comprehension, and borrowing from one language to another, as well as different ways of word formation [1, p. 55]. As we define it in this paper, neologisms are words that have been recently coined or gained new meanings, and they are particularly prevalent in the field of biotechnology. Many of these words are acronyms or abbreviations, such as CRISPR (Clustered Regularly Interspaced Short Palindromic Repeats), and others are compound words, such as bioinformatics, pharmacogenomics, and proteomics. In one the latest studies, is said that «neologisms [Greek «neos» – new + «logos» – word] are words that include the feature of novelty» [2, p. 466]. It means that the question of the methods of term formation and the ways of forming the term system of the biotechnological field of knowledge never loses its relevance.

The biotechnological term system is a complex phenomenon, since biotechnology is a complex combination of scientific knowledge of related disciplines – biology, medicine, genetics, ecology, bioethics, philosophy, sociology, psychology, law and etc.

Biotechnological terminology is at the stage of formation because science itself undergoes constant dynamic changes, which makes it relevant to study the specific features of new terms and terminological combinations, as they allow us to reveal the essence of the process of formation of the term system and show the patterns of formation of the special vocabulary.

According to T. Dankova, the biotechnological term system is represented by English-language neologisms, since the science is served mostly by English-language terminology. However, in the process of studying the sublanguage of biotechnology, it was revealed that Greek and Latin semantic elements with a wide range of meanings play an important role [3, p. 200]. Due to this, the study of terminology in this field of science is of great interest to linguists.

The object of this study is the English language biotechnological neologisms.

The subject of the study is the term system of biotechnology and its characteristics.

The purpose of the study is to analyze the specific features of biotechnological term formation and the ways of forming word–building models in this field.

The research methods used in this study are closely connected with the general trends in linguistics and based on structural word formation analysis

The practical value of the work lies in the fact that with the help of studied research materials, it can be possible to compile terminological minimum dictionaries on biotechnology, as well as to use the results of the conducted research in a teaching practice.

Before examining of the structural features of the biotechnological term system, it is necessary to understand the meaning of the word «term». As we see it, the concept of the term is not special words, but only words in their special function. The special function in which a word acts as a term is the function of the name. The function of the name often includes words of quite everyday meaning, and everyday words can be terms. However, a household term is the name of a thing. Meanwhile, the scientific and technical term is certainly the name of the concept [4]. Here only the nominative function of the term is revealed, but other linguists put forward a thesis about the definitive function of the term. During the study of the features of the term by linguists, many definitions and meanings of the term have been expressed, since representatives of various disciplines have a specific meaning, and a different amount of content is invested in its concept. Meanwhile in all definitions of the term, its connection with the concept is emphasized. For example, «a term is a word (or phrase) of a special (scientific, technical, etc.) language created for the exact expression of special concepts and the designation of special objects» [5]. In one recent study, the term considers as a «language code expression that implies content which is inextricably linked to the plan of operation. Hence, it always takes into account their potential compatibility with other terminological and non-terminological lexical units» [6, p. 358].

Thus, the term in the presented article means «a special word or phrase of a professional language used in the conditions of professional discourse and bearing a certain meaning». The biotechnological term system is a set of lexical units, the meaning of which is directly related to the doctrine of biotechnology. The specificity of the term is determined by the specificity of scientific language as a whole. The term belongs to two systems simultaneously - to the logical and conceptual system of a certain branch of scientific knowledge and to the lexical system of the literary language. In these spheres the definitive function of the term is carried out, i.e. the function of definition. In addition, the term is the iconic expression of a concept, this is its nominative function. The term functions mainly are

in the sphere of professional communication - here its informative (as a means of fixing the volume of scientific information) and communicative (as a means of professional communication) functions are carried out.

The biotechnological term system is represented by a set of biotechnological terms. In this article, a biotechnological term is defined as a word or phrase that serves the biotechnology industry and forms an idea of the use of living organisms and their biological processes in production. Since in this article biotechnology is interpreted as a branch of science that explores the possibilities of using living organisms and their life products in technological issues, as well as the creation of new organisms using genetic engineering, the biotechnological term is characterized by substantive and conceptual features that allow it to be attributed to this scientific field.

The study of the conceptual and terminological apparatus of scientific or pedagogical knowledge is impossible without defining the essence of such a phenomenon of interaction of thought and language as a concept. The concept of «biotechnology» appeared in the language relatively recently. In 1917, the term was first introduced by the Hungarian engineer Karl Ereki and meant «all types of work in which certain products are produced from raw materials with the help of living organisms». However, the beginning of the development and use of biotechnology in its modern concept is considered to be 1973, when Stanley Cohen and Herbert Boyer obtained recombinant plasmids and transformed E.coli cells with them [7]. Since biotechnology is a new and actively developing industry, the main part of its own vocabulary, not borrowed from the disciplines that form the basis of scientific knowledge of the industry, is represented by neologisms - these are words that are new in their forms and that relate to concepts that are new [8].

The term «biotechnology» itself is a fusion of widely used roots of Greek and Latin origins (from Greek. «bios» – life, techno – art, craftsmanship, «logos» – teaching) is a set of techniques and methods of industrial production that use living organisms and knowledge of the natural science industry to produce valuable products. The biotechnology industry is one of the most important areas on the spectrum of producing drugs with the highest possible therapeutic effect and the least possible side effects on the body. Since biotechnology has been transformed in this millennium into a complex science, it combined a number of areas in science and technology.

The fact of presence of neologisms in corresponding adjacent branches of science and technology is becoming quite obvious. In particular, biotechnical expertise is used to produce medicines, the so-called biotherapeutic or biosimilar preparations (biosimilars,

bio-ginger tincture) and diagnostic tools (biochips, test systems). The field under discussion has been called «red biotechnology» or medical biotechnology.

Term formation in the sphere biotechnology knowledge is originally based on Greek and Latin morpheme elements. Due to this, elements of these languages are widely used in modern scientific terminology as international word-forming elements, implying definitions understandable to the entire scientific community [9, p. 2]. Giving the overarching importance of these two languages for the full development of medical scientific terminology, it is not surprising that such a tradition continues till today. The biotechnological terminological system certainly includes many medical terms, but its development nowadays is due to the synthesis of various concepts of different branches of scientific knowledge, mainly being part of the fields of biology and technological sciences.

In this paper, we have studied and revealed the most frequently used method of term formation, that is the morphological prefix-suffix method. In the process of English-language biotechnological terminology formation, prefixes of Latin (re-, de-, b-, pre-, ad-) and Greek (anti-, auto-, chemo-, bio-) origin play a big role due to the high frequency of use.

Among the most commonly used Latin prefixes, with the help of which single-component terms are formed, are:

- co- (co-metabolism, co-transport, co-enzyme);
- de- (denaturation, detoxification, decomposition);
- di- (dialysis, digestion, diffusion);
- ex- (explant, expression, explantation);
- in- (im-) (inhibitor, insulator, inbreeding, inorganic, immunogen, imprinting, imposter);
- inter- (interferon, interchromomere, interphase);
- re- (recombination, redox, renaturation, replication);
- sub- (substrate, subsite, subunit, sub-clone);
- super- (superinduction, supercoil, superhelix, superstructure);
- trans- (trans-splicing, transamination, transcription, transcytosis, transgene, transposition);
- ultra- (ultrafiltration, ultracentrifugation).

Greek prefixes are represented by the following elements:

- a- (abiotic, acellular);
- anti- (antibiotic, anticodon, antigen, anti-oncogene);
- dia- (dialysis, diastereoisomer, diakinesis);
- endo- (endocytosis, endoderm, endomitosis, endonuclease)

- hyper- (hyperplaid, hypertonic, hyperpolarization);
- hypo- (hypoploid, hypotonic, hypocotyl);
- para- (paralogous, parahormone, parasite);
- poly- (polygene, polymer, polymerase, polyploidy).

The prefix method of creating new terms is characterized by the addition of prefixes comprising different semantic load. The prefixes can be divided into groups according to their semantic meaning: prefixes to denote opposite concepts, prefixes to determine the intensity of a trait and prefixes to determine the completeness of a trait.

Thus, the English-language biotechnological terminology is an open system, represented by general terms that are actively used in the field of scientific communication, and is constantly replenished with new terminological units, since young science is dynamically developing and replenished with new terms. The study of the formation of biotechnology as a complex and intensively developing science, the subjects of study of which covers a wide range of related disciplines – biology, medicine, genetics, chemistry, ecology, bioethics, philosophy, sociology, psychology, law, and has a direct impact on filling its terminological system with new terminological units.

The diverse content of the terminological system of this scientific field allows us to identify larger groups of terms:

1. general terms (general scientific);
2. base terms (from the field of biology, medicine, genetics, chemistry, ecology etc.);
3. own terms [10].

Here is the group of general terms includes general scientific terms used in texts of any branch of knowledge: analysis; hypothesis; method; synthesis; structure; theory; function. The basic terms include terms borrowed from related disciplines: chemistry – adsorption, diffusion, amino acid; biology – cell, strain, hybridization; genetics – gene, chromosome; medicine – ligation, vaccination. The proprietary terminology of biotechnology is represented by complex narrowly focused terms that denote concepts specific only to this field of scientific knowledge: genetically modified organizations (GMO), turbidostat, surface cultivation, monoculture, introduction, bioreactor. As it is seen, the classification of terminology in the field of biotechnology reveals its heterogeneous composition, which, on the one hand, is a set of terms from related scientific fields, and on the other hand, is represented by the industry's own lexical apparatus.

Since the industry is currently actively developing and being introduced into all scientific fields, the emerging biotechnological English-language terminology is considered

as an open system, constantly replenished with new units. It should be added that terms and terminologies are necessary tools for formation of scientific theories, laws, provisions and are represented as an integral and integral part of science and technology. In this case, J. Zhigunova believes that mastering terminology is the main problem in comprehending any scientific knowledge, because terminological units play an important role in professional and scientific communication [11]. There is no doubt that solving the issue of terminological accuracy is a priority task not only in lexicology, but also in such practical plane as foreign language teaching, in particular, in non-linguistic universities, where it is almost the most important issue affecting the features of forming cognitive activity of students, mastering the most important concepts for their specialty with the help of a foreign language [12, p. 1].

Neologisms also provide a window into the social and cultural aspects of science and technology. By looking at how neologisms are created and adopted, researchers can gain a better understanding of how scientific knowledge is constructed and disseminated within scientific communities.

Moreover, studying neologisms in biotechnology can contribute to the development of more effective communication strategies in the field. By understanding the nuances and connotations of neologisms, researchers can communicate more clearly and effectively with each other and with the general public.

As a result of the conducted research, it can be concluded that the terminology of biotechnology is an open system represented by common terms of scientific knowledge. These terms denote concepts, methods, functions and objects of professional activity in this specific field. They are exclusively served by specifically conditioned terminology, in which the leading position belongs to multicomponent terms expressing the capacious names of scientific concepts and processes. The classification of terminology in the sphere of biotechnology demonstrates its heterogeneous composition, which is a collection of terms taken from a large number of sciences. Finally, the study of neologisms in the field of biotechnology offers a wealth of opportunities for researchers to gain insights into the concepts, ideas, and social dynamics that are driving scientific innovation. With new discoveries and innovations constantly emerging, the study of neologisms will undoubtedly continue to be an important area of research in biotechnology for years to come.

Список литературы

1. Kuprina, T. V. Modern trends in Russian lexical system development: theoretical aspect / T. V. Kuprina, S. M. Minasyan // Cross - Cultural Studies: Education and Science. – 2021. – Vol. 6, No. 1. – P. 53-61. – DOI 10.24411/2470-1262-2021-10103. – EDN LZIIXE.
2. Korovina, O. S. Teoreticheskie osnovy izucheniya neologizmov. Ponyatie "neologizm" / O. S. Korovina, A. V. Kritskij // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. – 2021. – № 37. – P. 464-470. – EDN WNQHZC.
3. Dankova T.N. Tipologicheskie osobennosti sovremennoi russkoi terminologii biotekhnologii (Typological features of modern Russian terminology of biotechnology). // Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 2. P. 199– 206. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_2_199.
4. Ismatullaeva I.I. Concept as the basic term of the cognitive linguistics. Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences, 2 (9), P. 533-538. educational sciences, 3 (10), P. 621-628. (2022).
5. Akhmanova O.S. Slovar' omonimov russkogo iazyka (Dictionary of homonyms of the Russian language) // About S. Akhmanova - 3rd ed., stereotype. – M., Rus yaz., 1986. 448p.
6. Tihonova, N.YU. K polozheniyu o sistemnoj prirode termina na primere angloyazychnyh terminov prava i politiki / N. YU. Tihonova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2020. – № 1(80). – P. 357-359. – DOI 10.24411/1991-5497-2020-00144. – EDN FFAXAN.
7. Yevtushenkov A.N., Fomicheva Yu.K. Vvedenie v biotekhnologiiu: Kurs lektsii (Introduction to biotechnology: a course of lectures). // Mn.: BSU, 2002. - 105 P.
8. Mair C. Twentieth-Century English. History, Variation, and Standardization. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 471 p.
9. Myshak O.O. Greko-latinskie prefiksy v angloiazыchnoi terminologii biotekhnologii (Greco-Latin prefixes in the English biotechnological terminology). // Studia Humanitatis. 2018. № 2. – URL <http://st-hum.ru> (дата обращения: 06.04.2020)
10. Myshak O.O. Klassifikatsiia angloiazыchnoi terminologii Biotekhnologii (The classification of English biotechnological terminology). // Studia Humanitatis. 2019. № 2.
11. Zhigunova, ZH.G. Anglijskaya terminologiya social'noj raboty v diahronii i sinhronii [Tekst] / ZH.G. Zhigunova: Dis. kand. filol. nauk: 10.02.04. – Omsk, 2003. – 155 s.
12. Krutova I.YU. Sub'ektno-deyatel'nostnyj podhod k formirovaniyu poznavatel'noj aktivnosti studentov // Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptaciya, razvitie: setevoj zhurn. – 2016. – № 1 (12). – S. 27-34. Rezhim dostupa: http://humjournal.rzgm.ru/upload-files/1_12_16/03_Krutova_112_16.pdf (data obrashcheniya: 18.01.2023).

УДК 81+811.161.1'38

Гимпельсон Е.Г. К вопросу о принципах выделения риторических жанров

Гимпельсон Елена Григорьевна

кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский кооперативный институт
АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации»

On the question of the principles of the allocation of rhetorical genres

Gimpelson Elena Grigoryevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Volgograd Cooperative Institute
ANOO IN the Centrosoyuz of the Russian Federation "Russian University of Cooperation"

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с трактовкой термина «речевой жанр» в современной лингвистической литературе. Автор считает необходимым создание отдельных жанровых систем, соответствующих каждому конкретному дискурсу, а также выступает против помещения в такую систему неоднородных по объему объектов, выделенных на разных основаниях.

Ключевые слова: риторика, риторический жанр, речевое событие, модель жанра, микротема.

Abstract. The article discusses the problems associated with the interpretation of the term speech genre in modern linguistic literature. The author considers it necessary to create separate genre systems corresponding to each specific discourse, and also opposes the placement of heterogeneous objects in such a system, allocated on different grounds.

Keywords: rhetoric, rhetorical genre, speech event, genre model, microtheme.

Введение. В последнее время многие авторы отмечают усиление интереса к изучению специфики речевых жанров. Однако, наряду с положительным влиянием на развитие жанроведения, этот факт оказывает и отрицательное влияние: обращение к описанию жанров исследователей, не знакомых с общей теорией жанра, приводит к размыванию значения понятия «жанр», утрате данным словом признаков термина. В связи с этим представляется актуальным обратить внимание на некоторые моменты, связанные с указанной проблемой.

С самого начала возникновения жанроведения как самостоятельной научной дисциплины в России (90-е годы XX в.) основное внимание уделялось описанию речевых жанров бытового общения, поскольку это исходные элементарные единицы (первичные жанры), на базе которых затем строятся риторические жанры, предназначенные для делового общения. Вместе с тем следует отметить, что для преподавания риторики в вузе более важно иметь описание именно риторических жанров, поскольку, как указывал Ю.М. Лотман, противопоставлявший первичный (бытовой) жанр вторичному (риторическому): «Первому носители данной культуры

учатся, как родному языку, – погружаясь в непосредственное употребление, не замечая, когда, где и от кого они приобрели навыки пользования этой системой. <...> Второму типу поведения учатся как иностранному языку, – по правилам и грамматикам, сначала усваивая нормы, а затем уже, на их основе, строя "тексты поведения"» [1, с. 249]. В связи с этим описание этих «норм» и составление этих «грамматик» особенно востребовано в области профессиональной подготовки специалистов «говорящих» профессий: не только учителей, юристов, менеджеров, но и врачей, военных, PR-специалистов и т.п.

Результаты исследования. Общие принципы описания жанров делового общения были четко сформулированы в работах Т.В. Анисимовой. Однако, к сожалению, в настоящее время, как и 20 лет назад, остаются актуальными напоминания о том, что «несмотря на отсутствие строгого определения понятия жанр, нужно согласиться с тем, что это явление РЕЧИ, в противном случае теряется сам предмет обсуждения» [2, с. 44], а также что «термин "жанр" может быть отнесен только к целому тексту, а не к отдельным его частям. Имеющаяся тенденция сведения жанров к отдельным (иногда вырванным из текста) фразам представляется непродуктивной» [3, с. 55]. До сих пор, несмотря на все усилия специалистов в области жанроведения, жанрами продолжают называть самые разные (часто не имеющие никакого отношения к традиционному взгляду на суть этого феномена) явления.

Во-первых, речевые жанры отождествляются с речевыми актами, в результате чего в одном тексте может быть выделено несколько речевых жанров, например, жанры *поздравление, похвала, благодарность, пожелание* в рамках одной *поздравительной речи* (см., например, [4]). Однако термин «жанр» может быть приложен только к законченному высказыванию, имеющему единую цель и предназначенному конкретному адресату.

Во-вторых, понятие жанра трактуется через толкование его названия (и однокоренных с ним слов) в обычных словарях. Так, Е. А. Пономаренко и О. А. Чуреева, описывая особенности жанров *обвинения* и *упрёка*, отталкиваются от объяснения значения соответствующих глаголов (обвинять и упрекать) в толковых словарях, что приводит исследователей к выводу о тождественности назначения указанных жанров [5, с. 23]. Вместе с тем понятие речевого жанра не может быть сведено к значению соответствующего глагола, поскольку при оценке жанра должны быть учтены не только лингвистические, но и экстралингвистические аспекты. Риторический анализ современной речевой практики свидетельствует, что при квалификации жанров как более или менее самостоятельных единиц достаточно

наличия хотя бы одного отличительного признака, чтобы признать их самостоятельными единицами системы (см. об этом: [6, с. 65]).

В-третьих, жанром называют самые разные характеристики текста: *дефинирование* (О. В. Коротеева), *притворство* (С. Деннингхаус), *ложь (вранье)* (В. И. Шаховский), *рекламу* (Л. А. Бусенская), *фатику* (Ж. В. Милованова) и т. п. Здесь жанрами оказываются не «определенные и относительно устойчивые типические формы построения целого» [7, с. 448], а качество намерений говорящего (*ложь*), область коммуникации (*фатика*) и т. п., которые могут быть облечены в самые разные жанровые формы. Эта тенденция в последние годы приняла особенно недопустимые формы, когда жанрами стали называть еще более обширные сферы общения, не имеющие ничего общего с понятием «жанр»: *фейсбук*, *интернет-дискурс*, *сайт организации*, *публицистику* и т.п. По отношению к подобным явлениям невозможно говорить о какой-либо непротиворечивой модели жанра. К ним также невозможно приложить характеристику жанра, сформулированную М. М. Бахтиным, считавшим основными признаками жанра тематическое, композиционное или стилистическое единство текста [7]. Приравнивание таких феноменов к жанру полностью размывает границы жанроведения.

Причину такого отношения к понятию «жанр» В. В. Дементьев видит в том что подобные взгляды чаще всего пропагандируются «в чрезвычайно многочисленных и неоднородных по принятым концепциям и используемым методам исследованиях по дискурсу, посвященных классификациям типов дискурса на разных основаниях» [8, с. 157], написанных учеными, собственные научные интересы которых лежат далеко в стороне от жанроведения. Однако «невозможно дискутировать относительно какого-либо объекта, воссоздавать историю его возникновения, не узнав сначала, каков он; иначе говоря, не исчерпав инвентарь его внутренних определений» [9].

Не позволяют добиться единства взглядов на принципы систематизации жанров речи и разногласия среди самих жанроведов. Так, Б. Я. Шарифуллин, цитируя статью Т. В. Анисимовой: «Но если свадьба – это лишь ситуация для создания различных речевых жанров, то работа без взаимодействия вообще исключает риторический аспект, поскольку при отсутствии аудитории речевые действия невозможны» [2, с. 44], возражает: «в таком случае не следует, что если работа без взаимодействия вообще исключает риторический аспект, то жанров здесь быть не может. Могут, и, быть может, даже риторические жанры. Отрицательный момент снимается, если принять, что свадьба и т.п. – это не просто жанры, а гипержанровые

сценарии, которые с точки зрения традиционной теории РЖ дефинировать весьма сложно» [10, с. 18].

Мы, однако, полагаем, что именно с точки зрения традиционной теории жанра гораздо проще навести порядок в многообразии форм, если установить, что в один уровень классификации могут включаться только однородные феномены. Так, *жанрами* следует называть только законченные (от смены до смены говорящего, по М.М. Бахтину [7]), самостоятельные высказывания. Если же мы рассматриваем фрагменты одного высказывания, то их следует называть *микротемами*, *стратегиями* и *тактиками* и т. п., в зависимости от задач, стоящих как перед оратором, так и перед исследователем жанра. Что же касается *свадьбы*, *застолья*, *скандала* и т. п., то это *речевые события*, то есть жизненные ситуации, имеющие определенный традиционный сценарий развития и требующие включения одних и тех же жанров. Б.Я. Шарифуллин и сам понимает, что это именно *речевые события*, поскольку регулярно их так называет: «Такого рода речевые события (застолье, флирт или ссора) можно определить как "сверхсложные"...»; «за гипержанровым речевым событием стоит сложная, многокомпонентная цепочка реальных событий действительности, отсюда и соответствующие сложные и многокомпонентные речевые события и действия, объединенные в рамках одного коммуникативного сценария...» [10, с. 20]. Далее речевые события могут быть разделены на простые и сложные, комбинированные, сверхсложные и т. п. по желанию исследователя, однако важно, чтобы они не смешивались с жанрами, дабы не вводить в заблуждение читателя и не разрушать единство терминологии. О том, что в противном случае изъяны неизбежны, говорит и фрагмент, приводимый самим автором цитируемой статьи, который возражает К. Ф. Седову, включившему в число гипержанров «*семейный ГЖ*» [см.:11, с. 41]: «за "семейным ГЖ" не стоит никакое, пусть многокомпонентное, комплексное, но цельное, единое реальное событие. Это просто семейная жизнь во множестве самых разных событий» [10, с. 20].

Некоторая недоработанность подобных концепций видится нам и в том, что исследователь, не соглашаясь с тем, что «работа без взаимодействия вообще исключает риторический аспект» (см. выше), не приводит никаких аргументов (или примеров) того, что риторические жанры в этой ситуации возможны. Однако голословное отбрасывание тезиса оппонента не может быть убедительным для читателя.

Таким образом, полагаем, что за терминами «речевой жанр» и «риторический жанр» следует сохранять только традиционное значение, аналогичное тому, что используется для описания системы жанров иных родов и видов литературы: точно так же, как в литературоведении жанром называются *пьеса, повесть, поэма* и т.п., а не собрание сочинений автора, так и в риторике жанрами следует считать *поздравительную речь, ответное слово, опровержение* и т.п., а не *совещание* и тем более не *сайт*. Для описания же других феноменов лучше использовать более подходящие термины. «Композиция жанра состоит из микротем или реплик, а композиция речевого события состоит из отдельных жанров. Именно поэтому *заседание диссертационного совета, планерка* и др. не могут быть квалифицированы как жанры деловой речи, а лишь как речевые события. Многие из них способны включать не только речевые, но и неречевые акты. Так, *презентация* как речевое событие кроме выступлений участников может включать вручение подарков, фуршет, концерт артистов и т. п.» [12, с. 105-106].

Далее необходимо актуализировать мысль М. М. Бахтина о том, что «богатство и разнообразие речевых жанров необозримо» и каждая из сфер человеческой деятельности связана с «целым репертуаром» жанров [7, с. 428]. Из этого следует, что в каждой частной риторике необходимо исследовать свою систему жанров, актуальных именно в данной сфере общения.

Прежде всего такие системы будут различаться составом включаемых в них жанров и принципами объединения их в группы (см., например, описание системы PR-жанров в [13]). Кроме того, один и тот же жанр в разных сферах общения может иметь существенно разные характеристики. На эту особенность описания риторических жанров указывает, например, Е. С. Рыженко. Описывая специфику жанра *пресс-релиз* в PR-сфере, автор констатирует его существенные отличия от аналога, употребительного как в деловой сфере: «Если в деловой риторике указание на адресанта и его статус является важным компонентом установления контакта с адресатом, то PR-тексты не подписываются и не персонифицируются. Их отправителем мыслится компания в целом» [14, с. 48], так и в журналистике: «если обычный журналистский материал, чтобы быть востребованным, по возможности должен содержать элементы конфликта или противоборства, то PR-послание должно акцентироваться на победах и достижениях субъекта» [14, с. 47].

В связи с этим один и тот же жанр, функционирующий в разных сферах общения, получает разные характеристики, что приводит к появлению многозначности у

термина, обозначающего этот жанр. Так, Т. В. Анисимова подробно рассматривает трансформацию значения жанра *речь на презентации*, связанную с его перемещением из области связи с общественностью в маркетинг: сначала эпидейктическая речь на торжественном предъявлении общественности нового предмета (открытие детского центра, выпуск новой продукции и т.п.), потом речь на маркетинговом мероприятии с тем же названием, совмещающая эпидейктические элементы и побуждение к покупке, и наконец, сугубо рекламная речь в рамках личных продаж представителя фирмы [15].

Выводы. Итак, для того чтобы понятие *речевой жанр* сохраняло свой терминологический смысл, оно должно соответствовать ряду требований:

- Подчеркивать онтологичность жанров, поскольку «каждый жанр обладает своими способами, своими средствами видения и понимания действительности» [7, с. 468].

- Указывать на то, что речевой жанр обязательно адресуется конкретной аудитории и имеет специфическую только для него задачу. Этот признак особенно важен в рамках риторики, поскольку помогает отделить риторический текст (высказанный с определенной целью и адресованный конкретной аудитории) от нериторического (например, от художественной литературы).

- Провозглашать одним из важнейших свойств жанров их устойчивость, воспроизводимость всех характеристик (типичной тематики, соотношения адресата и адресанта, наличия определенных композиционных блоков и т.п.). Это требование основывается на понимании жанра как типовой модели, что детерминирует основной принцип его исследования – анализ жанрообразующих характеристик, необходимых для конструирования и опознания жанра как такового.

- Проводить описание специфики речевого жанра в непосредственной связи с той конкретной сферой общения, в которой этот жанр функционирует, поскольку от ее особенностей в большой степени зависят характеристики и самого жанра.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
2. Анисимова Т.В. О принципах классификации риторических жанров // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 2 (10). Красноярск, 2000. С. 43–48.
3. Анисимова Т.В. Некоторые принципы разграничения риторических жанров // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2005. № 4. С. 54–57.
4. Иркабаева М.В. Речевые акты и речевые жанры: соотношение понятий // Вестник Башкирского ун-та. 2010. № 3. С. 636–640.
5. Пономаренко Е. А., Чуреева О. А. Речевые жанры обвинения и упрёка в речевом поведении врача // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 21–27.
6. Теоретические основы PR-риторики: монография / Анисимова Т.В., Аксенова А.В., Мухина М.В., Рыженко Е.С. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. 511 с.
7. Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / сост. С. Бочаров, В. Кожинов. М.: Художественная литература, 1986. 543 с. (с. 428–472).
8. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
9. Леви-Стросс К. Путь масок / пер. с фр., сост. А.Б. Островского. М.: Республика, 2000. 399 с.
10. Шарифуллин Б.Я. Гипержанры и гипержанровые коммуникации // Грани познания. 2014. № 1(28) С. 18–21.
11. Седов К.Ф. Жанровое мышление языковой личности (к риторике бытового общения) // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 2 (10). Красноярск, 2000. С. 38–43.
12. Анисимова Т.В. К вопросу о значении термина «речевой жанр» // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева: Филологические науки. Тольятти, 2019. № 1 (28). Т. 1. С. 104–111.
13. Аксенова А.В., Анисимова Т.В. Принципы построения системы PR-жанров // Вестник Волгоградского гос. ун-та: Серия 2: Языкознание. № 1 (20) 2014. С. 20–25.
14. Рыженко Е.С., Анисимова Т.В. Пресс-релиз как риторический жанр (на материале имиджевых посланий ОАО «МРСК ЮГА» – «Волгоградэнерго») // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. 2012. № 8 (72). С. 45–49.
15. Анисимова Т.В. Многозначность как проблема теории жанров // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2011. № 2(14). С. 215–219.

УДК 811.111

Горшунов Ю.В. Эвфемизация хищения и воровства в английском языке

Горшунов Юрий Владимирович

Доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
gorshunov_@rambler.ru

Euphemization of theft in English

Gorshunov Yury Vladimirovich

Doctor of Philology, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology and Linguodidactics, Birsk Branch of the Ufa University of Science and Technology

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема эвфемизации социально значимых и табуируемых позорных и постыдных поступков, связанных с хищением и воровством. Акцент сделан на магазинную и квартирную кражи, похищение людей и детей, а также хищение домашних животных, относимых нами к асоциальному поведению. Выбор темы обусловлен тем фактом, что в современных условиях наибольшее развитие получают способы и средства эвфемизации, затрагивающие социально значимые темы, сферы деятельности человека, его отношений с другими людьми, с обществом, с властью, темы социальных пороков - проституцию, алкоголизм, наркоманию, недостойное поведение и проч. Темы шоплифтинга, похищения людей и детей, а также хищения домашних животных, относимые нами к асоциальному поведению, обделены вниманием специалистов, работающих с эвфемизмами. Данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований. Этот пробел частично восполняется примерами эвфемизмов и сленгизмов, отобранных из авторитетных словарей эвфемизмов и сленга, и англоязычной художественной литературы.

Ключевые слова: эвфемизмы, сленгизмы, эвфемизация, табуируемая тема, воровство, магазинная кража, квартирная кража, похищение людей и детей, хищение домашних животных

Abstract. The article deals with the problem of euphemizing socially significant, taboo and shameful acts associated with theft. The emphasis is on shoplifting and apartment theft, kidnapping of people and children, as well as petnapping, which we classify as antisocial behaviour. The choice of topic is due to the fact that in modern conditions there are of significance the methods and means of euphemization that affect socially significant topics, areas of human activity, man's relationships with other people, society, authorities, the topics of social vices - prostitution, alcoholism, drug addiction, unworthy behavior and so on. The topics of shoplifting and residential burglary, kidnapping, as well as petnapping, associated with antisocial behavior, have been little studied by specialists working with euphemisms and require further research. This gap is partly filled by examples of euphemisms and slangisms selected from authoritative dictionaries of euphemisms and slang, and from English-language fiction.

Key words: euphemisms, euphemization, taboo subject, theft, shoplifting, residential burglary, kidnapping, petnapping

В статье рассмотрим некоторые из социально значимых тем, касающихся позорных и постыдных поступков, многие из которых не только осуждаемы, но и уголовно наказуемы, хотя некоторые воспринимаются мягче, как шалость. При обсуждении тем, касающихся асоциального поведения, удобно пользоваться эвфемизмами. [5], [6].

Анализ разделов, посвященных эвфемизмам в классических учебниках лексикологии [2], [1] и стилистики английского языка [4], [5] выявил, что они содержат примеры эвфемизмов на темы смерти, сумасшествия, глупости, пьянства, преступности, беременности и некоторых других, но темы шоплифтинга, похищения людей и детей, а также хищения домашних животных, относимых нами к асоциальному поведению, обделены вниманием уважаемых авторов. Считаем необходимым восполнить этот пробел примерами эвфемизмов и сленгизмов, отобранных из авторитетных словарей эвфемизмов, сленга [11], [14], [10] и англоязычной художественной литературы [7], [8], [9], [12], [14].

Особое внимание обратим на осуждаемую и табуируемую тему воровства, на проявления хищения и кражи, например, магазинную кражу или шоплифтинг (shoplifting), квартирную кражу (residential burglary), угон транспортного средства (hijacking; auto theft; carjacking; carnapping, car theft), хищение людей и детей (abduction, kidnapping), а также хищение домашних животных с целью продажи (petnapping) в контексте их эвфемизации.

Составители словарей эвфемизмов не могли обойти внимание тему преступлений и наказаний и посвятили освещению темы специальные разделы. [14], [11]. Воспользуемся материалами данных словарей, касающихся магазинных и квартирных краж.

Шоп-лифтинг называют иронично 'People's Crime' («народная преступность») [14, с. 190]. Шоп-лифтер, т.е. магазинный вор, имеет ряд эвфемистичных и сленговых обозначений, например, booster и dragger (бустер и драггер) [14, с. 190]. Booster [20С] (US) - a shoplifter on a large and professional scale [10, с. 132]. Словарь сленга приводит одно из ранних значений слова dragger [late 18С] - one who robs vehicles [10, с. 367]; теперь бустер и драггер синонимы. Похищенные вещи прячутся в бустер-бэге или бэд-бэге (booster bag, bad bag), большой хозяйственной сумке или в блумерах (bloomers) - (трусах или кальсонах с карманами для хранения украденных товаров). Драггер также может носить большое пальто или куртку с пришитыми к подкладке крючками-вешалками. Он/она может специализироваться как crotch walker, профессионал, который/которая прячет украденное в промежности между ногами. [14, с. 190].

Крупные торговые центры (в также театры, вокзалы, ярмарки и прочие заведения и места, где собираются толпы народа) привлекают карманников – *dips, dippers, divers, jostlers*, также именуемых *mechanics, picks, forks, five fingers, friskers, hooks* [14, с. 200] и других ловких и нечистых на руку (*light-handed*) «специалистов», которые могут специализироваться на краже дамских сумочек и карманов (*moll buzzers*) и обворовывании мужчин (*cannons* – белые карманники; *shots* – чернокожие карманники). К карманникам, орудующим в общественных туалетах, могут применить выражение *be at the wash*. Они крадут вещи из пальто и курток [10, с. 35].

Квартирного вора – *burglar* – могут назвать *crib man* (*crib* – *амер. разг.* дом, жилое помещение, квартира) [10, с. 290] и в зависимости от времени суток, в которое он занимается кражами, *day man* и *night man*, а незаконное проникновение в помещение обозначается глаголом *penetrate* в значении *break and enter* [14, с. 213] из шпионского жаргона, когда незаконно проникают в помещение, чтобы выкрасть документы или установить жучки, чтобы мониторить действия сотрудников [11, с. 294].

Тема хищения становится актуальной для каждого человека на бытовом уровне, когда кто-то в его окружении совершает бытовую кражу, присваивает чужие вещи, имущество или деньги. В романе Элли Дин “*There’ll be Blue Skies*” есть эпизод, когда девушка-квартирантка обнаруживает, что ее безалаберная подвыпившая мать, поселившаяся на некоторое время с ней, «позаимствовала» (“*borrowed*”) чужие вещи и не испытывает угрызений совести от содеянного. Возмущенная девушка, которая дорожит доверием хозяйки, обвиняя мать в воровстве, использует сленговое *nick* (примерные русскоязычные соответствия «стащить», «стибрить», «слямзить»), на что воровка отвечает, что она просто хотела «одолжить их ненадолго» (“*borrow them for a bit*”). Дочь же называет вещи своими именами: «не взяла на время, а бессовестно своровала» (*You bleedin’ well stole ‘em*) [9, с. 386-387].

Пример мелкого воровства находим в романе А. Лурие “*Foreign Affairs*”. Главный женский персонаж – стареющая незамужняя женщина-профессор Винни Майер, у которой нет семьи и приходится заботиться о себе самостоятельно, является, по сути, клептоманкой, но которую мы вряд ли отнесем к обычной магазинной воровке. Винни не может пройти мимо некоторых вещей в открытом доступе, которые можно взять в качестве сувенира на память или использовать в быту. Так, перед тем как покинуть туалет в самолете, она забирает со стойки пластиковые контейнеры с одеколоном *Blue Grass*, освежителем для кожи и увлажняющим кремом и кладет их в сумочку, как обычно. Такого рода «конфискация» привычна для профессора Майнер,

и она не воспринимает свой поступок как воровство, это «заимствование», хотя ничего, конечно, не возвращается (This kind of confiscation – borrowing, some might call it, though nothing of course is returned – is habitual with Professor Miner). О магазинах речи не идет: они под запретом. Но самолеты, отели, офисы, рестораны, с ее точки зрения, «честная игра». В результате у женщины набралась довольно приличная коллекция гостевых полотенец и очень большой запас бумажных салфеток, вешалок, карандашей, ручек, подставок и дорогих журналов, которые можно найти в приемных дорогих врачей и дантистов. [12, с. 12-13].

Есть и более изощренные способы воровства, например, перекупщица древностей Кэролайн Керр в романе МакДермид “The Grave Tattoo” ухитрялась переправлять документы древности из Греции в Англию, не привлекая внимания греческой или британской почты: она посылала обычной незастрахованной почтой имевшие большую историческую и культурную ценность письма с автографом автора, древние и современные рукописи, иллюминированные ноты, украшенные вручную золотыми, серебряными или цветными узорами. Все это называлось «случайно приобретенный материал» (it was easy to send irregularly acquired material back to the UK). [13, с. 68].

Похищение людей и детей (abduction, kidnapping), совершается по большей части из корыстных побуждений ради получения выкупа от родственников или близких к похищенному лиц, а также чтобы принудить похищенных лиц к выполнению необходимых для похитителей действий. Похищение людей ради получения выкупа — обычное явление в разнообразных частях света сегодня. Практикуется, например, похищение иностранцев в неблагополучных странах в расчете на получение большого выкупа. Кроме утилитарных целей, причиной похищения могут быть политические цели, как, например, в рассказе А. Кристи “The Kidnapped Prime Minister”, в котором присутствие британского премьер-министра на конференции в Версале имело большое значение. Отсутствие премьер-министра на конференции могло спровоцировать международный кризис и привести к заключению нежелательного для Англии мира. [7].

Хищение домашних животных (обычно с целью продажи) обозначается словом petnapping. В рассказе А. Кристи «Немейский лев» (“The Nemean Lion”) знаменитого сыщика Пуаро просят помочь в деле о похищении пекинеса. Проницательный сыщик выясняет, что занималась кражей пекинских болонок с целью шантажа и выкупа за приличную сумму денег малообеспеченная и уже не молодая женщина-приживалка. Таким способом предприимчивая женщина обеспечивала не только себя, но и сестру,

а также готовилась к одинокой, неприкаянной старости. Пуаро сочувственно отнесся к преступнице, прислав ей свой гонорар как условие прекращения преступной деятельности. [8].

Подведем итоги. В статье мы обратили особое внимание на осуждаемую и табуируемую тему воровства, на такие проявления хищения и кражи как магазинная кража, квартирная кража, похищение людей и детей, а также хищение домашних животных, относимых нами к асоциальному поведению. Были представлены способы их эвфемизации и приведены примеры и образцы, отобранные нами из авторитетных словарей эвфемизмов, сленга и англоязычной художественной литературы; к отобранным эвфемизмам и дисфемизмам был представлен социокультурный комментарий.

Описанные в статье эвфемизмы и сленгизмы на тему воровства используются преимущественно в речи тех людей, которые занимаются воровством профессионально. С криминальным жаргоном хорошо знакома и полиция. Для криминального жаргона свойственна специализация, и вопрос о том, какая из функций преобладает – эвфемистическая, направленная на сокрытие своей деятельности от непосвященных, или корпоративная, когда криминальные словечки служат способом быстрой идентификации «своего», как отмечают составители словаря эвфемизмов, является одновременно философским и лингвистическим. [14, с. 186]. Оба мотива могут присутствовать одновременно, но без эвфемистической функции не обойтись.

Список литературы

1. Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка. English Lexicology: учебник и практикум для вузов / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 196 с.
2. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка: учебное пособие / И. В. Арнольд. 4-е изд., перераб. Москва: ФЛИНТА, 2017. 376 с.
3. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка: Опыт систематизации выразительных средств. Изд. стереотип. URSS. 2016. 376 с
4. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка: Учебник // English Stylistics. Изд. стереотип. URSS. 2022. 334 с.
5. Горшунов, Ю. В., Горшунова, Е. Ю. Социальные эвфемизмы в рифмованном сленге: монография. Бирск: БФ БашГУ, 2016. 112 с.
6. Горшунов, Ю. В. Эвфемизмы социально осуждаемых и наказуемых пороков в рифмованном сленге // Социально-гуманитарные знания. №2, 2023. С. 10-14.
7. Christie, Agatha. The Kidnapped Prime-Minister // in: Selected Stories. Progress Publishers, Moscow, 1976. С. 78-106.
8. Christie, Agatha. The Nemean Lion // in: Making it all right. Modern English Short Stories (Современный английский рассказ). Progress Publishers. Moscow, 1987. с. 109-136.
9. Dean, Ellie. There'll be Blue Skies. Arrow books, 2011. 454p.
10. Green, Jonathon. Cassell's Dictionary of Slang. London: Cassell, 2003. 1316 p.
11. Holder, R. W. Oxford Dictionary of euphemisms (How not to Say What You Mean: A Dictionary of euphemisms). Oxford University Press, 2008. 412p.
12. Lurie, Alison. Foreign Affairs. Abacus, 1989. 279 p.
13. McDermid, Val. The Grave Tattoo. harper Collins publishers, 2007. 546p.
14. Neaman, Judith S., Silver, Carol G. Book of Euphemism. Wordsworth Editions Ltd, 1995. 409p.

УДК 81'373.45

Данилова И. И., Шарабарова Е. Д. Передача комических элементов на русский язык (на примере англоязычных комедийных выступлений)

Данилова Ирина Игоревна

канд. пед наук, доцент кафедры лингвистического образования
Южный федеральный университет, РФ, г. Таганрог
irinadanilova07@gmail.com

Шарабарова Елизавета Денисовна

студент кафедры лингвистического образования
Южный федеральный университет, РФ, г. Таганрог
lizasharabarova@yandex.ru

Translating comic elements into Russian (on the example of English-language comedy performances)

Danilova Irina Igorevna

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Linguistics Department
Southern Federal University, Taganrog, Russia

Sharabarova Elizaveta Denisovna

student at the Department of Linguistics Department, Southern Federal University

Аннотация. Цель исследования – изучить специфику перевода комических элементов и на основе анализа переводов комедийных выступлений выявить приемы передачи юмористического эффекта. Показано, что перевод юмора представляет собой лингвистическую и культурологическую проблему. В ходе изучения теоретической литературы выявлены приемы передачи юмористического эффекта, используемых при переводе комических элементов текста. На материале англоязычных комедийных выступлений Дилана Морана, известного ирландского актёра, комика и сценариста, рассматривается специфика перевода комических элементов на русский язык. В результате предложена классификация переводческих приемов комических элементов (культурная адаптация, замена, компенсация, дословный перевод, опущение), которые применяются при переводе отрывков комедийных выступлений.

Ключевые слова: юмор, виды юмора, комические элементы, комедийные выступления, приемы перевода комических элементов.

Abstract. The purpose of the research is to examine the specificity of the translation of comic elements and to identify devices of transferring the humorous effect based on the analysis of translations of comedy performances. It is shown that the translation of humour is a linguistic and cultural problem. A study of the theoretical literature reveals the techniques of transferring humorous effect used in translating the comic elements of a text. Based on the English-language comedy performances of Dylan Moran, a famous Irish actor, comedian and screenwriter, the specifics of translating comic elements into Russian are examined. As a result, a classification of translation devices for comic elements (cultural

adaptation, replacement, compensation, literal translation, omission) that are applied in the translation of comedy performances has been proposed.

Keywords: humour; types of humour, comic elements, comedy performances, humour translation devices.

На протяжении последних десятилетий проблема передачи юмористического эффекта при переводе является актуальной. Это, прежде всего, связано с вопросами неперевода юмора вследствие высокой сложности работы с ним и невозможности полной эквивалентности.

Целью нашей работы было изучить специфику перевода комических элементов и на основе анализа переводов комедийных выступлений выявить приемы передачи юмористического эффекта в рамках ситуативной модели перевода.

Основными задачами были раскрытие специфики природы юмора, анализ явления юмора в переводческом аспекте, выявление приемов, применяемых при переводе юмористических текстов, изучение особенности перевода единиц юмора на примере комедийных выступлений.

Рассмотрим определение юмора. Согласно словарю С.И. Ожегова [9], юмор – это понимание комического, умение видеть и показывать смешное, снисходительно-насмешливое отношение к чему-нибудь [1].

В научной литературе традиционно выделяются следующие разновидности юмора: *шутка* – это остроумная фраза или небольшая история, которую произносит человек с целью рассмешить других [1]; *анекдот* – очень маленький рассказ с забавным, смешным содержанием и неожиданным острым концом [1]; *сатира* – художественное произведение, остро и беспощадно обличающее отрицательные явления действительности [9]; *ирония* – выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение [1]; *каламбур* – это стилистический оборот речи или миниатюра определенного автора, основанные на комическом использовании одинакового звучания слов, имеющих разное значение, или сходно звучащих слов или групп слов, либо разных значений одного и того же слова и словосочетания [2]; *чёрный юмор* – способ посмотреть на что-либо серьезное или грустное в юмористическом ключе [1].

Юмор обладает достаточно специфичной природой. Это явление общечеловеческое и в то же время глубоко национальное. Изучая комическое в различных языковых общностях, мы сможем выделить как общие, так и специфические характеристики мироощущения людей, говорящих на определенном

языке и разделяющих этнокультурную систему ценностей определенного общества. Юмор в любом обществе является одним из средств идентификации, способом выражения эмоций, способом развития связей между людьми. Изучение его как элемента культуры способствует пониманию как собственной, так и чужой культуры, разницы в трактовке образов самого себя и других [3]. Язык неразрывно связан с культурой, культура детерминирует содержание языковых единиц, а они, в свою очередь, обуславливают поведение носителей той или иной культуры [4]. Национальный юмор, как и другие аспекты коммуникации, обладает этнокультурной спецификой. Он связан с национальным менталитетом, видением мира, присущим данному народу, вековыми традициями [5]. Таков культурологический аспект изучения юмора и причина, по которой лингвокультурологическое осмысление юмора представляется таким важным [3]. Лингвокультурологический подход к юмору направлен на освещение особенностей менталитета народа [6]. Безусловно, перевод юмора представляет собой лингвистическую и культурологическую проблему [1].

Зачастую то, что предстает комичным в одном языке, может не подразумевать того же в другом языке. Причина этого заключается в том, что вербальный юмор также зависит от несоответствий, присутствующих как в языке, на котором он выражен, так и в ряде культурных особенностей, часто специфических для иной культуры. Например, в том маловероятном случае, если слова переводятся на другой язык точно так же, как и были представлены в исходном, то культурная специфика шутки вполне может оставаться непреодолимой проблемой. Из-за того, что хорошие шутки играют на сочетании языковой специфики и очень специфических культурных отсылок, реципиенты должны быть достаточно осведомленными в культуре исходного языка [1].

Для создания комического широко используются выразительные средства, такие как метафора, метонимия, литота и т.д. Все потому, что комический эффект обусловлен одновременно создаваемой в тексте ситуацией и языковыми средствами ее воплощения. Создаваемая в тексте ситуация влияет на выбор языковых средств, а языковые средства, в свою очередь, влияют на развитие ситуации, ее видение. Отсюда следует, что ситуация и языковые средства при создании комического эффекта взаимообусловлены, интегрированы в тексте [7].

Хотим отметить, что, при всей своей затруднительности, перевод юмора не является невозможным: существуют приемы, разработанные для помощи при переводе комического, которые мы рассмотрим далее, и позволяющие сохранить и

передать комический эффект при переводе юмора на другой язык. В ходе изучения теоретической литературы мы выявили несколько методологий, используемых при переводе комических элементов текста.

Д. Киаро [8] полагает, что юмор можно передать следующим образом: оставить единицу юмора без изменений, заменить единицу юмора на языке оригинала другой единицей юмора на языке перевода, заменить единицу юмора на языке оригинала идиоматическим выражением на языке перевода. Классификация Д. Киаро рассматривает стратегии перевода юмор в целом. Однако, на наш взгляд, данная классификация недостаточна, т.к. не отражает все способы передачи единицы юмора.

Рассмотрим еще одну методологию, которая представлена в работе С.А. Маник и А.В. Красновой [1]: культурная адаптация – передача единицы юмора с адаптацией культурной составляющей к языку перевода; замена – замена одного способа выражения юмора другим; компенсация – замена единицы юмора в одной части текста единицей юмора в другой части текста; дословный перевод – перевод единицы юмора слово в слово; опущение – опущение единицы юмора. Эта классификация методов, на наш взгляд, является более полной и точной, чем предыдущие, т.к. она предусматривает перевод юмора, а не только игры слов. Особого внимания заслуживает переводческий прием «культурная адаптация», который учитывает разницы культур языка оригинала и языка перевода.

В нашей работе мы проанализировали выступления ирландского комика Дилана Морана и перевели 5 отрывков из его выступлений объемом примерно 120 минут. Этот ирландский комик является одним из самых успешных в Великобритании. Также является актером и соавтором ситкомов от BBC, Channel Four.

В переводе мы использовали следующие приемы перевода: дословный перевод, культурная адаптация, компенсация.

Большинство шуток мы переводили с помощью приема «дословного перевода»: «*Want to hear a dirty joke? A kid jumped into a mud puddle*» мы перевели как «*Хотите грязную шутку? Ребёнок прыгнул в лужу*». Тем же приемом мы воспользовались и в следующем случае «*I like interact with the food. You'd always win the starry competition, if you eat the eyes*» – «*Мне нравится играть с едой. Ты с легкостью выиграешь в гляделки, если глаза уже съедены*». Дословный перевод применим здесь, т.к. шутки не заключают в себе реалий или же каких-то глубоко национальных специфических понятий, несуществующих в языке перевода.

Рассмотрим примеры использования иных приемов перевода юмористических единиц. В шутке «*You know, it's a sad day when your child looks at you and asks:*

«Daddy, is this organic?» *Excuse me? I grew up on Angel Delight! We didn't have anything in the house if it wasn't neon!* ». Мы сталкиваемся с элементом, непонятным для принимающей культуры. Поэтому при переводе мы решили применить прием культурной адаптации. «Angel Delight» – бренд, выпускающий низкокачественную пищевую продукцию. Мы приняли решение заменить это название на другое, более понятное для русской аудитории – «Доширак». Предлагаем следующий перевод: «Знаете, тот самый грустный день, когда твой ребёнок подходит к тебе и спрашивает: «Папочка, а это натуральные продукты?» Что, простите? Я вырос на «Дошираке». И вообще мы не покупали еду, если она не светилась в темноте».

Также в ходе работы мы воспользовались приемом компенсации. В шутке «*This place was an empire. You have to remember. Britain, you know rule the waves before it became a permanently moored prison boat full of the disaffected*» комик цитирует песню «*Rule, Britannia!*», первыми словами которой являются «*Rule, Britannia! Britannia, rule the waves*». В песне это означает обладать контролем над всеми морями и океанами. Потому считаем возможным использовать метод компенсации, заменив цитату на устойчивое выражение «морская держава», что сохранит смысл, который хотел донести автор. Предлагаем следующий перевод данного высказывания: «*Эта страна была империей. Вы должны помнить. Британия, в прошлом - великая морская держава, ныне – пришвартованная тюрьма-лодка, полная недовольных*».

Проделав данную работу, мы пришли к выводу о том, что юмор обладает крайне специфичной природой, т.к. это явление глубоко национальное. Безусловно, перевод юмора представляет собой лингвистическую и культурологическую проблему. Тем не менее, мы с уверенностью можем утверждать, что перевод юмора представляет хоть и сложную, но очень благодарную работу для переводчика, так как позволяет преодолевать межнациональные и межкультурные барьеры и помогает людям смеяться вместе.

Список литературы

1. Маник С.А., Краснова А.В. Подходы к переводу юмора при аудиовизуальном переводе // Современные исследования социальных проблем. - 2021. - №2. - С. 111 – 128.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. - М.: Международные отношения, 1980. - 352 с.
3. Кулинич М.А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: дис. д-р. культурол. наук: 24.00.04.. - М., 2000. - 35 с.
4. Карасик А. В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: дис. канд. филол. наук: 10.02.04.. - Волгоград, 2001. - 193 с.
5. Горностаева А. А. Ирония как компонент английского стиля коммуникации. - М.: ООО «ИПЦ "Маска"», 2013. - 240 с.
6. Абаева Е.С. Перевод отрывков текста с юмористическим эффектом: сопоставительный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. М.: РУДН, 2018. Том 9. № 2. С. 351–364.
7. Лилиенталь Г.Г. К вопросу о возможности разграничения лингвистического и ситуативного юмора. Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 2.
8. Chiaro D. Humor and Translation. - New York: Taylor & Francis, 2017. - 16 с.

Список источников

9. Толковый словарь Ожегова // Толковый словарь Ожегова онлайн URL: <https://slovarozhegova.ru/search.php> (дата обращения: 24.03.2023).

УДК 81

Дмитриева А.А., Трофимова В.А. Дискурсивные средства репрезентации речевой агрессии в теледискурсе (на материале телевизионного реалити-шоу "Hell's Kitchen")

Дмитриева Анна Александровна

студент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков, Южный федеральный университет, РФ, г. Ростов-на-Дону
annn_dmitrieva@mail.ru

Трофимова Валерия Александровна

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Южный федеральный университет, РФ, г. Ростов-на-Дону
leratrofimowa@mail.ru

Discursive means of representing verbal aggression in television discourse (based on a television reality-show "Hell's Kitchen")

Dmitrieva Anna Alexandrovna

student of Cross-Cultural Communication and Foreign Language Teaching Methods Department, Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

Trofimova Valeria Alexandrovna

PhD in Philology, senior teacher of Cross-Cultural Communication and Foreign Language Teaching Methods Department, Southern Federal University Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. В статье выявляются наиболее распространенные дискурсивные средства выражения речевой агрессии в телевизионном дискурсе. Описывается специфика их реализации в речи, анализируется их способность к передаче агрессивной информации, а также рассматриваются источники их конфликтности. Выделяются характерные особенности теледискурса, которые способствуют возникновению конфликтных коммуникативных ситуаций и обуславливают функционирование речевой агрессии. В ходе исследования эмпирического материала, репрезентированного высказываниями из современного англоязычного реалити-шоу, устанавливается, что наиболее типичными средствами манифестации агрессии в теледискурсе в рамках данной лингвокультуры выступают деструктивные тактики угрозы, упрёка, возмущения, оскорбления, настаивания, а также ирония и сарказм. В статье раскрывается механизм реализации дискурсивных средств агрессии в процессе коммуникации.

Ключевые слова: речевая агрессия, теледискурс, дискурсивные средства, деструктивные тактики, конфликтный дискурс

Abstract. The article identifies the most common discursive means of expressing verbal aggression in television discourse. The peculiarities of their implementation in speech are described, their ability to transmit aggressive information is analyzed, and the sources of their ability to cause conflict are considered. The features of television discourse which determine the functioning of speech aggression in it are highlighted. In the course of the study of empirical material represented by utterances from the modern reality show in the English language, it is established that the most typical means of manifesting aggression in television discourse within this linguistic culture are the destructive tactics of threat, reproach, resentment, insult, insistence, as well as irony and sarcasm. The article explores the mechanism for the implementation of discursive means of aggression in the communication process.

Keywords: verbal aggression, television discourse, discursive means, destructive tactics, conflict discourse

Особенности речевой коммуникации телевизионного дискурса одновременно отражают тенденции повседневного общения и задают стандарты, которым в той или иной степени следуют пользователи языка. В настоящее время можно наблюдать стремительный рост в производстве телепродуктов, привлекающих зрителей своими конфликтными коммуникативными ситуациями.

В основе порождения коммуникативного конфликта лежит речевая агрессия. Изучение способов реализации речевой агрессии формирует базу знаний, позволяющих выявить нарушения норм коммуникации, а также предоставляет возможность в перспективе выработать систему мер по противодействию агрессивным методам коммуникации и предотвращению конфликтов в различных сферах общения, что обуславливает практическую ценность данного исследования. Систематизация знаний о речевой агрессии и специфики ее проявления в коммуникации способствует развитию отраслей лингвистики, изучающих конфликтный дискурс. Задача исследования состоит в том, чтобы выявить наиболее распространенные дискурсивные способы реализации речевой агрессии в телевизионном дискурсе и раскрыть источник их конфликтогенности.

Выбор эмпирического материала для настоящего исследования, включающего в себя фрагменты диалогической речи, обусловлен особенностями жанра реалити-шоу, заключающимися, прежде всего, в импровизированном характере коммуникативных ситуаций, в рамках которых репрезентируется живая разговорная речь носителей языка, а также в ориентированности реалити-шоу на широкий круг зрителей из разных социальных групп.

По мнению исследователей, к параметрам коммуникативных ситуаций, представленных в телевизионных жанрах с превалированием диалогической речи, можно отнести следующие:

1) функционирование в речевом поведении участников двух основных разновидностей коммуникации: кооперативной и конфликтной. Существование конфликтной коммуникации обосновано часто соревновательным характером телепередач;

2) неофициальный межличностный характер общения участников реалити-шоу. Речевое поведение участников в обострённой форме отражает модели коммуникации, типичные для естественной речевой среды, отмечается высокая степень спонтанности телеречи;

3) наличие элементов просторечной речевой культуры в коммуникации: жаргона, сниженной и ненормативной лексики, смещения книжной и просторечной лексики, нарушений языковой нормы, а также структуры речевого высказывания, характерной для разговорного стиля;

4) разноплановый характер ситуаций общения в зависимости от статуса коммуникантов. Общение между участниками основано на равенстве статусов и отличается непринуждённостью; в общении участников с организаторами (ведущими) реалити-шоу последние занимают доминирующие позиции и имеют иную мотивацию, чем участники. [1, 2]

Значительную долю коммуникативных ситуаций в реалити-шоу составляют конфликтные ситуации, что связано с наличием таких экстралингвистических факторов, как различный социальный статус и мотивация коммуникантов, напряжённая обстановка, вызванная жестокой конкуренцией между участниками шоу и усугубляемая организаторами, неподготовленность речи, что в совокупности становится причиной агрессивного речевого поведения. Феномен речевой агрессии широко освещался в работах многих исследователей в области лингвистики, в частности, в научных трудах Ю.В. Щербининой, Л.А. Назаровой, В.Ю. Апресяна, В.И. Жельвиса, Л.М. Закоян, Т.А. Воронцовой, А.И. Михайловой, Е.Ю. Сидоровой, Е.Н. Басовской и др.

В широком смысле речевая агрессия понимается как «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [3]. К.Ф. Седов в своём определении указывает на наличие интенции у адресанта и реакции адресата на агрессивный речевой поступок. Исследователь трактует речевую агрессию как «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [4]. В русле коммуникативно-дискурсивного подхода под речевой агрессией понимается

мотивированное негативное речевое поведение, направленное на искажение коммуникативного пространства адресата и реализуемое адресантом через сознательный выбор речевых стратегий и тактик, а также через отбор речевых и языковых средств [5].

Средства реализации речевой агрессии охватывают как собственно языковые средства, включающие в себя лексико-семантические, лексико-синтаксические и грамматические маркеры вербальной агрессии, так и дискурсивные, агрессивный потенциал которых порождается конкретной коммуникативной ситуацией. К первой группе можно отнести инвективную лексику, негативную оценочную лексику, обценную, табуированную, стилистически сниженную и грубую лексику, эпитеты с негативной коннотацией, агрессивные метафоры, сравнения, оценочные перифразы, гиперболу, глаголы «с осуждающим значением»; агрессивные вопросы; аффиксы субъективной оценки, грубо-фамильярные частицы, показатели императива или будущего времени для глаголов деструктивной семантики [3, 5, 6, 7].

К дискурсивным средствам можно отнести иронию и сарказм, а также тактики деструктивного общения, такие как угроза, оскорбление, возмущение, обвинение, упрёк, колкость, насмешка, демонстрация обиды, злопожелание, грубое прекращение коммуникации, констатация некомпетентности [6], провокация, навешивание ярлыков, нападки, разоблачение, жалоба, критическое замечание, порицание, претензия и т. д. [5]

Дискурсивные средства выражения речевой агрессии играют важную роль в реализации конфликтных коммуникативных ситуаций в теледискурсе. Это, во-первых, обусловлено тем, что участники телепередач зачастую ограничены в использовании агрессивных лексико-семантических средств, характерных для повседневного общения, в частности, грубой, стилистически сниженной, обценной и табуированной лексики, что вынуждает их искать другие пути проявления речевой агрессии. Кроме того, участники дискурса редко обращаются к образным средствам репрезентации речевой агрессии, таким как агрессивная метафора, сравнение или гипербола, которые при реализации требуют определенных когнитивных усилий со стороны говорящего. Более примитивным и доступным, но все же эффективным способом воздействия на собеседника являются дискурсивные средства, представленные тактиками деструктивной коммуникации, в частности, тактиками угрозы, возмущения, упрёка и настаивания, направленными непосредственно на то, чтобы запугать, задеть, обидеть адресата либо подорвать его авторитет, обесценить его мнение. Одновременно с реализацией деструктивных тактик говорящий может

использовать эмфатические средства с целью усугубить конфликтную ситуацию, сделать ее более напряженной.

Рассмотрим способы реализации речевой агрессии дискурсивными средствами на материале американского кулинарного реалити-шоу “Hell’s Kitchen”.

Ramsay: “Send me one more cold garnish – you’re washing pans for the rest of your life!” [15]

В приведённом высказывании ведущий Гордон Рамзи обращается к тактике угрозы, которая представляет собой сообщение о негативных для адресата последствиях в случае определенных действий с его стороны [8]. В данной ситуации ведущий обещает участнику шоу, некачественно выполняющему свои обязанности, провал его карьеры, если тот ещё раз отправит на сервировку холодный гарнир. Участники шоу “Hell’s Kitchen” соревнуются за звание лучшего шефа и владение собственным рестораном, так что перспектива «мыть кастрюли до конца жизни», которая грозит адресату, приобретает драматический характер и несомненно вызывает у него психоэмоциональный дискомфорт. Важным фактором воздействия при реализации угрозы выступает реальная возможность ее исполнения. Бесспорный авторитет шеф-повара и его влияние в кулинарном мире подтверждает подлинность его высказывания. Таким образом, агрессивный коммуникативный поступок ведущего позволяет ему достичь своей конечной цели – скорректировать поведение подчиненного.

В данном примере степень агрессивности высказывания повышается благодаря его речевому оформлению. Во второй части предложения для выражения действия в будущем используется форма Present Continuous вместо Future Simple, что свидетельствует о серьёзном намерении говорящего, о высокой степени вероятности совершения действия. Данный грамматический способ создания речевой агрессии сопровождается синтаксической фигурой – асиндетоном, что в совокупности придает высказыванию крайне категоричный характер.

Еще одним дискурсивным средством реализации агрессии, направленным на принудительное изменение поведения адресата, выступает тактика настаивания [9].

Ramsay: “Why isn’t the fish in the pan?” [Нет ответа] “Why isn’t the fish in the pan?!”

Jimmy: “I’m trying to fucking do both at the same time! What do you want me to do?!”

R: “Come here, you. Come here, you.”

J: “No!”

R: “What do you mean ‘No’?”

J: "I'm trying to do both at the same time!"

R: "Just calm down. Just calm fucking down."

J: "I'm trying to do both at the same time!" [16]

В начале данного диалогического фрагмента ведущий реализует деструктивную тактику настаивания, с целью добиться от конкурсанта ответа на поставленный вопрос. Тактика основана на повторении идентичных вопросительных предложений, её агрессивный характер подчёркивается повышенным тоном при повторе реплики. Использование тактики настаивания противоречит условиям кооперативной коммуникации, в рамках которой запрещается превышать допустимое количество коммуникативных ходов, а также следует избегать неудобных для адресата тем. Благодаря обращению к данной тактике, говорящему удается дестабилизировать психологическое состояние адресата и вынудить его к самооправданию, где он аргументирует свой непрофессионализм тяжёлыми внешними условиями работы ("I'm trying to fucking do both at the same time").

При перемене ролей адресант – адресат говорящий обращается к тактике возмущения ("I'm trying to fucking do both at the same time"), выражающей негодование по поводу невыполнимых требований руководителя кулинарного поединка. Напряжение коммуникативной ситуации отражается в выборе лексических единиц – табуированной лексемы "fucking", а также синтаксических единиц – риторического вопроса ("What do you want me to do?!"), который, лишившись своей функции запроса информации, реализует задачу объективации речевой агрессии как ответной реакции на поведение собеседника. Далее коммуниканты снова попеременно обращаются к тактике настаивания, повторяя одну и ту же фразу и рассчитывая таким образом добиться желаемого эффекта ("Come here, you. Come here, you"; "Just calm down. Just calm fucking down"; "I'm trying to do both at the same time"). Важным фактором реализации данной тактики выступает количественная составляющая, так как именно нарушение постулата количества П. Грайса, заключающееся в чрезмерном повторении высказывания, угрожает кооперативному характеру коммуникации и порождает агрессию.

Тактика возмущения направлена на изменение поведения адресата посредством демонстрации крайнего недовольства. Примером реализации данной тактики может служить следующее высказывание су-шефа реалити-шоу "Hell's Kitchen" Скотта, последовавшее за попыткой участника нарушить правила поединка и дать своей команде преимущество, подклеив скотчем кодовый замок в кладовую с продуктами.

Scott: "What are you doing? Get that fucking tape off of there! And get the fuck back in there [the kitchen]! You think I'm fucking stupid? I'm not stupid like you! Why don't you try being as serious as these people are on your team instead of being a jerk?" [17]

Актуализация тактики возмущения в данном контексте основана на подмене первичной коммуникативной функции вопроса (запрос информации) на вторичную функцию побуждения, что придает речи негативную эмоциональную окраску [10]. Возмущение, содержащееся в вопросе "You think I'm fucking stupid?", вызвано попыткой рядового участника программы обмануть су-шефа, поставить под сомнение его авторитет. Речевая агрессия, порожденная тактикой возмущения, интенсифицируется далее тактикой косвенного оскорбления, реализуемого агрессивным сравнением "I'm not stupid like you". Агрессивный характер высказывания на лексическом уровне создается с помощью единицы табуированной лексики "fucking", повышающей степень деструктивности речевого воздействия [19]. Целью адресанта в данном случае является унижение достоинства адресата, демонстрация его недостатков, дестабилизация его психоэмоционального состояния.

В заключительном предложении адресант обращается к тактике насмешки, в основе которой лежит сарказм, направленный на выражение резко негативного отношения к объекту речи посредством высмеивания его [18]. Саркастический подтекст создается при помощи лексико-морфологического средства – использования формы герундия после глагола "try", что обозначает «предпринять какое-либо действие в качестве эксперимента», а также контекстуальной оппозиции "serious" – "jerk", где последнее представлено слэнговой лексической единицей и отличается ярко-выраженным негативно-коннотативным значением [20]. Таким образом, адресант, предлагая собеседнику изменить свое поведение, демонстрирует глубокое презрение к нему своим сомнением в успехе такой попытки. Попытка измениться представлена говорящим как непосильный эксперимент, что придает высказыванию абсурдный характер и порождает саркастический эффект. На синтаксическом уровне тактика насмешки реализуется посредством обращения к фразеосхеме типа «Почему + бы + не + V», выражающей утверждение с порицанием [11]. Следует отметить, что в данной коммуникативной ситуации результатом реализации насмешки может стать не только причинение вреда собеседнику, но и его дискредитация в глазах других участников.

Одним из средств проявления агрессивного речевого поведения, базирующихся на трансформации смысла, является ирония. И.А. Антонио определяет

этот приём как «механизм переключения между отрицательной и утвердительной модальностью одного и того же высказывания». [12] Рассмотрим пример:

Jess: “Hey, you know what I would love from you?”

Elsie: “What?”

J: “Can you go back and get a bunch of pans for me from the dishwashers?”

E: “I can’t now; I gotta make this flambé, right now. Sorry.”

J: “Great. Thank you. Thanks a lot.” [16]

В представленном диалоге дискурсивный приём иронии, порожденный столкновением предметно-логического значения и контекстуального, реализуется в заключительной реплике. Лексическая единица “thanks”, традиционно выражающая благодарность и одобрение, а также лексема “great”, содержащая в себе положительную оценку объективной действительности, в данной коммуникативной ситуации актуализируют свое противоположное значение, что позволяет говорящему выразить критику в адрес собеседника. Таким образом, реализация иронического подтекста, основанная на несоответствии «между тем, что сказано, и тем, что подразумевалось» [13], выступает эффективным способом проявления речевой агрессии, посредством которого удается, с одной стороны, продемонстрировать собеседнику неодобрительное отношение к его поступкам, породить в нем вину за свое поведение, а с другой, избежать открытого речевого конфликта.

Иронические высказывания, как правило, приобретают особое интонационное оформление, противоречащее фонетическим нормам. В данной коммуникативной ситуации реплика “Great. Thank you. Thanks a lot” произносится с низким нисходящим тоном (Low Fall), в то время как в англоязычной лингвокультуре соответствующим тоном для выражения благодарности и положительной ответной реакции в относительно формальной обстановке является высокий нисходящий тон (High Fall). Подобное интонационное оформление речи указывает на агрессивное коммуникативное намерение адресанта.

Еще одним распространённым дискурсивным средством реализации речевой агрессии выступает тактика упрёка, представляющая собой форму выражения неодобрения, недовольства или укоризны относительно какого-либо действия или высказывания [14]. Рассмотрим следующий пример:

Ramsay: “Why are you serving me stone-cold garnish? You slop!” [15]

Высказывание шеф-повара Рамзи реализует тактику упрёка посредством изменения коммуникативной функции вопросительного предложения и реализации фразеосхемы типа «Зачем +V!», выражающей отрицание, протест в сочетании с

уверенностью и возмущением [11]. Вопрос адресанта в контексте данной ситуации не преследует цель выяснить причины сервировки холодного гарнира. Очевидно, что интенция говорящего заключается в том, чтобы нанести собеседнику психологический ущерб, дискредитировать его как профессионала, подорвать его уверенность в собственной квалификации. Высокая степень неодобрения ведущего в адрес участника шоу подчёркивается с помощью дополнительного лексическо-семантического средства – гиперболизированного эпитета “stone-cold”, характеризующего гарнир и приобретающего в данном контексте негативную коннотативную окраску. Агрессивные намерения адресата подтверждаются последующим обращением к тактике оскорбления “You slop”. В выше приведенном контексте лексема “slop” представляет собой окказионализм, образованный от прилагательного “sloppy” в значении «небрежный, неряшливый» [21]. Приобретая инвективное значение, данная лексема становится источником речевой агрессии.

Таким образом, речевая агрессия, проявляющаяся в коммуникативных ситуациях, отличающихся напряжённой конкуренцией, является важным фактором возникновения конфликта в теледискурсе. Речевая агрессия зачастую реализуется дискурсивными средствами, что обусловлено импровизированным характером жанра телевизионного реалити-шоу, прагматическими установками его участников, а также высокой степенью деструктивности. Наиболее распространёнными средствами манифестации агрессии выступают деструктивные тактики угрозы, упрёка, возмущения, оскорбления, настаивания, а также ирония и сарказм. В основе реализации данных способов выражения агрессии лежат подмена коммуникативной функции предложения, использование фразеосхем с отрицательным значением, абсурд, актуализация противоположного значения, превышение допустимого количества коммуникативных ходов.

Список литературы

1. Ланских, Анна Владимировна. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики: автореферат дис. ... канд. филол. Екатеринбург, 2008. - 22 с.
2. Ларина, Е.Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса: На материале американских телевизионных программ: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. - 21 с.
3. Каменева, В. А. Хейтинг как вид киберагрессии. Стереотипный образ хейтера в языковом сознании российских студентов / В. А. Каменева, И. С. Морозова, Н. В. Рабкина // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 2(52). – С. 132-144.
4. Седов, К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия / К.Ф. Седов // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: Колледж, 2003. – С. 196-213.
5. Михайлова, А.И. Средства выражения речевой агрессии в русскоязычном песенном дискурсе: прагматический, этический, лингвопсихологический аспекты : автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2018. - 25 с.

6. Фирсова, Мария Анатольевна. Когнитивно-дискурсивные параметры языковой агрессии в речи публичной языковой личности: автореферат дис. ... канд. филол. наук. - Астрахань, 2018. - 19 с.
7. Лето, Я.-А.В. Фонетические средства передачи агрессивных эмоций в американском политическом дискурсе (на материале выступлений Дональда Трампа) // Филологические науки. Вопросы теории и практики.. 2021. №4. С. 1166-1170.
8. Стексова, Т. И. Угроза как речевой жанр / Т. И. Стексова // Функциональный аспект значимых единиц русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. С.П. Петрунина. – Новокузнецк: Новокузнецк. гос. пед. ин-т, 1992. – С. 6- 11.
9. Ионкина Е.Ю., Тихаева В.В., Бганцева И.В., Тисленкова И.А. Вербальные способы преодоления коммуникативных неудач в интервью-портрете (на материале немецкой прессы)// СИСП. 2021. №3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnye-sposoby-preodoleniya-kommunikativnyh-neudach-v-intervyu-portrete-na-materiale-nemetskoj-pressy> (дата обращения: 17.05.2023).
10. Чернова Л.В. Вторичные коммуникативные функции вопросительных предложений // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2018. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtorichnye-kommunikativnye-funktsii-voprositelnyh-predlozheniy> (дата обращения: 17.05.2023).
11. Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы: фразеосинтаксические схемы: монография / В.Ю. Меликян. Ростов-на-Дону: Издательство ДОНИЗДАТ, 2019. 268 с.
12. Антонио, И. А. Терминология комического в лингвистических исследованиях. Опыт интерпретации: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. – 237 с.
13. Багдасарян, Т. М. Ирония как стилистический и композиционный прием / Т. М. Багдасарян, В. А. Половинчук // Современные тенденции развития образования, науки и технологий : сборник научных трудов по материалам X международной научно-практической конференции, Москва, 30 мая 2019 года. – Москва: Индивидуальный предприниматель Туголуков А.В., 2019. – С. 54-57.
14. Костюшкина, Г.М. Концептуальная систематика аргументации. М.: ФЛИНТА, 2014. 586 с.

Список источников

15. «Адская кухня» (“Hell’s Kitchen”, реж. Т. Кролл, 2005). Сезон 1, эпизод 4. Режим доступа: <https://www.amazon.com/Hells-Kitchen-U-S/dp/B078TNY3PL> (Дата обращения: 08.05.2023).
16. «Адская кухня» (“Hell’s Kitchen”, реж. Т. Кролл, 2005). Сезон 1, эпизод 7. Режим доступа: <https://www.amazon.com/Hells-Kitchen-U-S/dp/B078TNY3PL> (Дата обращения: 08.05.2023).
17. «Адская кухня» (“Hell’s Kitchen”, реж. Т. Кролл, 2005). Сезон 1, эпизод 6. Режим доступа: <https://www.amazon.com/Hells-Kitchen-U-S/dp/B078TNY3PL> (Дата обращения: 08.05.2023).
18. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 82 т. и 4 доп. т. [Текст] / Под ред. И. Е Андриевского. – М. : Терра, 2001. – 40 726 с
19. fucking // dictionary.com/ Режим доступа: <https://www.dictionary.com/browse/fucking> (Дата обращения: 17.05.2023).
20. jerk // dictionary.com/ Режим доступа: <https://www.dictionary.com/browse/jerk> (Дата обращения: 17.05.2023).
21. sloppy // dictionary.com/ Режим доступа: <https://www.dictionary.com/browse/sloppy> (Дата обращения: 17.05.2023).

УДК 811.111

Ереметова К.Ю., Остроумова Е.В. К вопросу об использовании американизмов в британском варианте английского языка

Ереметова Карина Юрьевна

канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
Военной академии связи, РФ, г. Санкт-Петербург
karinaeremetova@hotmail.com

Остроумова Елена Викторовна

преподаватель кафедры иностранных языков
Военной академии связи, РФ, г. Санкт-Петербург
momento87@mail.ru

On the use of Americanisms in British English

Eremetova Karina Yurievna

Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Foreign Languages Military Telecommunications Academy
Russian Federation, St. Petersburg

Ostroumova Elena Viktorovna

Foreign Languages Department teacher Military Telecommunications Academy
Russian Federation, St. Petersburg

Аннотация. Статья посвящена определению сфер использования американизмов в современном британском варианте английского языка на основе материалов из средств массовой информации, песенного творчества и общественно-политических выступлений. В работе дается определение термину «американизм», рассматриваются отдельные различия между стандартным английским языком и его американским вариантом, представлены подходы различных лингвистов в изучении данного вопроса, дается описание некоторых групп американизмов. В результате исследования определяются отдельные сферы употребления американизмов в Великобритании. Сделан вывод, что американизмы используются британцами в неформальном общении для особой эмоциональной окраски речи, эмфатичности, развлечения аудитории.

Ключевые слова: американизмы, британский вариант английского языка, языковые различия, сфера употребления.

Abstract. The article is devoted to the overview of the use of Americanisms in modern British English on the basis of the materials from the media, music, social and political speeches. The paper defines the term "Americanism", examines some differences between standard English and its American version, presents the approaches of various linguists in this issue research, and describes some groups of Americanisms. As a result of the study, certain areas of the Americanisms use in the UK are determined. It is concluded that Americanisms are used by the British in informal communication for a special emotional coloring of speech, empathy, and entertainment of the audience.

Key words: Americanisms, British English, language differences, application areas.

Лексическая система английского языка как «барометр» фиксирует и отражает культурные, социальные и общественно-политические изменения: появляются сленгизмы, жаргонизмы, неологизмы, заимствования из разных диалектов и языков, в частности, американского варианта английского языка.

Проблема влияния американизмов на различные языки актуальна в современном мире. Ряд стран (Франция, Италия, Швейцария, Испания, Бразилия и др.) обеспокоен этим фактом, вследствие чего правительства этих стран принимают законы, запрещающие неоправданное употребление американизмов. Так, в Германии в 1998 году было создано общество защиты немецкого языка.

Цель данного исследования – рассмотреть особенности использования американизмов в британском варианте английского языка в таких сферах, как общественно-политическая жизнь, СМИ и музыкальное творчество.

Объектом исследования данной статьи является британский вариант английского языка.

Предмет исследования – американизмы в британском варианте английского языка.

Теоретической базой исследования являются труды таких ученых, как Дж. Алгео [1]; Р. Бейли [2]; В.И. Заботкина [3]; Е.А. Разумовская, Л.Д. Михеева, М.В. Очага [4]; А.Д. Швейцер [5, 6]; Дж. Ф. Крэпп [7].

Проблема становления и развития английского языка на основе дивергентных и конвергентных процессов исследовалась в работах А. Домашнева, Ю. Жлуктенко, Р. Крицберг, Г. Степанова [8].

Материалом для исследования послужили выступления британских политиков (Борис Джонсон) [13; 14], музыкальное творчество британских исполнителей (Род Стюарт, Мик Джаггер, Джордж Майкл, Хью Лори) [15, 16] и данные лексикографических источников [9, 10] и выступления членов королевской семьи (принц Гарри) [10].

Впервые термин «американизм» (1781 г.) был введен Джоном Уизерспуном (John Witherspoon), ректором Принстонского Университета и политическим деятелем периода войны за Независимость. В своей работе он отмечал, что американизмы – это грамматические, фонетические, лексические языковые особенности американского варианта английского языка [3, 11]. В современном толковом словаре дается следующее определение американизмов: «Американизм – это слово, выражение, оборот речи, отражающие особенности английского языка, функционирующего в Соединенных Штатах Америки, или заимствованные из американского варианта

английского языка» [9]. В международном словаре идиом отмечается, что идиомы, изначально считавшиеся американским вариантом английского языка, стали популярны в британском варианте английского языка, особенно в средствах массовой информации [10].

Британский журналист Метью Энгел в своей статье отмечает, что некоторые американизмы представляют угрозу самобытности английского языка [12].

Многие лингвисты, такие как А.Д. Швейцер, Дж. Алдгео, Р. Бейли изучали проблему проникновения американизмов в британский вариант английского языка [1-7]. А.Д. Швейцер в своей статье [5, 6] отмечает, что наблюдается усиленное пополнение лексики британского варианта американизмами. Ученый связывает данный факт с тем, что заимствованные американизмы восполняют пробел в системе номинации или в арсенале экспрессивных средств. А.Д. Швейцер выделяет полные американизмы (moose, cat bird, eggplant, canoe, moccasin), смысловое значение которых полностью является американским вариантом, и частичные американизмы, в которых только одно значение является американским вариантом (corn, rug, humor, cookey). По мнению А.Д. Швейцера, большая часть приходится на долю частичных американизмов.

Американский лингвист Дж. Алгео подразделяет американизмы на синхронные и диахронные. Синхронные американизмы – это слова и выражения, характерные для американского английского языка. Например, слово fall «осень» изначально возникло в Великобритании, но вышло из употребления. В то время как в настоящее время оно является специфичным для американского варианта английского языка. Диахронные американизмы – это слова и выражения, возникшие в Америке, впоследствии распространившиеся в другие варианты английского языка (lengthy, OK) [1].

Дж.Ф. Крэпп в двухтомном исследовании «The English Language in America» [7] рассмотрел фактические различия между британским и американским вариантами английского языка. Рассмотрим отдельные различия между стандартным английским языком и его американским вариантом [7].

На фонетическом уровне имеются следующие различия:

- в британском варианте звук [r] опускается, в американском же он произносится довольно отчетливо;
- буква «o» в американском английском произносится как [a]: lot [lat], pot [pat]. The letter «o» в британском английском произносится как [o];

- в американском английском в таких словах как *new*, *consume*, *student* звук [j] опускается ([nu:], [kən'su:m], [stu:dənt]). В то время как в британском английском данный звук произносится ([nju:], [kən'sju:m], [stju:dənt]);
- в американском английском звук t часто проглатывают на конце слов (*wait* произносится как *wei*). Если звук t стоит после n, то он часто опускается (слово *twenty* звучит как *tweny*).

В грамматике в американском английском Present Perfect часто заменяется на Past Simple (*We already ate* (амер. англ.) / *We have already eaten* (брит. англ.)). В американском варианте английского языка присутствует вытеснение вспомогательного глагола *Shall*, более употребимой конструкцией *going to = gonna* (разг.): *What shall we do?* (брит. англ.) / *What are we gonna do?* (амер. англ.). Некоторые неправильные глаголы в американском английском функционируют как правильные (*burn – burnt – burnt* (брит. англ.), *burn – burned – burned* (амер. англ.)). В устоявшихся конструкциях и выражениях, таких как *to have a drink*, *to have a bath*, *to have a vacation*, американцы зачастую заменяют вспомогательный глагол *have* на глагол *take*: *to take a drink*, *to take a bath*, *to take a vacation*. После собирательных существительных в британском английском могут стоять формы глагола в единственном или во множественном числе, в зависимости от того воспринимается ли существительное как единое целое или имеется в виду каждый член данного понятия. В американском же варианте после собирательного существительного чаще всего идет глагол в единственном числе.

Существуют отличия в орфографии: *color – colour*, *labor – labour*, *theater-theatre*, *whisky-whiskey*. Так, в американском английском широко используются сокращенные формы слов: *gonna – going to*, *wanna – want to*, *see ya – see you*, *gotta – got to*, *hada – had to*.

Некоторые отличия британского и американского английского на лексическом уровне представлены в таблице 1.

Таблица 1. Примеры лексических отличий американского и британского вариантов английского языка:

Британский английский	Американский английский	Перевод
Flat	Apartment	Квартира
Cookie sheet	Baking tray	Противень
Parking lot	Car park	Парковка
Lorry	Truck	Грузовик
Heavy cream	Double cream	Жирные сливки
Mobile phone	Cell phone	Сотовый телефон
Underground	Subway	Метро

Перейдем к обзору отдельных сфер употребления американизмов в британском варианте английского языка.

Общеизвестно, что американский английский – часть музыкальной культуры Великобритании. Многие британские певцы выросли на американских песнях и копируют американское произношение в своих песнях. Поскольку американское произношение узнаваемо во всем мире, существует точка зрения, что коммерчески целесообразно петь песни на американском английском. Певцы Род Стюарт, Мик Джаггер, Джордж Майкл и Хью Лори и другие родились в Лондоне или его окрестностях и имеют узнаваемый британский акцент. Однако, оказавшись на сцене, они часто предпочитают петь с американским акцентом. Хью Лори в альбоме «Let them speak» часто не произносит букву *t* в конце слов, после буквы *n*; использует звук [ʌ] вместо [o] в таких словах как *box*, *workshop*, *pot*. Хью Лори признался, что счел бы «музыкально неправильным» петь своим обычным голосом, так же как «играть неправильную ноту» [16]. Несмотря на то, что популярная певица Адель является носителем такого акцента британского английского, как «кокни», она поет на американском английском. В своей песне «Hello» она часто не произносит букву *t* в конце слов, например, в словах *heart*, *apart* [15].

Американизмы широко распространены среди студенческой молодежи Великобритании. Наиболее часто употребляемыми молодежными сленговыми американизмами являются *a wig* – «отпад», *snatched* – «зачетный», *lit* – «круто» и *a fit* – «прикид». Функция молодежных сленговых американизмов – придать речи студентов эмоциональную окраску. Молодежь Великобритании часто пренебрегает более сложными британскими словами или элементами грамматики, пользуясь их простыми американскими эквивалентами [4].

В некоторых случаях англичане могут целенаправленно менять свой британский акцент в общении с американцами, чтобы стать более близкими, понятными для собеседника. Например, принц Гарри, носитель королевского английского («Оксфордского», «аристократического»), который характеризуется нормативным произношением всех звуков, в своем видеообращении в программе Times100 Talks использует американское выражение «pop the hood» вместо «open the bonnet» (*You pull over. In the olden days, you'd probably pop the hood up, have a look under it and maybe fix it*). Он часто не произносит букву t (*San'a Barbara* вместо *Santa Barbara*) [17].

Рассмотрев общественно-политические выступления, в частности выступления спикеров Британского парламента [14], отметим, что в данном случае используется стандартный английский язык или его региональные диалекты, например, шотландский акцент. Так, Борис Джонсон во время своих выступлений говорит на традиционном английском акценте (Received pronunciation) [13; 14].

Таким образом, рассмотрев данные из различных сфер британского общества, можно сделать вывод, что общественно-политическая жизнь, СМИ, музыкальное творчество являются «активными каналами», через которые поступают американизмы в другие диалекты и варианты английского языка. Они значительно расширяют сферы употребления американизмов, исполняя роль их популяризаторов. Американизмы используются жителями Великобритании в неформальном общении для придания речи особой эмоциональной окраски, эмфатичности, для её украшения или развлечения аудитории.

Список литературы

1. Algeo J. The Cambridge History of the English Language. Volume 6, English in North America. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 567p.
2. Bailey R. Speaking American: A History of English in the United States. Oxford University Press, 2012.
3. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М., 1989. 124 с.
4. Разумовская Е.А., Михеева Л.Д., Очача М.В. Тенденции влияния молодежных сленговых американизмов-заимствований на британский вариант английского языка // Современное педагогическое образование. 2021. № 1. С. 158-162.
5. Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США. М., 1963. 216 с.
6. Швейцер А.Д. Американский вариант литературного английского языка: пути формирования и современный статус // Вопросы языкознания. 1995. №6. С. 3-16.
7. Krapp G.R. The English Language in America. NY, 1960.

8. Березкина И.А. Особенности использования американизмов в современном английском языке // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 2-2(77). 2023. pp. 64-67.
9. Словари и энциклопедии. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/search?term=%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC>. (дата обращения: 15.05.2023).
10. Oxford Dictionary of Idioms. NY: Oxford University Press, 2004. 352 p.
11. Путаева Э. Э. Различные подходы к формированию американского варианта английского языка // Научен вектор на Балканите. 2020. Т. 4. №4(10). С. 51-54.
12. Васильев А.А. Влияние американизмов на современный английский язык // Вестник МИТУ-МАСИ. № 1. 2018. С. 71-75.

Список источников

13. Boris Johnson's first speech as Prime Minister | FULL SPEECH – BBC. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6jfSAWCHRts>. (дата обращения: 08.04.2023).
14. Political blooper: MP's Scottish accent baffles British parliamentarian. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1jHfY0dDZxA>. (дата обращения: 08.04.2023).
15. Adele - Hello (Official Music Video). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YQHsXMglC9A> (дата обращения: 08.04.2023).
16. Hugh Laurie - Saint James Infirmary (Let Them Talk, A Celebration of New Orleans Blues). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AzEBH6DZJVk> (дата обращения: 08.04.2023).
17. Prince Harry and Meghan Markle | TIME100 Talks. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=gywamht_zDY. (дата обращения: 08.04.2023).

UDC 811.11-112

Исхакова Р.Ф. Some features of memory representation in public speeches

Iskhakova Rita F.

PhD in Philology, Senior Lecturer of The Department of English Language in the sphere of Earth sciences, Faculty of Foreign Languages, Saint Petersburg State University
Russia, Saint Petersburg
ritaishakova@gmail.com

Некоторые особенности репрезентация процессов памяти в публичных выступлениях

Исхакова Рита Фанисовна

канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры английского языка в сфере наук о Земле, Факультет иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург

Abstract. The article is dedicated to studying the specific features of verbalization in the English language of those processes that occur in an individual's memory during the storage, loss, and recovery of information. The aim of this work is to identify and reveal the peculiarities of using memory verbs in the speeches of Queen Elizabeth II. A large corpus of the monarch's public speeches was analyzed, with attention given to the pragmatics of the specified style and individual characteristics taken into account. Based on the conducted analysis, the most frequent verb within the given material was identified, and some common characteristics of using memory verbs were determined. Additionally, the features associated with the speaker's status were emphasized.

Key words: memory verbs, public speech, storage, loss and retrieval, the English language

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики вербализации в английском языке процессов, которые происходят в памяти индивида при хранении в памяти информации, при ее утрате и восстановлении. Целью данной работы является определение и выявление особенности употребления глаголов памяти в речи публичных выступлений Королевы Елизаветы II. Был проанализирован массив публичных выступлений монарха. Уделялось внимание прагматике указанного стиля, учитывались индивидуальные особенности. На основании проведенного анализа выявлен наиболее частотный глагол в рамках указанного материала, определены некоторые общие черты использования глаголов памяти, кроме того, подчеркнуты особенности, связанные со статусом выступающего.

Ключевые слова: глаголы памяти, речь публичного выступления, хранение, восстановление, забывание, английский язык

The study of verbal and cogitative processes and the relationships between the elements of the language world human triad are at the forefront of contemporary linguistics. E.S. Kubryakova attributed its anthropocentrism to the fundamental principles of its development since the late 20th century [5, p. 212]. Researchers' interest is determined by

the fact that every individual is involved in a complex process of understanding the surrounding world from the moment of their birth. Memory plays a key role in the cognitive activities of individuals and in the formation of the linguistic personality's worldview, as the process of perceiving the surrounding world and forming its verbal representation is possible thanks to memory. Memory and its functioning have been of particular interest for scientists since ancient times, and to this day, mnemonic processes are considered from numerous perspectives within various approaches [1; 2; 3].

The linguistic representation of memory processes has also been analyzed in terms of lexical, grammatical, and semantic characteristics [4; 6; 7; 8; 9; 10]. In this article, we will examine the peculiarities of verbalizing memory processes in official speeches, particularly in Queen Elizabeth II's annual Christmas addresses and her speeches for her jubilees. The texts of these speeches are interesting primarily because their content reflects the thoughts and feelings of the Queen herself, whereas, for example, the Throne Speech before the Parliament, delivered by the Monarch, is written by the Government.

Public speeches are characterized not only by the individual peculiarity of the oratorical style but also reflect culturally and nationally specific features of the linguistic personality. Depending on the type of text and a specific functional style it belongs to, verbs of memory may exhibit lexical, semantic, pragmatic and stylistic peculiarities. This article will aim to attempt to identify and describe the specificity of memory verb usage in public speeches.

The main words that represent the functioning of memory in the English language are memory verbs such as "**to remember**," "**to recall**," "**to recollect**," "**to forget**," and "**to remind**." The analysis of their meanings allowed identifying and describing a sequence of processes related to memory: storage, loss, and retrieval of information from memory [10, p. 189].

As an analytical tool, a **mnemonic situation** (hereinafter MS) was employed [4, p. 11]. It is an abstract model with a specific structure that allowed us to identify and describe those linguistic elements that make complex memory processes explicit, i.e. the way we think our memory works and how we express that using language.

The mnemonic situation consists of the following components [4, p. 11]:

- the **subject**: an individual who remembers, forgets, or retrieves specific information from memory;
- a **memory process**, represented by memory verbs;

- the **informational actant**: the information that an individual first receives while perceiving the world, the information that the subject stores, forgets, or retrieves from memory.
- the **informational causator**: an impulse that triggers memory processes. It can be any type of impact on the subject provided that it enables the subject to retrieve information from memory, to become aware of its loss, or it might be the reason for the loss of information.

All the components of a mnemonic situation are conveyed explicitly in the English language; however, it should be noted that the informational causator can be implicit.

Let us now consider some examples illustrating the peculiar representation of memory processes in public speeches. First, let us turn to the subject of the MS.

(1) "At Christmas, I enjoy looking back on some of the events of the year. Many have their roots in history but still have a real point for us today. I recall especially a dazzling spring day in Norwich when I attended the Maundy Service."

(2) "We remember the dark days of the Battle of Britain when the pilots of the Royal Air Force fought in our skies to protect us from invasion."

(3) "People who often feel forgotten by the march of time remember struggles unknown to young people today and which they will not forget."

(4) "400 years after the winds blew and the Spanish ships were scattered, the events were remembered in both countries."

As the analysis of the examples has shown, the subject in the majority of mnemonic situations is represented in the language by the first-person singular pronoun (*I*), as the Queen refers to personal memories (example 1). A significant portion of the examples is characterized by the usage of the first-person plural pronoun (*we*) when the Queen speaks on behalf of the entire nation (example 2). In several examples, the subject of the mnemonic situation is expressed in the language by nouns or the third-person pronouns (example 3). In example 4, the subject of the mnemonic situation is implicitly expressed as representatives of both the United Kingdom and Spain.

Let us now turn to the memory verbs. The analysis has shown that modeling new shades of meaning for the verbs "to remember," "to recall," "to remind," and "to forget" is based on their usage in different tenses and aspects and the use of these verbs in directive speech acts, such as requests.

(5) "There's a lesson in this for us all. And we should never forget our obligation to make our own individual contributions, however small, towards the sum of human goodness."

(6) "On this birthday festival, which we try to make an occasion of happiness for our own families, we must not forget those children who are the victims of ill-treatment or neglect."

(7) "This year I hope we will continue to remember the many innocent victims of violence and intolerance and the suffering of their families."

(8) "At the same time, we must remember those still held hostage."

(9) "We are reminded here of our past, of the continuity of our national story and the virtues of resilience."

(10) "We were reminded, too, that the success of these festivals depended to an enormous degree on the dedication and effort of an army of volunteers."

The main semantic differences of memory verbs in examples 5-8 lies in the intentional nature that these verbs acquire in statements that function as a request, a promise, or a demand. In these examples, the Queen urges everyone to remember their duty and not to forget those in need of help and care. These examples illustrate voluntary memory, i.e. that memory process that is happening when a person is intentionally trying to remember or forget something. In a significant portion of the analyzed examples (examples 9-10), the verb "to remind" is used in the passive voice in the first person plural. This gives a phrase a more formal character and illustrates involuntary memory when a person unintentionally remembers or reproduces information without a specific goal to remember or recall anything.

Now let us consider the features of the informational actant (IA), which refers to the information stored in, lost from, or retrieved in an individual's memory.

(11) "I am reminded of a lady of about my age who was asked by an earnest little granddaughter the other day, 'Granny, can you remember the Stone Age?'"

(12) "There are many of my mother's generation still with us, they can remember the First World War. Prince Philip and I can recall only the Second."

(13) "I remember with much pleasure the friendships I have enjoyed with leaders from every part of the Commonwealth, some of them stretching over many years."

(14) "I will never forget that day (the 50th wedding anniversary), nor a day 5 years ago when Windsor Castle suffered a terrible fire."

(15) "I shall never forget the events in Normandy last June, when the representatives of the wartime allies commemorated the 50th anniversary of the D-day landings."

(16) "The story of the good Samaritan reminds us of our duty to our neighbor."

The analysis has shown that the IA in most cases is represented by socially significant events or phenomena: war, friendly relations with leaders from the Commonwealth

countries, a fire at Windsor Castle, or the commemoration of the D-day landings. In some cases, the IA consists of some private information of personal nature (example 11). However, the predominant type of IA is information that is important from the Queen's perspective, and as a mentor, she urges not to forget about moral and ethical obligations, the social responsibility of all citizens, etc. (examples 8, 16).

Finally, let us examine the features of the informational causator, any impulse that triggers a mnemonic process.

(17) We brought home some souvenirs of our visit. In our case it was some delightful early prints of Sydney, which served to remind us of the extraordinary developments which have taken place in Australia in the short space of 200 years.

(18) The message of Christmas reminds us that inspiration is a gift given as well as received and that love begins small and always grows.

(19) Your visit to this country inevitably reminds us of our shared history, our common language, our strong intellectual and cultural links.

(20) The anniversary reminded me of the remarkable changes that have occurred since the coronation: many of them for the better and other things that have remained constant, such as the importance of family, friendship and good neighborliness.

In the majority of the analyzed examples, the informational causator (IC) is represented by a specific event or a situation in which the subject participates and which is characterized by certain spatial and temporal parameters, i.e., the place and the time, (examples 19-20): a visit by the President of the United States or 60 years since the coronation. In such cases, we can speak of a mixed type of IC, as all channels of perception are activated. A visual impulse (a souvenir brought from Australia) acts as an IC in example 17. This is one of the rare cases in the analyzed material where a single channel of perception generates an impulse that initiates a memory process.

To summarize, let us point out the following distinct features of memory processes' representation in the public speeches by Queen Elizabeth II.

1. Since the speeches, the scripts of which we analyzed, are not spontaneous but rather are written in advance, memory functioning, for example, in cases of information retrieval, is shown only in retrospect. That is, the retrieval of information in memory in the above examples always lies outside the moment of speech, whereas in cases of interaction through a dialogue, both external and internal, the awareness of the absence of information or its retrieval at the moment of speech is possible.

2. According to the analysis of the factual material, the most frequent word conveying memory processes within the framework of this study is the verb "to remind,"

used in the passive voice, which belongs to a formal register and is quite expected in the Queen's speech.

3. In a significant number of examples, a memory process is presented as desirable, recommended, or necessary, which is achieved by using memory verbs in directive speech acts, quite often in combination with modal verbs. This usage is highly characteristic of the Queen's speeches, where she appears as a mentor to the nations within the Commonwealth.

List of literature

1. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
2. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. – М.: Языки славянских культур, 2020. 520 с.
3. Губжокова С.М. Общее понятие о мнемических процессах в научной психологической литературе // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 7-1 (70), 2022. С. 44-47.
4. Исхакова Р.Ф. Когнитивно-семантический анализ мнемических глаголов: на материале современного английского языка : автореф. дис. канд. филол. наук; Санкт-Петербург, 2009. 18 с.
5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). Язык и наука конца XX в. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144-238.
6. Куличенко Ю.Н., Королевская Е.М. Сопоставительная характеристика мнемических фразеологизмов в русском и английском языках. Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы. 2019. С. 148-151.
7. Рогачева Ю.Н. Репрезентация фрейма "память" в современном английском языке (на материале глагольной лексики): автореф. дис. канд. филол. наук; Белгор. гос. ун-т. - Белгород, 2003. 17 с.
8. Рябко Е.И. Реминисценция как смыслообразующий компонент кинотекста и текста киноперевода. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Выпуск 8. С. 2512-2517
9. Тивьяева И.В. Культурно-релевантные свойства памяти в английской фразеологии. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №2. С. 250–261.
10. Хомякова Е.Г. Прагматика информационной миграции в рамках когнитивно-информационной ситуации с глаголами памяти // XXXIV Международная филологическая конференция. Выпуск 14. Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 187 – 194.

List of sources

11. Queen's Christmas broadcasts [электронный ресурс] URL: <https://www.royal.uk/speeches>

УДК 81-23

Каймыштаева К.А., Михайлова Г.И. Имена собственные в составе фразеологических единиц английского языка

Каймыштаева Кристина Алексеевна

Студентка группы 122, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин), РФ, г. Новосибирск
kristina.kaimyshtayeva@mail.ru

Михайлова Галина Ивановна

Ст.преподаватель кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет(Сибстрин), РФ, г. Новосибирск
mihaylova.g@list.ru

Proper names as parts of phraseological units of the English language

Kaimyshtaeva Kristina Alekseevna

Student of group 122, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin), Russia, Novosibirsk

Mikhailova Galina Ivanovna

Senior lecturer of Foreign Languages department, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin), Russia, Novosibirsk

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка выявить закономерности использования имен собственных в английских фразеологизмах; установить связь фразеологических единиц английского языка, содержащих имена собственные, с историей, культурой, традициями и литературой представителей англоязычного сообщества. Предлагается рассмотреть некоторые группы фразеологизмов, содержащих традиционные, популярные мужские и женские имена; библейские имена собственные; имена собственные, связанные с античной мифологией, и ряд других. На основании проведенного анализа делаются выводы о том, что имена собственные в составе фразеологизмов несут в себе информацию национального и культурного характера.

Ключевые слова: имена собственные, фразеологическая единица, фразеология, язык, культура.

Abstract. An attempt to identify patterns of using proper names in English phraseological units is made in this article. Also the trying to trace the connection of phraseological units of the English language containing proper names with the history, culture, traditions and literature of representatives of the English-speaking community is undertaken. Some groups of phraseological units containing traditional popular male and female proper names, proper names relating to ancient mythology and some others are viewed in the article. Due to the analysis conducted it can be concluded that information of national and cultural property is contained within a phraseological unit itself.

Keywords: proper names, phraseological unit, phraseology, language, culture.

Не подлежит сомнению, что фразеология любого языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нем народа.

Мною была выдвинута гипотеза: если фразеология английского языка неразрывно связана с историей, культурой, традициями и литературой народа, говорящего на данном языке, то эта связь, прежде всего, наиболее четко должна прослеживаться во фразеологизмах, содержащих имена собственные.

Цель данной работы – проследить связь фразеологических единиц английского языка, содержащих имена собственные, с историей, культурой, традициями и литературой народа, говорящего на этом языке. Фразеологизмы, включающие имена, несут в себе большой пласт информации культурологического и ментального характера, свойственного той или иной нации. В связи с этим можно говорить о ментальной картине мира, понимая под ментальностью вслед за В.В. Колесовым, «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [1, с. 21].

Для начала необходимо дать определение основным понятиям, используемым в работе: «фразеология», «фразеологическая единица», «имя собственное».

Фразеологические единицы (фразеологизмы) – это неразложимые словосочетания, которые так же, как и отдельные слова, служат названиями предметов, явлений, признаков, действий и состояний [3].

Фразеология – раздел лингвистики, изучающий устойчивые сочетания, речевые обороты и выражения – фразеологические единицы [3].

Собственное имя – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, делая индивидуальным данный объект [4].

Фразеологизмы могут лучше других языковых единиц накапливать и хранить факты о прошлом, традиции, обычаи, фольклор, отражают различные исторические события, обычаи того или иного периода.

Исходя из семантических компонентов, можно выделить следующие фразеологические единицы:

- с традиционными, популярными мужскими и женскими именами;
- с библейскими именами собственными;
- с именами собственными, связанными с античной мифологией;

- фразеологические единицы, в которых имя собственное связано с названием улиц, районов, достопримечательностей Лондона;

- с именами собственными, возникшими на американской почве.

Предлагаем рассмотреть каждую группу отдельно.

Фразеологические единицы с традиционными, популярными мужскими и женскими именами

Следует отметить, что широко распространённые английские имена, употребляемые в речи ежедневно, придают фразеологизмам зачастую ярко выраженную эмоциональную окраску. Такие английские имена, как Betty, Tom, Jack, Mary стали носителями определённых черт характера людей.

Так, имя Jack ассоциируется чаще всего с весёлым парнем, проворным и хитрым, плутоватым. Фразеологизм Before one can say Jack Robinson соответствует в русском языке следующему: «немедленно, моментально; и опомниться не успел; не успел и глазом моргнуть». В Англии когда-то жил человек по имени Jack Robinson, который наносил очень короткие визиты своим знакомым и удалялся прежде, чем успевали доложить о нём [5].

Отголоском старинного обычая называть всех людей, принадлежащих к той или иной профессии, каким-либо именем, звучит фразеологизм Tom Tailor, который обозначает человека или людей, занимающихся портняжным ремеслом [5].

В обобщённом значении употребляются личные имена в выражениях: to astonish the Browns – «бросить вызов общественному мнению»; Browns, Jones, Robinson – «простые, рядовые англичане»; every Tom, Dick and Harry – «всякий, каждый, первый встречный» [5].

Можно привести ещё несколько примеров фразеологизмов, в состав которых входят широко распространённые английские имена:

Black Maria – тюремная карета;

Aunt Sally – детская игра;

The house that Jack built (шутливо) – рассказ с повторениями;

Johnny Newcome – новичок, молокосос [5].

«Кровавой Мэри» (Bloody Mary) была прозвана королева Мария Тюдор. Прозвище ей дали протестанты, которых она жестоко преследовала. В разговорной речи данный фразеологизм употребляется в совершенно ином значении: это коктейль из водки и томатного сока со льдом. Благодаря красному цвету и своему сильному действию, напиток получил такое выразительное название. Другой пример:

Joe Miller – «старый анекдот, избитая острота» (по имени человека, опубликовавшего первый сборник анекдотов и шуток) [5].

Таким образом, данная группа фразеологизмов может дать нам ключ к национальному характеру народа Великобритании, к его культуре, истории, политической жизни.

Фразеологические единицы, в состав которых входят библейские имена собственные

Подобные фразеологизмы существуют в языках всех стран, история которых в той или иной мере связана с христианством. Однако никакой другой язык не испытал на себе такого заметного влияния Библии, как английский. Результатом этого является широкое проникновение в язык и частое употребление библейских выражений. Ссылки к библейскому тексту – весьма распространенное явление в английской литературе [2].

A doubting Thomas – «Фома неверующий» (скептик, отказывающийся верить во что-либо, пока не проверит на личном опыте: согласно тексту Библии, один из апостолов, Томас (Фома), не верил в то, что Христос воскрес, до того момента, пока не увидел это сам) [5];

the apple of Sodom – «красивый, но гнилой плод» (по преданию, жители города Содом, будучи греховными людьми, прекрасно знали о свойствах яблок, превращавшихся при первом прикосновении к ним в дым и пепел, и поэтому часто угощали ими приезжих) [5];

to raise Cain – «учинить скандал, поднять шум» (Каин – убийца своего брата Авеля; это было первое убийство на земле) [5].

Фразеологические сочетания, связанные с Библией, являются важной частью различных стилей речи и обладают безусловной культурной значимостью.

Фразеологические единицы, в состав которых входят имена собственные, связанные с античной мифологией

Помимо фразеологизмов с именем собственным, взятых из Библии, в английском языке, как и в языках других европейских народов, являющихся наследниками античной культуры, существует много пословиц, афоризмов и образных выражений, возникших у древних греков и римлян.

Pandora's box – фразеологизм «ящик Пандоры» означает источник неудач, бедствий, несчастий, которые оказались неожиданными. Ящик Пандоры нельзя открывать, так как по мифу в нем содержатся все возможные людские беды. Однажды открыв ларец и выпустив их, обратить последствия уже невозможно. Считается, что

до того, как Пандора совершила этот поступок, люди никогда прежде не сталкивались с такими невзгодами [5].

Achilles' heel (ахиллесова пята) – послегомеровский миф, переданный римским поэтом Гигином повествует о том, что мать Ахилла, Фетида, захотела сделать тело своего сына неуязвимым и для этого окунала его в священную реку Стикс. Она держала его за пятку, которой не коснулась вода, поэтому пятка осталась единственно уязвимым местом Ахилла, куда он и был смертельно ранен стрелой Париса [5].

The thread of Ariadne – нить Ариадны, путеводная нить, способ, помогающий выйти из затруднительного положения (дочь критского царя Ариадна, дав греческому герою Тезею клубок ниток, помогла ему выбраться из лабиринта) взяты из античной мифологии [5].

Фразеологические единицы, пришедшие в английский язык из литературы Древней Греции и Древнего Рима, наделены необыкновенной красочностью и экспрессивностью, чем и объясняется их распространённость не только в английском, но и других языках мира.

Фразеологические единицы, в которых имя собственное связано с названием улиц, районов, достопримечательностей Лондона

Часть этих фразеологических единиц тесно связана с прошлым Лондона, его историей. Эти выражения донесли до нас старые названия ныне существующих в городе мест, они напоминают о событиях, происходивших когда – то на площадях и улицах города. Так, например: *Tyburn blossom* – «молодой вор, юный правонарушитель»; *dance the Tyburn jig* – «быть повешенным, окончить жизнь на виселице»; *Tyburn tippet* – «петля», напоминает о том факте, что до 1783 город Тайберн был местом публичных казней [5].

Названия улиц и районов Лондона стали со временем обозначать род занятий или социальное положение живущих или работающих там людей. Так, например, в результате метонимического переноса значения слов возник целый ряд фразеологических единиц:

Fleet Street – «английская пресса» (здесь находились редакции крупнейших газет) [3];

Downing Street – «правительство Великобритании» [5];

Harley Street – «врачебная профессия» (место компактного проживания представителей данной профессии) [5].

Фразеологические единицы с именами собственными, возникшие на американской почве

Принципиально они ничем не отличаются от британских. Приведём несколько найденных нами примеров:

Broadway boy – «картёжник, крикливо, ярко одетый молодой человек, дамский угодник, бродвейский парень» [5];

California kiss-of, Hollywood kiss-of, New-York kiss-of – «увольнение, освобождение от работы» [5];

Bronx cheer – громкое выражение неудовлетворения (криком, свистом, любым шумом), особенно в выражении to get the Bronx cheer – «быть освиственным» [5];

California bible, California prayer book – «колода игральных карт, калифорнийская библия» [5];

California blanket – «газета, в которую заворачиваются бездомные» [5].

Uncle Sam, прозвище американского правительства, возникло во время британско-американской войны 1812 года. Считается, что Сэмюэлом звали мясника, который поставлял провизию на американскую военную базу. Он маркировал свою продукцию буквами US (United States), и солдаты шутили, мол, прибыло мясо от Дяди Сэма [5].

Abe's chair – произошло от слова chair (стул) и от слова Abe (сокращенная форма имени Abraham). Дословный перевод полученного выражения – «стул Эба». Дело в том, что Авраам Линкольн был очень высоким человеком с очень длинными руками и ногами, поэтому он любил кресла с высокими прямоугольными подлокотниками. Впоследствии эти кресла стали называться Abe's chair [5].

Таким образом, подводя итог, следует подчеркнуть, что выявленные в ходе исследования закономерности использования имен собственных в английских фразеологических единицах позволяют утверждать, что фразеологизмы английского языка содержат в себе информацию об исторических событиях, этнографических деталях, образе жизни англичан. Они попадают во фразеологические единства из различных источников. Так как огромная роль во фразообразовании принадлежит человеку, большая часть фразеологизмов связана именно с людьми и сферами их деятельности. Фразеологизмы с именами собственными являются важной частью различных стилей речи и обладают безусловной культурной значимостью.

Можно констатировать, что хорошее знание языка невозможно без знания его фразеологии, которая неразрывно связана с историей, культурой, традициями и литературой народа, говорящего на английском языке.

Список литературы

1. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
2. Бакина А.Д. Библизмы vs Библейские фразеологизмы : уточнение понятий (на примере английских и немецких текстов). /А.Д. Бакина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 6. С. 35-43.

Список источников

3. Большая Российская Энциклопедия [Электронный ресурс.] URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/1985739?ysclid=1clotqth51694450344> (Дата обращения: 10.05.2023)
4. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс.] URL: <https://dic.academic.ru> (Дата обращения: 10.05.2023)
5. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс.] URL: <http://log-in.ru/books/bolshoiy-tolkovo-frazeologicheskiiy-slovar-mikhelsona-morics-ilich-mikhelson-slovari/> (Дата обращения: 12.05.2023)

УДК 81.1

Лебедева Л.А. Межъязыковая асимметрия и способы её нейтрализации в переводе

Лебедева Людмила Алексеевна

Старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения
НВИ ВНГ РФ, г. Новосибирск, РФ
lyudmila.swan@yandex.ru

Interlingual asymmetry and methods of its elimination in translation

Lebedeva Lyudmila Alexeevna

Senior lecturer department of translation, Novosibirsk military institute
of the National Guard Troops of the RF, Russia, Novosibirsk

Аннотация. В статье исследуется явление межъязыковой асимметрии и способы её преодоления посредством переводческих трансформаций. В условиях межъязыковой асимметрии, создающей определённые трудности в процессе перевода, первостепенным видится критерий мотивированности, который регулирует действия переводчика и диктует ему приоритетность выбора между трансформированными и нетрансформированными переводческими решениями. Основой для выявления межъязыковой асимметрии, способов её нейтрализации и определения мотивированности переводческих трансформаций послужил оригинал и перевод книги Г. К. Жукова «*Воспоминания и размышления*». Эпиратологический материал проведенного анализа позволяет сделать вывод, что при подготовке переводчиков особое внимание следует уделять структурно-компонентному анализу, который лежит в основе работы с языковым материалом двух контактирующих языков и вскрывает их несоразмерность, а также критерию мотивированности переводческих трансформаций, позволяющему переводчику правильно оценить ситуацию и избегать буквализма и излишней вольности.

Ключевые слова: межъязыковая асимметрия, переводческие трансформации, буквальный и вольный перевод, мотивированность, структурно-компонентный анализ.

Abstract. The article studies the phenomenon of interlingual asymmetry in translation and the methods of its elimination using transformations. We argue that when dealing with the difficulties caused by interlingual asymmetry, the translator should prioritize motivated transformations over unmotivated ones. The research is based on the original and translation of G. K. Zhukov's book «*Reminiscences and Reflections*». The results of the research show that translators should be trained to conduct thorough structural and semantic analysis while translating from a source language into a target language to resolve semantic and structural ambiguities. It is also significant to form the awareness of when and to what degree transformation should be used by translators to avoid the mistakes of unmotivated free and literal translation.

Key-word: interlingual asymmetry, translation transformations, literal and free translation, motivation, structural and semantic analysis.

Понятия симметрии и асимметрии используются в разных научных областях, от кристаллографии до лингвистики и перевода. Симметрия обычно понимается как соразмерность между составными частями целого, а асимметрия, в свою очередь, есть отсутствие порядка и соразмерности. Так, явление межъязыковой асимметрии часто наблюдается в переводе, когда выявляется несоразмерность любой пары контактирующих языков. Дальнейшее исследование межъязыковой асимметрии позволит пересмотреть и скорректировать методики преподавания иностранных языков, а также практики перевода и трактовки оценки его качества, что, несомненно, определяет актуальность исследования [1, с. 101-104].

Межъязыковая асимметрия характеризуется отсутствием «однозначных соответствий между элементами двух языков» [2, с. 1320-1324]. Разнообразие и непохожесть языков, по мнению Д. М. Терентьевой, проистекает из того, что «существующая асимметрия в отражении картины мира любого языкового коллектива передается и языковому строю» [2, с. 1320-1324].

Как отмечает И. А. Лекомцева, межъязыковая асимметрия проявляется на различных языковых уровнях. На грамматическом уровне она выражается в наличии одних морфологических и синтаксических форм в одном языке и их отсутствии в другом языке. Асимметрия лексического арсенала проявляется в полном или частичном несовпадении словарных значений эквивалентов двух языков [1, с. 101-104].

Стоит отметить, что «система смыслов исходного текста и система смыслов текста перевода почти никогда не бывают абсолютно симметричными» [3, с. 9]. По мнению А. Р. Габдуллиной, полная симметрия прослеживается между словами, принадлежащими к прецизионной лексике, хотя и в таких случаях встречаются исключения, когда, например, «географические названия и имена собственные могут фигурировать в контексте в переносном смысле» [3, с. 9].

Очевидно, что межъязыковая асимметрия создает определенные сложности в переводе, которые, как показывает практика перевода, вполне преодолимы. Лингвистическая школа перевода, предлагая описание переводческого процесса, тем самым раскрывает способы нейтрализации межъязыковой асимметрии при помощи переводческих трансформаций, т. е. преобразований внешней и внутренней формы оригинала, приближающих перевод к нормам языка перевода.

Вопрос нейтрализации межъязыковой асимметрии неразрывно связан с проблемой оценки качества перевода, особенно когда речь идёт о лингвистической близости перевода к оригиналу. В условиях двуязычной ситуации переводчик

лавирует между буквальным и вольным переводом, делая выбор между трансформированными и нетрансформированными версиями, тем самым решая проблему асимметричности двух языков.

Обращаясь к анализу перевода на английский язык книги Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления», обнаруживаются случаи, когда межъязыковая асимметрия отсутствует, но переводчик все же применяет переводческие трансформации. В таком случае возникает вопрос о целесообразности/мотивированности применения трансформаций. Например, при работе с различными версиями на практических занятиях по переводу, варианты, содержащие немотивированные трансформации, необходимо отвергать и отдавать предпочтение переводам, имеющим наибольшую лингвистическую близость оригиналу, безусловно, если трансформированные и нетрансформированные версии равноценны в плане сохранения целевой установки оригинала. Переводчик должен уметь объяснить причину применения трансформаций, в противном случае он обречён на излишнюю вольность, зачастую отдаляющую перевод от оригинала настолько, что первый может вообще потерять связь с последним.

В данной статье мы ставим задачу отследить трансформации в переводе и понять, чем продиктовано переводческое решение в каждом конкретном случае. Обратимся к нескольким фрагментам перевода книги Г. К. Жукова на предмет выявления межъязыковой асимметрии и описания способов её преодоления, руководствуясь принципом мотивированности трансформаций.

Оригинал: «*Сталин. Товарищ Жуков, не можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву? Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы с вами посоветоваться*» [4, с. 368-375].

Перевод: «*Stalin: «Comrade Zhukov, can you get on a plane and immediately come to Moscow? The Stavka would like to discuss with you the necessary measures to rectify the situation on the left wing of the Reserve Front in the vicinity of Yukhnov*» [5, с. 7-15].

Предложение – «*Товарищ Жуков, не можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву?*» переведено как «*Comrade Zhukov, can you get on a plane and immediately come to Moscow?*». Перевод данного предложения на русский язык содержит трансформации на лексическом уровне. Поскольку в английском языке существует глагол «*fly out*», являющийся прямым эквивалентом глаголу «*вылететь*», то остается непонятно почему переводчик использовал описательный перевод «*get on a plane and immediately come*» – «*сесть на самолет и немедленно*

прибыть». В данном случае можно говорить о немотивированности трансформации, т.к. межъязыковая асимметрия на лексическом уровне отсутствует.

В следующем предложении раскрывается влияние речевых норм русского и английского языков на окончательное решение переводчика. Так, предложение оригинала с вводным словом «*ввиду*», обладающим значением причины, «*Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова*» трансформируется в предложение с инфинитивом со значением цели «*to rectify the situation on the left wing of the Reserve Front in the vicinity of Yukhnov*» – «*чтобы исправить ситуацию на левом крыле резервного фронта под Юхново*». В данном случае переводческое решение применить лексико-грамматические трансформации оправдано, поскольку сохранение структуры оригинала в переводе приведет к созданию русифицированной структуры в переводе на английский. Это объясняется тем, что русская речь предпочитает отглагольные существительные, в то время как в речи носителей английского языка крайне частотны глаголы. Так, отрезок оригинала «*осложнения обстановки*» трансформируется в «*to rectify the situation*» (исправить ситуацию). В этом случае кроме оглаголивания, т.е. частеречной замены «*осложнения* → *rectify*», также применен приём модуляции (лексико-семантическая трансформация), основывающийся на причинно-следственных отношениях, а именно, единица оригинала «*осложнение*» является причиной, а единица перевода «*to rectify*» – следствием. Надо сказать, что теоретически дословный и буквальный перевод возможен, но он будет звучать по-английски неестественно – *Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы с вами посоветоваться*» – *Due to the complicated situation on the left wing of the Reserve Front in the vicinity of Yukhnov, the Stavka wants to confer with you*. Таким образом, в данном случае наблюдается не языковая, а речевая асимметрия, которая не позволяет переводчику перевести этот отрезок подлинника дословно и буквально. Видимо, именно по этой причине, переводчик применил комплексную трансформацию.

Рассмотрим следующий фрагмент, в котором наблюдается отсутствие межъязыковой асимметрии и немотивированное применение трансформаций.

Оригинал: «*Жуков. Прошу разрешения вылететь утром 6 октября. Сталин. Хорошо. Завтра днем ждём вас в Москве*» [4, с. 368-375].

Перевод: «*Zhukov: "May I fly out early in the morning of October 6?" Stalin: "Excellent. We'll expect you in Moscow tomorrow."*» [5, с. 7-15].

В данном фрагменте трансформирован лишь один отрезок: «*Прошу разрешения*» переведено как «*May I*». По-английски вполне возможно сказать «*I ask for your permission*», что соответствует стилистике русского оригинала, однако, переводчик предпочёл трансформацию вместо максимально приближенного буквального перевода, который никоим образом не нарушает языковые и речевые нормы языка перевода. Таким образом, применение трансформаций при отсутствии асимметрии говорит о немотивированности трансформации.

Обратимся к следующему примеру, где выявлены трансформации на лексическом и синтаксическом уровне. Говорит ли наличие трансформаций о реальной языковой асимметрии?

Оригинал: «*Нашей авиационной разведкой установлено большое движение моторизованных и танковых колонн противника из района Ленинграда на юг. Видимо, их перебрасывают на московское направление*» [4, с. 368-375].

Перевод: «*Our aerial reconnaissance has detected large columns of motorized infantry and tanks moving southward from the Leningrad area — evidently, in the direction of Moscow*» [5, с. 7-15].

Рассмотрим лексическую единицу (ЛЕ) «*движение*», которая в переводе становится «*columns*». Лексическая единица «*движение*» имеет устоявшийся словарный эквивалент «*movement*», обладающий необходимым для данного контекста значением: «*a situation in which ships, aircraft, or soldiers move around as part of a planned military operation*» [6]. Из этого следует, что лексическая асимметрия отсутствует и нет необходимости применять трансформацию. Таким образом, лексическая замена на «*columns*» является немотивированной, поскольку асимметрия на лексическом уровне отсутствует и перевод может выглядеть следующим образом – «*Our aerial reconnaissance has detected extensive movement of motorized infantry and tanks*».

Сопоставительный анализ исследуемого нами фрагмента также выявляет асимметрию на уровне синтаксиса. Так, отрезок «*Нашей авиационной разведкой установлено большое движение*» трансформирован в отрезок – «*Our aerial reconnaissance has detected large columns*» (разведка обнаружила большие колонны). Обратный порядок слов в предикативной зоне «*установлено движение*» не является строевой чертой английского языка. Очевидна асимметрия на грамматическом уровне, которая элиминируется при помощи грамматических трансформаций (перестановка, смена отправной точки, замена пассивного сказуемого на активное). Отрезок «*нашей разведкой*» трансформируется в подлежащее «*Our aerial*

reconnaissance», а лексическая единица «движение», являющееся подлежащим в оригинале, обретает функцию дополнения на языке перевода. Итак, в данном отрезке налицо реальная межъязыковая асимметрия, которая обязывает переводчика применить трансформации для её нейтрализации.

Рассмотрим еще один пример, в котором переводчик применяет трансформации при отсутствии межъязыковой асимметрии.

Оригинал: «*Сейчас противник ведет артиллерийский огонь по городу и бомбит его с воздуха*» [4, с. 2002, С. 368-375].

Перевод: «*Artillery is shelling the city, and it is being bombed from the air*» [5, с. 7-15].

Предложение «*Сейчас противник ведет артиллерийский огонь по городу*» трансформировано в «*Artillery is shelling the city*». Устойчивое терминологическое сочетание «*вести огонь*» трансформировано в «*is shelling*» – *обстреливает*, что снижает терминологичность речи Г. К. Жукова. Переводчик использовал трансформацию немотивированно, т. к. трансформированный отрезок «*вести огонь*» имеет прямое соответствие в английском «*to deliver fire on smb/smth* или *put down fire on*» и т. д. Кроме того, простое предложение в оригинале с одной предикативной зоной и однородными сказуемыми трансформируется в предложение с двумя предикативными зонами, соединёнными сочинительным союзом «*and*». Возникает вопрос, зачем переводчик применил все эти манипуляции, когда перевод с сохранением авторского стиля без применения такого рода трансформаций вполне возможен. Всё вышеизложенное позволяет заключить, что асимметрия отсутствует и трансформации в переводе немотивированны. Предлагаем авторскую версию перевода, максимально лингвистически приближенную к подлиннику: «*Сейчас противник ведет артиллерийский огонь по городу и бомбит его с воздуха*» – *Artillery is delivering fire on the city, and bombing it from the air*.

Таким образом, анализ, проведенный на предмет выявления межъязыковой асимметрии, способов её преодоления и мотивированности трансформаций, выявил, что на практике переводчики часто прибегают к трансформациям, забывая о том, что перевод – это всегда «травма» для смысла, которая должна быть по возможности минимальной. Кроме того, любая трансформация внутренней и внешней формы инфильтрует не свойственные подлиннику смысловые и стилистические нюансы в текст перевода. Изъяны буквализма в переводе очевидны и сразу бросаются в глаза даже читателю, в то время как немотивированная вольность в переводе скрыта не только от читателя, но иногда и от специалиста. По этой причине только тщательный

структурно-компонентный анализ может выявить неоправданную вольность переводчика, которая приводит к смысловым и стилистическим искажениям. В проанализированном нами типе текста, который является мемуарами советского военачальника с выраженной переводческой доминантой авторского стиля, вопрос о мотивированности трансформаций видится первостепенным. В свете вышесказанного, в реальной переводческой практике, а также на занятиях по теории и практике перевода, особое внимание следует уделять критерию мотивированности переводческих трансформаций, а также выполнению структурно-компонентного анализа, который позволяет выявлять реальную межъязыковую асимметрию и мотивированно применять переводческие трансформации для её нейтрализации.

Список литературы

1. Лекомцева И. А., Куралева Т. В. Межъязыковая асимметрия в переводе // БГЖ. 2018. №1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovaya-asimetriya-v-perevode> (дата обращения: 30.04.2023).
2. Терентьева Д. М. Роль трансформационных операций в решении проблемы межъязыковой асимметрии и переводческие ошибки (на примере английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-transformatsionnyh-operatsiy-v-reshenii-problemy-mezhyazykovoy-asimetrii-i-perevodcheskie-oshibki-na-primere-angliyskogo> (дата обращения: 30.04.2023).
3. Габдуллина А. Межъязыковая асимметрия и отношения внеположенности при переводе рассказа А.П. Чехова «Муж» // Languages in the dialogue of cultures: problems of multilingualism in a multiethnic space. IV Nationwide Applied Science Conference with International Participation. 2021. С. 8-14.
4. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления // В 2 – М.: Олма-Пресс, 2002. – 743 с.
5. Zhukov G. K. Reminiscences and Reflections. Volume 2: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://archive.org/details/zhukovvol2/page/212/mode/2up> (дата обращения: 01.05.2023).
6. Macmillan dictionary online : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 02.05.2023).

УДК 811.11'8

Петрова Т.К. Английский – языки глобального общения

Петрова Татьяна Константиновна

ст.преподаватель кафедры англ.языка №1
Дипломатическая академия МИД РФ, Россия, Москва
DAConfa@mail.ru

English as global languages

Petrova Tatjana Konstantinovna

Senior lecturer of English Chair #1 Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry
Russia, Moscow

Аннотация. *Данная статья касается английского языка, который был и остается языком глобального общения. Появление новых технологий и Интернета привели к тому, что люди на планете стали больше путешествовать, искать работу, бежать из горячих точек, спасая свои жизни и жизни своих близких. Эти процессы привели к взаимопроникновению языков – английского и «языков пришельцев». Появились и сформировались такие языки, как глобиш, пиджин-инглиш, хинглиш, синглиш, рунглиш. Общаясь с коренными жителями на английском языке, мигранты упрощали английский и приносили в него слова и фразы из родного языка. Так сформировались вышеперечисленные языковые образования и многие другие нестандартные языки. Дети некоренного населения получают образование и основам лексики и грамматики, что делает их устную и письменную пиджин-речь более правильной и оформленной. И этот процесс совершенствования пиджин-языка постепенно делает его креольским, т.е. родным для значительной части смешанного населения. Из упрощенного пиджин-языка он становится самостоятельным. Данная статья позволяет понять процесс перехода от несовершенных языковых форм общения к стандартизированным.*

Ключевые слова: глобиш, пиджин-инглиш, хинглиш, синглиш, рунглиш, упрощенный английский, нестандартные языки, некоренное население, смешанное население, креольский язык.

Abstract. This article is about English as a global language. There appeared new technologies and Internet which helped people to travel the world, look for jobs, run away from hot spots of war, saving their lives and lives of their relatives. The above-mentioned processes led to inter-penetration of English and alien languages. There appeared such languages as Globish, pidgin-English, Hinglish, Singlish, Runglish. While dealing with indigenous people in English the migrants simplified the language with their native words and phrases. That is how the above mentioned and many other non-standard languages were formed. When children of indigenous people receive education, they form their basic lexical and grammar knowledge with correct and well-formed pidgin speech. This process of pidgin-language perfection gradually turns this pidgin into a creole mother tongue for the majority of the mixed population. From a primitive pidgin-language it becomes an independent language. This article allows us to understand transformation from non-perfect language forms of communication into standardized ones.

Key words: Globish, Pidgin-English, Hinglish, Singlish, Runglish, simplified English, standard languages, non-indigenous population, mixed population, the Creole language.

Человек и язык настолько неразделимы и связаны друг с другом, что существовать друг без друга они не могут. Любое событие или трагедия, скачок в развитии общества или его упадок тут же находят отражение в языке.

В наше время общество быстро развивается, темп жизни резко вырос, и все это находит отражение в языке. Развитие технологий и всемирная глобализация позволили человечеству сократить расстояния, совершенствовать средства передвижения, связать людей Интернетом и мобильной связью, много путешествовать, изучать иностранные языки. Такие негативные события, как войны, природные катаклизмы заставляют людей мигрировать и искать территории, где они могут осесть и спасти свои жизни. Беженцам и мигрантам приходится приспосабливаться и изучать язык страны, давшей им пристанище, что приводит к смешению языков мигрантов и языка коренных жителей.

Эта статья посвящена смешению английского языка с другими на протяжении многих столетий, а это смешение привело к появлению пиджин- и креольских языков.

Английский был и остается господствующим международным языком общения. Он является официальным языком общения большинства населения на планете. На нем говорят 20% населения Земли, или порядка 1,35 миллиарда из 7,8 миллиардов населения планеты. Примерно для 375 миллионов людей английский стал первым или родным языком. Но в мире далеко не все говорят на стандартном британском или американском английском. В Африке на английском говорят 237 миллионов жителей, в странах Азии – порядка 460 миллионов, в Индии – 265 миллионов, на Филиппинах – 50 миллионов.

Появились новые формы английского языка, такие как *Globish* (глобиш), *Pidgin-English* (пиджин-инглиш), *Hinglish* (хинглиш), *Singlish* (синглиш) и другие [1]. Жан Поль Неррьер, бизнесмен из Франции, считает себя создателем глобиш. Он писал: «Это не язык, а орудие... Язык – это двигатель культуры. Глобиш не желает выполнять эту функцию. Это – средство коммуникации» [2].

Глобиш – это торговая марка профессионального жаргона. Он существует параллельно живому английскому языку и использует стандартизированную английскую грамматику и набор из 1500 английских слов. Автор глобиша утверждает, что этот язык позволит прилично освоить произношение и написание всего 1500 слов, которых достаточно для ведения переговоров в бизнесе или путешествий по миру. Господин Неррьер пишет, что глобиш легче изучить, чем английский, и тем самым

он «может помочь английскому. Мы должны ясно сказать: вот две формы языка» [2]. Преподаватели английского языка считают глобиш примитивным, чтоб можно было его преподавать в университете. Именно поэтому господин Неррье рекомендует: «Поэтому наш следующий шаг – программное обеспечение. Необходимо внедрить его в крупные компании и государственные учреждения, занимающихся глобальными проблемами. Например, мы считаем, что американская армия, дислоцированная в Афганистане и Ираке, должна осуществлять связь на глобиш, а не на английском, тогда эти слова будут полностью понятны всеми» [2]. Примеры слов на глобиш, трактованные на английском языке:

able – having the necessary power (обладающий нужной властью);

normal – of the usual type (обычный);

sudden – without warning (без предупреждения);

achieve – to succeed (увенчаться успехом).

Пиджин – упрощенный язык, который появился и развивается как средство общения между двумя и более этническими группами, говорящими на неродственных языках. Пиджин стал упрощенным средством коммуникации и, в отличие от креольского языка, не является родным языком ни для одного из использующих их сообществ, но изучается их представителями в качестве второго языка. Часто пиджин основывается на лексике и грамматике одного языка, а словарный запас ограничивается 1,5–2 тысячами слов. При определенных условиях пиджин становится единственным языком общения носителей этого языка, как это было с детьми рабов на плантациях, а далее пиджин начинает функционировать как полноценный креольский язык.

Пиджин-инглиш – это гибридный язык с искажениями морфологического и фонетического порядка. Этот новый язык используется в странах Дальнего Востока и Западной Африки. Михаил Ульман (*Michael Ullman*), директор Лаборатории мозга и языка при научно-исследовательском центре в университете Джорджтауна объясняет, что «это гибкая система коммуникации с простейшей грамматической структурой» [3]. Слово пиджин впервые появилось в печати в 1876 году. Самая вероятная этимология словосочетания «пиджин-инглиш» имеет китайское происхождение английского слова “business”. Западноафриканский пиджин-инглиш, также известный как креольский английский гвинейского побережья, является жаргоном, который, как предупреждал британский работорговец Джон Мэтьюз, живший в Сьерра-Леоне, вряд ли поймут европейцы, приезжающие в Африку. Этот пиджин появился как язык торговли между британскими и африканскими

работорговцами в период трансатлантической работорговли [4]. По состоянию на 2017 год им пользовались около 75 миллионов человек.

Есть другой смешанный язык – это *Hinglish* (хинглиш), распространенный в Индии язык на основе английского языка и многочисленных языков и диалектов Индии. На нем говорят около 350 миллионов человек. В Великобритании большинство выходцев из Индии тоже говорят на этом языке. Два примера на хинглиш:

timepass – пустая трата времени;

badmash – нечестный, непорядочный человек;

long time no see (анг. *I haven't seen you for ages*) – давно не виделись;

glassy (thirsty) – жаждущий пить.

Термин хинглиш относится к новой модификации английского языка. Пользователи этим языком легко переключаются то на словарь английского языка, то на индийскую речь. Но это не креольский язык, а пример того, что происходит с английским языком онлайн. Профессор Дерек Бикертон из Гавайского лингвистического университета в своей статье "*Pidgin and Creole*" («Языки пиджин и креольский») называет подобные языки "improvised contact languages" (импровизированные контактные языки) [5]. Тот факт, что дети, рожденные в контактном окружении двух и более языков, изучают пиджин как свой родной, в котором уже присутствуют сложные окончания, систематизированные в новой грамматике, превращает его в креольский. Постепенно такой креольский может стать национальным языком, как это произошло с языком в Гаити и Новой Гвинее [6]. Но это не совсем то, что происходит с английским языком онлайн. Многие носители языка пишут онлайн по-английски, другие привносят в него модифицированные формы английского, но ни те, ни другие не меняют основ английского языка. Хинглиш не изучают, на нем не пишут ни жители Индии, ни мигранты, поэтому он и не стал креольским.

Еще один вариант пиджин-языка – это *Singlish* (синглиш), производное от Singapore (Сингапур). Он больше похож на креольский, но это устойчивый диалект английского, который очень труден для жителей Сингапура. Некоренные жители Сингапура его не изучают, а значит, и не меняют стандартный английский. Не носители английского языка пишут на английском с большим количеством ошибок и с трудом изъясняются на нем. Дети не коренных жителей Сингапура учат свой первый язык не на ломаном, а на упорядоченном английском языке, в котором присутствуют вкрапления национальных языков, и эти вкрапления грамматически оформлены [7].

В смешанных языках наблюдаются три тенденции:

1. Мы знаем о существовании британского и американского английского, которые обогащают друг друга новыми словами и грамматикой, как в случае с сослагательным наклонением. Эта тенденция в языках укрепляется в процессе глобализации и наличия Интернета. Сейчас, например, Индия переживает всплеск экономического развития, и те, кто говорят на английском, распространяют свою культуру по всему миру, а в стандартный английский приходят элементы хинглиша. Взаимная языковая пролиферация сводится к отдельным словам и фразам, что не является креолизацией языка, а сводится к простым заимствованиям.

2. Вторая тенденция сводится к тому, что импровизированные разговорные формы письменного английского пролиферируют через Фейсбук, Твиттер и распространяются через другие каналы. Это означает, что нестандартные диалекты английского языка (хинглиш, синглиш и английский темнокожих американцев) используются чаще в письменной речи, чем раньше. Но все они останутся диалектами меньшинства у индийцев, сингапурцев, бруклинцев, когда те стараются использовать стандартный английский в письменной речи на большую аудиторию.

3. Самые большие изменения происходят в третьей группе, когда встает вопрос, почему не носители английского языка изучают его и неправильно им пользуются? К Интернету это не имеет никакого отношения.

Скорее вопрос заключается в том, что система времен в английском языке для иностранцев представляет определенную трудность. Например, такие временные формы, как:

“I speak English”,

“I’m speaking English”,

“I spoke English”,

“I have spoken English”.

Эти формы сложны для понимания тех, кто не являются носителями английского языка, и они просто игнорируют разницу в этих временных формах. Они пользуются одной формой: *“I’m learning English”* [8].

Эта тенденция не обошла стороной и другие языки [9], [10]. Появляется русский вариант пиджина – *RunGLISH (рунглиш)*. После распада СССР в стране резко вырос интерес к изучению английского языка, особенно среди молодежи, что было связано с их желанием поехать на Запад, чтобы, как они говорили, получить хорошее образование, найти хорошую работу или поменять место жительства и уехать за рубеж. Английский изучали поголовно все. Появился Интернет, и он тоже сыграл

огромную роль в формировании рунглиша, который сформировался от слияния русского и английского языков. Если англицизмы используются по причине необходимости заполнить отсутствующие понятия в русском языке, то рунглиш замещает русские слова английскими без особой необходимости. Это просто дань моде среди молодежи.

Примеры рунглиша:

приаттачить – прикрепить, присоединить (*to attach*),

зашерить – поделиться (*to share*),

лайкнуть – поставить лайк (*to like*),

дрова – драйвера устройства (*drivers*),

стримить – транслировать онлайн (*to stream*).

Английский язык был и остается языком глобального общения. В течение столетий этот язык преобразовывал другие языки и обогащал себя заимствованиями. Этот процесс привел к появлению новых языков, диалектов, жаргонов. Взаимообогащение языков не ослабевает, а, наоборот, активно развивается и сегодня. Язык развивается сам и совершенствует человека и человечество. И этот процесс бесконечен.

Список литературы

1. Бхатти Н.В., Ковш Е.В., Савченко Е.П. О некоторых лексико-грамматических особенностях пакистанского варианта английского языка // Английский язык на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами. Сб. научных трудов. РАН/ИНИОН. М. : 2020. С. 90-99.
2. Globish The World Over – with Jean-Paul Nerrière: Videoscript. URL: [www.globish.com/static_pages/download\[1\].php?f=Video_Script.pdf](http://www.globish.com/static_pages/download[1].php?f=Video_Script.pdf) (accessed 21.05.2023)
3. "Im in ur internets, creolizin ur English" by R.L.G, The Economist. December 18, 2012 [electronic text]. URL: <https://www.economist.com/johnson/2012/12/18/im-in-ur-internets-creolizin-ur-english> (accessed 21.05.2023)
4. Wolfram W. The development of African American English / W. Wolfram, E.R. Tomas. Oxford, U.K. / Maldan, MA: Blackwell, 2002. 237 p.
5. Bickerton, Derek. Creole Languages. Scientific American 249 (8). 1983 : 116—122, doi:10.1038/scientificamerican 0783-116.
6. Беликов В.И. Пиджины и креольские языки Океании. Социоллингвистический очерк. М.,1998. 198 с.
7. Прошина З. Г. Межкультурная коммуникация: английский язык и культура народов Восточной Азии : учебное пособие для вузов / З. Г. Прошина. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2023. 399 с. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/517440> (дата обращения: 21.05.2023).
8. "The Perils of learning in English". The Economist. February 23, 2019 [electronic text]. URL <https://www.economist.com/leaders/2019/02/23/the-perils-of-learning-in-english> (accessed 21.05.2023)
9. Багиян М.Б., Петрова Т.К. «Евроспик» - новый язык Евросоюза // Язык. Культура. Общество. Актуальные проблемы, методы исследования и проблемы преподавания. Сб. статей. Дашков и Ко. М. : 2021. С. 7-15.
10. Коптелова И.Е. Hungarian or Hunglish? // Английский язык на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами. Сб. научных трудов. РАН/ИНИОН. М. : 2020. С. 126-142.

УДК 81

Сабурова Н.А., Бенецкая Д.П. Лингвистические средства формирования современного санкционного дискурса

Сабурова Наталья Анатольевна

канд. филол.н., доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Россия, г. Хабаровск
nsaburova@mail.ru

Бенецкая Диана Павловна

студент направления 45.05.01 – Перевод и переводоведение
Тихоокеанский государственный университет, Россия, г. Хабаровск
beneckaya2011@mail.ru

The linguistic means of forming modern sanctioning discourse.

Saburova Natalya Anatolievna

Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor of the Department
of Linguistics and intercultural communication

Benetskaya Diana Pavlovna

Student, Pacific National University, Russia, Khabarovsk

Аннотация. Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью санкционного дискурса с лингвистической точки зрения. Объектом исследования данной работы являются лингвистические средства, формирующие санкционный дискурс. Цель статьи заключается в характеристике санкционного дискурса на материале текстов Постановлений Совета Евросоюза и определение его специфики с точки зрения лингвистических аспектов и особенностей его реализации. В работе описаны способы изучения политического дискурса и место санкционного дискурса в системе типологии дискурсов. Указаны жанрово-стилистические признаки санкционных постановлений Совета ЕС. Речевой акт запрета определен как основной акт санкционного дискурса. Охарактеризованы лексические маркеры запрета. Основная модальность – модальность категоричности – указывает на авторитарность, настойчивость и требовательность со стороны адресанта запрета.

Ключевые слова: политический дискурс, санкции, санкционный дискурс, запрет, речевой акт запрета.

Abstract. The relevance of this research is due to the lack of linguistic study of the sanctions discourse. The object of this study is the linguistic means that form the sanctions discourse. The aim of the article is to characterize the sanctions discourse on the texts of the EU Council Regulations and to determine its specificity from the point of view of linguistic aspects and peculiarities of its implementation. The research describes the ways of studying the political discourse and the place of the sanctions discourse in the system of discourse typology. The genre-stylistic features of the sanctions resolutions of the EU Council are indicated. As the main act of sanctioning discourse, the speech act of prohibition is defined. The lexical markers of prohibition are characterized. The main modality, the categorical

modality, indicates authoritarianism, insistence and demandingness on the part of the addressee of the injunction.

Key words: political discourse, sanctions, sanction discourse, prohibition, the speech act of prohibition.

Политический дискурс является одним из основных типов дискурса, существующих к настоящему моменту. Его основная цель — внушение адресантам так называемых «политически правильных» суждений и оценок [1]. Иными словами, политический дискурс должен убедить читателя или слушателя и побудить его к определенным и необходимым для государства или отдельно взятого политика действиям.

Дискурс, будучи сложным, многоаспектным феноменом коммуникативного бытия человека, предстает в виде некоего конструкта, обладающего индивидуальной типологией, структурой, семантикой и прагматикой. Под дискуссионным характером лингвистики дискурса, можно понимать «...сосредоточение на лингвистических аспектах дискурса и дискурсивных исследований, в отвлечении от других - социологических, психологических, этнографических и т. д.» [2]

Особенности употребления политического дискурса получили детальное рассмотрение в многочисленных исследованиях. «Целью данного дискурса является завоевание и удержание политической власти» [3]. В целом феномен политического дискурса может быть определен следующим образом: «Это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [4].

Т.А. Ван Дейк определяет исследуемый термин так: «Политический дискурс – это не жанр, это целый класс жанров, объединенных социальной сферой, в данном случае, политикой» [5]. Согласно его словам, к политической сфере относятся политические дискуссии, парламентские дебаты, партийные программы, выступления политиков и т.д. Таким образом, политический дискурс существует только в институциональной сфере, а вся коммуникация, осуществляемая политиком вне этой сферы, например, неформальная беседа с друзьями, не может быть отнесена к политическому дискурсу.

В.В. Латынов описывает термин «политическая коммуникация» как «обмен информацией между субъектами политической жизни, а также между государством и гражданами» [6].

Теперь представляется необходимым выявить характерные черты политического дискурса, с точки зрения которых его необходимо анализировать. В

своей книге «Политическая лингвистика» А.П. Чудинов впервые выделил особенности политической речи:

- ритуальность и информативность;
- институциональность и личностный характер;
- эзотеричность и общедоступность;
- редуционизм и многоаспектность информации в политическом тексте;
- авторство и анонимность политического текста;
- интертекстуальность и автономность политического текста;
- агрессивность и толерантность в политической коммуникации [7].

Говоря о синтаксических особенностях политического дискурса, стоит обратить особое внимание на формы глаголов, которые в нем используются:

- 1) конструкции будущего времени, обозначающие строгое распоряжение, категоричность или завершенность;
- 2) глаголы в повелительном наклонении и неличные конструкции;
- 3) употребление форм настоящего и будущего времени модальных глаголов, которые выражают функции приказа или запрета [8].

Для политического дискурса характерно наличие номинализации – «свертывания (трансформация и сопряжение) тематической и рематической информации реализованной части текста и ее перевод в номинативное единство, выполняющее в последующей части текста (в очередном предложении текста) функцию темы» [9].

В сложных предложениях политической речи нередко является повторение союзов, а также употребление клише и синонимичных групп, соединенных союзом и состоящих из двух или трех слов. Подобная метаморфоза служит для привлечения внимания и большего акцентирования на актуальной для данного текста проблеме.

Стоит выделить трансформацию вставки, суть которой заключается в том, что в предложении присутствует некоторое количество вставных конструкций, используемых для разъяснения сложного для читателя или слушателя контекста, либо переключения внимания реципиента на отдельно взятую часть высказывания.

На синтаксическом уровне может использоваться такой прием, как редупликация – усиление синтаксических единиц, т. е. при использовании данного приема в тексте могут повторяться не только фонемы, но в случае политического дискурса, слова и даже целые фразы.

В рамках политического дискурса часто используются риторические вопросы и восклицательные предложения. Однако данное явление больше относится к

элементам устной речи, в частности, к официальным речам политиков, а в текстах политических статей такие предложения чаще употребляются в качестве приведенной цитаты или при передаче косвенной речи.

Обратимся к материалу исследования – санкционным постановлениям Совета ЕС, принятым в отношении России после ряда политически значимых событий, не признанных странами коллективного Запада: присоединения к России Крыма, начала специальной военной операции по освобождению регионов Украины – Донецкой и Луганской областей. Санкционные постановления рассматриваются в работе как жанр санкционного дискурса. Цель исследования – определение их специфики с точки зрения лингвистических аспектов и особенностей реализации.

Санкционные постановления - жанр дискурса санкционной политики, основная проблематика которого связана с ограничительными мерами, которые вводятся «страной-санкционером против страны-оппонента и направленных на воспрепятствование развития страны-оппонента или на изменение ее внешней и/или внутренней политики в выгодном для инициатора санкций направлении» [10]. Исходя из этого, санкционный дискурс можно определить как особый тип институционального дискурса, обусловленный геополитической ситуацией, предполагающий неравные статусные роли его стран-участниц, содержание которого отражает ограничительные политические и/или экономические меры, призванные обеспечить соблюдение права или исполнение обязанностей страной-нарушителем.

Из анализа санкционного дискурса на базе текстов Постановлений Совета ЕС, в объеме 4 санкционных пакетов, можно отметить, что данным документам характерен официально-деловой стиль и жанр нормативного акта.

Из требований, предъявляемых к стилю языка санкций, можно выделить такие особенности как безличность стиля нормативного акта, логичное и компактное изложение текста, ясность, конкретность и непротиворечивость. Важно отметить, что для содержательной части текста используется юридический терминологический аппарат. Документ отражает лаконичность, точность и содержательность, свойственные языку права.

В жанре нормативного акта санкционного постановления употребляются такие виды лексики как: официально-деловая, научная (терминология экономической сферы) и общественно-публицистическая.

А.Н. Баранов дал следующее определение «дискурс санкционной политики – это совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях об ограничительных мерах, запланированных или введенных страной-санкционером

против страны-оппонента и направленных на воспрепятствование развития страны-оппонента или на изменение ее внешней и/или внутренней политики в выгодном для инициатора санкций направлении». [10]. Этот подтип дискурса начал складываться в российском и примыкающих к нему информационных пространствах менее 10 лет назад (начиная с «дела Магнитского», вхождения Крыма в состав России и событий на востоке Украины), но получает в настоящее время мощную подпитку в виде сообщений о вновь и вновь вводимых антироссийских санкциях вследствие проводимой Российской Федерацией специальной операции. В санкционный дискурс посредством официальных и неофициальных средств массовой информации, интернет-медиа, бытовых каналов коммуникации оказываются вовлечены все носители русского языка, поскольку сами санкции, помимо прочего, нацелены на создание дискомфорта, связанного с аксиологическими доминантами как отдельного индивида, так и общества в целом. В этом отношении можно говорить, что санкции – это и есть та самая жизнь, в которую погружена речь современного россиянина. Необходимо отметить, что совсем недавно таким примером выступала коронавирусная пандемия, сформировавшая свой дискурс [11] и тезаурус [12].

Смысловая, содержательная сторона санкционного дискурса, представляющая его семантику, весьма сложна для лингвистического анализа, поскольку представляет собой лишенное стабильности образование. По сравнению с другими типами дискурсов (например, дискурсом коронавирусной пандемии, упомянутым выше, или институциональными разновидностями) в данном дискурсе наиболее отчетливо проявляется важность контекста и подтекста в их ситуационном, общественно-политическом, ментальном многообразии, доминирование субъективного фактора, подкрепленное идеологическими предпочтениями говорящего и слушающего [13]. Из определения данного А.Н. Барановым, можно сделать вывод о том, основным речевым актом санкционного дискурса является речевой акт запрета. Необходимо отметить, что запрет относят к директивным речевым актам, основными признаками которого являются:

- тот, кто налагает запрет, то есть обладает правом на запрет;
- тот, кто выражает запрет, то есть формулирует запрет как перформатив;
- тот, кому адресован запрет;
- запретное потенциальное действие;
- санкции, то есть наказания за нарушения;
- реальные причины запрета, то есть, относится ли запрет к текущему или потенциально возможному действию;

- называемые причины запрета;
- сферы запрета (бытовая, юридическая, религиозная, медицинская, педагогическая, спортивная и т.д.);
- срок и место действия запрета; - тональность запрета (степень категоричности); [14]

Существенным признаком директивного речевого акта (ДРА) являются статусные взаимоотношения участников общения: выделение ведущего и ведомого. Для вышестоящего характерны приказы, для нижестоящего – просьбы. По мнению исследователей, среди участников ситуации запрета существует статусное неравенство. Прагматическая функция в таких высказываниях является главной – целью высказываний является оказание определённого воздействия на адресата с тем, чтобы он совершил или не совершил определенное действие [14].

В современном английском языке существуют различные средства выражения запрета. Для выбора варианта выражения речевого акта запрета выступают следующие параметры коммуникативного контекста: возраст, общественное положение коммуникантов, степень интимности, отношение между ними, возможности адресата относительно выполнения действия, местонахождение коммуникантов, присутствие постороннего. Базовыми факторами, определяющими коммуникативный контекст, выступают: ролевые отношения, отношение социально-психологической дистанции, обстановка общения. Запрещение в английском языке можно выразить как прямо, так и косвенно. Существует несколько форм проявления санкций, из основных можно отметить такие формы как ограничение, штраф, ужесточение и запрет. Конструкции с прохибитивными глаголами вместе со своими субстантивными и адъективными дериватами представляют собой ключевые слова, обеспечивающие прямое понимания «запрета». Другие языковые средства по отношению к ним вторичны. Так же, предложения, выражающие запрет, не имеют указания субъект. При проявлении санкций в форме запрета чаще всего, используются такие лексические единицы как: *prohibit, furthers prohibition, ban, extends prohibition, introduce derogation u prohibition*.

1. *Decision prohibits the provision of public financing or financial assistance for trade with, or investment in, Russia, subject to certain exceptions.*

2. *Under those amendments, the date from which the import of all Russian oil and oil products into the UK is prohibited, was brought forward from 31 December 2022 to the 5December 2022.*

3. It also prohibits the provision of technical assistance related to the goods and technology listed in the Common Military List of the European Union or related to the provision, manufacture, maintenance and use of such goods. В данных примерах акцент делается на связь запрета с законом, указываются запрещённые законом действия. В первом примере говорится том, что Евросоюз запрещает государственное финансирование и инвестирование России. Третий пример представляет собой запрет на предоставление технической помощи, связанной с товарами и технологиями в Россию.

3. Decision (CFSP) 2022/2478 furthers the already existing prohibition targeting new investments in the Russian energy sector... В этом примере лексическая единица *further*s prohibition указывает на то, что данное решение усиливает уже существующий запрет на новые инвестиции.

4. It also bans the sale of such goods and technology to specified legal persons in Russia and prohibits the provision of technical assistance and other related services. В этом примере описывается запрет на продажу товаров и технологий некоторым юридическим лицам в России и запрет на предоставление технической помощи.

Глагол *shall* используется для передачи значения долженствования, приказа, принуждения. С таким значением глагол *shall* применяется в официальных юридических документах. Наиболее частотным модальным глаголом, употребляемым для обязательности действия в официальных документах, является *shall* с последующим использованием глагола в страдательном залоге.

1. It shall be prohibited to directly or indirectly purchase, sell, provide investment services for or assistance in the issuance of, or otherwise deal with transferable securities and money-market instruments issued after 9 March 2022 It shall be prohibited to directly or indirectly make or be part of any arrangement to make any new loans or credit to any legal person, entity or body referred to in paragraph 1 after 23 February 2022.

It shall be prohibited to participate, knowingly and intentionally, in activities the object or effect of which is to circumvent prohibitions in this Regulation. В данных примерах модальный глагол используется для выражения того, что является обязательным. В первом примере запрещается любые финансовые махинации с лицами, попавшими в санкционный список после 23 февраля 2022 года. Указание обязательств содержащихся в правилах постановлений и запрет на их обход описаны во втором примере.

При проявлении санкций в форме требования чаще всего, используются такие лексические единицы как: *require* и *cease*.

1. *In addition, it requires operators to obtain a prior authorisation for the sale, supply, transfer or export of certain technologies for the oil industry in Russia...* В данном примере глагол *require*. В данном примере глагол *require* указывает на приказ о необходимости получения предварительного разрешения на международную торговлю для нефтяной промышленности в России.

2. *The measures should be maintained until the aggression against Ukraine is put to an end, and until the Russian Federation, and its associated media outlets, cease to conduct propaganda actions against the Union and its Member States.* В этом примере Евросоюз требует положить конец агрессии против Украины и прекратить пропагандистские действия против Союза и его государств-членов в российских СМИ.

При проявлении санкций в форме ограничения чаще всего, используются такие лексические единицы как: *restrictions* и *limit*.

1. *It also imposes restrictions on access to the capital market for certain Russian financial institutions (Он также вводит ограничения на доступ к рынку капитала для некоторых российских финансовых институтов.)*

2. *Decision (CFSP) 2022/327 imposes further restrictions on exports of dual-use goods and technology and on the provision of related services, as well as restrictions on exports of certain goods and technology...* Лексическая единица *restrictions* в данных примерах указывает на принятое законом постановление, которое ограничивает действия страны-оппозиционера. В первом примере указано ограничение на доступ к рынку капитала для некоторых российских финансовых институтов. Второй пример описывает дополнительные ограничения в сфере международной торговли.

3. *In addition, it introduces new measures which significantly limit the financial inflows from Russia to the Union...* В данном предложении глагол *to limit* указывает на ограничения на определенные вещи. Ограничение в данном примере вводится на финансовые потоки из России в Евросоюз.

Говоря о синтаксических особенностях санкционного дискурса, стоит обратить особое внимание на формы глаголов, которые в нем используются, такие как:

Конструкции будущего времени, обозначающие строгое распоряжение, категоричность или завершенность.

1) *It shall be prohibited to sell, supply, transfer or export, directly or indirectly, dual-use goods and technology, whether or not originating in the Union, to any natural or legal person, entity or body in Russia or for use in Russia.* В данном примере конструкция будущего времени выражает категоричный запрет на продажу, поставку, передачу

или экспорт товаров и технологий двойного назначения для всех граждан Российской Федерации.

Важной особенностью санкционных текстов является использование неличных конструкций.

1)...it requires operators to obtain a prior authorisation for the sale...

2)...transfer or export to Russia of specific goods and technologies for use in oil refining, together with restrictions on the provision of related services.

В сложных предложениях санкционного текста нередко встречается повторение союзов, а также употребление клише и синонимичных групп, соединенных союзом и состоящих из двух или трех слов. Подобная конструкция служит для привлечения внимания и большего его акцентирования на актуальной для данного текста проблеме.

Regulation (EU) No 833/2014 gives effect to certain measures provided for in Council Decision 2014/512/CFSP2 and prohibits the sale, supply, transfer or export of dual-use goods and technology to any person, entity or body in Russia or for use in Russia, if those items are for military use or for military end-users. В данном примере можно отметить повтор союза *or*, использованный для акцентирования внимания на условиях запрета, выдвинутых Советом.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать следующее, что тексты санкционных пакетов выражают: ограничение, штраф, ужесточение и запрет, указывая на прагматические функции того или иного санкционного пакета. Запрет в санкционных документах выражается в следующих лексических единицах: *prohibit, furthers prohibition, ban, extends prohibition, introduce derogation* и *prohibition*. Глагол *limit* и существительное *restrictions*, выражают форму ограничения. Форма требования выражена такими лексическими единицами как *require* и *cease*. Из синтаксических особенностей санкционных пакетов можно выделить: конструкции будущего времени, неличные конструкции, а так же употребление форм настоящего и будущего времени модальных глаголов.

Список литературы

1. Ухвачев Г.И. Некоторые особенности политической речи / Г.И. Ухвачев, М.В. Куимова // Молодой ученый. – 2015. – №10. – С. 1046–1047
2. Скребцова Т.Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика / Т. Г. Скребцова. – М.: ЯСК, 2020. – 312 с.
3. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. №1. С. 43-48.
4. Логинов К.С. Особенности применения инструментов политической лингвистики в публичных выступлениях государственных лидеров (на примере речей

- Президентов России и США) / К. С. Логинов // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XXXV междунар. студ. науч.–практ. конф. (Новосибирск, 20.10.2015) – №8. – С. 34 – 36
5. Дейк Ван Т. Дискурс и власть : Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. / Тён Ван Дейк. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
 6. Латынов, В.В. Политическая коммуникация / В.В. Латынов // Политическая энциклопедия. – 1999. – С. 172–173
 7. Чудинов А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 224 с.
 8. Карасик В.И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Институт языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин–т, 1992. – 330 с.
 9. Педагогическое речеведение : словарь-справочник / под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской ; сост. А.А. Князьков. – Москва : Флинта : Наука, 1998. – 310 с.
 10. Баранов А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
 11. Русский язык коронавирусной эпохи: моногр. / отв. ред. М.Н. Приемышева / ред. коллегия Е.С. Громенко, Н.В. Козловская, А.С. Павлова, Ю.С. Ридецкая. – СПб.: Ин–т лингв. исслед. Рос.акад. наук, 2021. – 610 с.
 12. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приемышева; ред. коллегия Е.С. Громенко, А.С. Павлова, Ю.С. Ридецкая. – СПб.: Ин–т лингв. исслед. Рос.акад. наук, 2021. – 550 с.
 13. Виданов Е.Ю., Антиномии санкционного дискурса (на примере высказываний об антироссийских санкциях) / Е. Ю. Виданов., Ю. Ю. Литвиненко // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. - №2. – С. 71–75
 14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
 15. Council Regulation (EU) 2022/259 [Электронный ресурс]: 23 February 2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R0330&qid=1679714264108> (дата обращения 22.04.2023)
 16. Council Regulation (EU) 2022/330 [Электронный ресурс]: 25 February 2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R0330&qid=1679714264108> (дата обращения 22.04.2023)
 17. Council Regulation (EU) 2023/427 [Электронный ресурс] 25 February 2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32023R0427&qid=1679714264108> (дата обращения 22.04.2023)
 18. Council Regulation (EU) 2022/2474 [Электронный ресурс] 16 December 2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L:2022:322I:TOC> (дата обращения 22.04.2023)
 19. Claire Mills Sanctions against Russia [Электронный ресурс] 22 March 2023. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9481/CBP-9481.pdf> (дата обращения 23.04.2023)

УДК 81

Чубарова Н.А. Глаголы с атрибутивной валентностью со значением презрения в современном немецком языке

Чубарова Наталья Андреевна

канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка
Вологодский государственный университет, РФ, г. Вологда
natalja.wologda@mail.ru

The verbs with attributive valence expressing contempt in modern German

Chubarova Natalia Andreevna

PhD (Philology), Associate Professor, English Language Department
Vologda State University, Russia, Vologda

Аннотация. В данной статье проводится анализ группы глаголов с атрибутивной валентностью в качестве средства выражения эмоций в современном немецком языке. Глаголы с атрибутивной валентностью представляют собой глаголы, которые в своей структуре содержат обязательный актанта с семантикой признака (атрибут). Отбор глаголов осуществляется на основе анализа словарных дефиниций. Их лексикографическое описание включает качественно-оценочную характеристику в виде инкорпорированного актанта-атрибута, выражающего эмоцию презрения. Исследование осуществляется с применением семантико-валентностного анализа, который позволяет описать особенности семантики этих глаголов, изучить их валентностные характеристики, что вносит вклад в понимание роли языка в выражении и коммуникации эмоций.

Ключевые слова: немецкий язык, глагол, валентность, актанта, атрибут, эмоции, презрение.

Abstract. This article analyzes a group of verbs with attributive valence as a means of expressing emotions in modern German. Verbs with attributive valence are verbs that contain an obligatory actant with the semantics of an attribute in their structure. The selection of verbs is based on the analysis of dictionary definitions. Their lexicographic description includes a qualitative evaluative characteristic in the form of an incorporated attribute actant that expresses the emotion of contempt. The study is conducted using semantic valence analysis, which allows for describing the semantic features of these verbs and examining their valence characteristics, contributing to the understanding of the role of language in the expression and communication of emotions.

Keywords: German, verb, valence, actant, attribute, emotions, contempt.

Изучение эмоций имеет очень важное место в психологии. Эмоции играют существенную роль в нашей жизни и оказывают влияние на наше мышление, поведение, межличностные отношения и общее благополучие. Большое количество исследований посвящено природе эмоций, их происхождению, выражению и влиянию на человека. Ученые-психологи исследовали различные аспекты эмоций, включая их физиологические механизмы, когнитивные аспекты, выражение в лицах

и жестах, а также эмоциональные реакции в различных ситуациях. В настоящее время изучается продолжительность переживания эмоций разного типа [1], механизмы возникновения, характеристика и функция эстетических эмоций [2], связь между эмоциональным состоянием человека и качеством его здоровья и жизни [3].

Исследования, связанные с эмоциями, активно развивались и в лингвистике, так как язык является основным средством выражения эмоций и передачи информации о них. Лингвистические исследования в области эмоций направлены на несколько основных аспектов: анализ языковых выражений эмоций, распознавание и классификация эмоций, культурные и социальные аспекты эмоций. Лингвистика эмоций получила широкое развитие и в настоящее время представляет собой целую «федерацию дисциплин», в которой можно выделить эмоциональную фонетику, эмоциональную семантику, эмоциональный синтаксис, эмоциональную ономастику, эмоциональную коммуникативистику, эмоциональную дискуртологию, эмоциональную дидактику, эмоциональную конфликтологию, эмоциональную лингвоэкологию [4, с. 129]. Данное направление исследований вносит значительный вклад в понимание роли языка в выражении и коммуникации эмоций. Особенно актуальной сегодня представляется эмотивная лингвоэкология [5,6,7,8,9], главной задачей которой является «смена негативного вектора общения на позитивный для прекращения или сдерживания негативных эмоций с целью сохранения здоровья как самого языка, так и его пользователей» [10, с. 296].

Выражение эмоций в немецком языке может осуществляться с помощью глаголов, обладающих атрибутивной валентностью. Данные глаголы имеют в своей структуре обязательный актант-атрибут, который передает определенный признак или характеристику. Среди описываемых глаголов можно выделить два вида: глаголы, требующие атрибут с общим признаком, и глаголы, включающие инкорпорированный актант-атрибут [11].

Данная статья направлена на исследование группы глаголов с атрибутивной валентностью, которые выражают эмоцию презрения, и на описание их семантико-валентностных характеристик. Для отбора глаголов был проведен анализ словарных дефиниций. Их лексикографическое описание включает качественно-оценочную характеристику в виде инкорпорированного актанта-атрибута (*abschätzig, schlecht, unwürdig, minderwertig*), выражающего эмоцию презрения. Проведенное исследование охватывает анализ более 15 произведений художественной литературы, общим объемом 5400 страниц.

Эмоция презрения, по мнению К.Э. Изарда – это не просто равнодушие. Она всегда сопровождается ощущением собственной ценности в сравнении с другими людьми. Испытывая презрение, человек ощущает свое превосходство и умаляет ценность объекта презрения. Данная эмоция чаще всего возникает в ситуациях ревности, жадности, конкуренции. [12, с. 283-284].

Физиологически эмоция презрения проявляется следующим образом: человек выпрямляется, откидывает голову и смотрит свысока на объект презрения. К внешним проявлениям данной эмоции можно также отнести приподнятые брови, приподнятую верхнюю губу, сжатые уголки губ и усмешку [12, с. 282].

Человек, презирающий других, платит свободой мысли: его разум ограничен, он не может воспринимать жизнь во всей ее полноте и разнообразии. Презрение часто формирует такие черты характера как отчужденность, холодность, коварство. Оно приводит к деперсонализации объекта и восприятию его как «недочеловеческого». Презираемый человек также ограничен в своей жизни: он живет с постоянным чувством стыда, низкой самооценкой и ощущением ничтожества [12, с. 285-286].

Группа глаголов с атрибутивной валентностью, репрезентирующая эмоцию презрения в немецком языке, включает в себя следующие глаголы: **verachten**, **missachten**, **verschmähen**, **herabblicken**, **herabschauen**, **herabsehen**, **hinabblicken**, **hinabsehen**, **hinunterblicken**, **hinunterschauen**, **hinuntersehen**.

Глаголы **verachten** и **missachten**, самые часто употребляемые в художественной литературе, имеют значение "не уважать", "презирать". Однако глагол **verachten** имеет более сильное и категоричное значение, выражает глубокий и настоящий презрительный настрой или чувство ненависти к кому-либо или чему-либо. *Субъектом* глагола являются, как правило, местоимения, реже существительные предметной семантики и имена собственные, например:

„Und dafür **verachtet** ihr (субъект) sie?“, *schätzte der Schauspieler*. „Also muss nur einer mit dem Verachten aufhören, und schon hat der andere keinen Grund mehr. So einfach ist das, Feindschaft beendet.“ [13, с. 950].

Объект глагола выражен местоимениями, существительными предметной семантики (*die Schwester, die Soldaten unter seinem Befehl, die Regierung, keine Menschen*), абстрактной семантики (*die Tatsache, die Idee, die Art und Weise, seine Einstellung, die Oberflächlichkeit der modernen Gesellschaft, die Gewalt als Lösung für Konflikte, die Grausamkeit des Krieges*), например:

*Meine Mutter wusste nichts von meiner Arbeitslosigkeit. Sie hat meine Arbeit (объект) **verachtet**, Bademeister, das ist kein Beruf, hat sie empört gesagt. Nach der Wende hat sie darauf gewartet, dass ich endlich einen anderen Beruf ergreife [14, с. 22].*

Глагол в некоторых случаях употребляется с распространителем причины (*wegen seines unmoralischen Verhaltens; für ihre Entscheidungen, wegen seiner Schwächen, die Meinung anderer, für seine Feigheit, aufgrund ihrer Herkunft, wegen seiner egoistischen Einstellung*), например:

*Aber seit euch im Klaren darüber, dass euch alle Völker des Universums wegen dieser Tat (распространитель причины) **verachten werden**. Euer Name wird mit Furcht und Schrecken ausgesprochen [15, с. 249].*

Глагол **missachten** имеет более нейтральное значение по сравнению с глаголом **verachten** и часто обозначает игнорирование или несоблюдение правил, законов или ожиданий, связанное с чувством неуважения. *Субъект* данного глагола также выражен в большинстве случаев местоимениями, а *объект* – существительными абстрактной семантики (*die Warnungen seiner Freunde; die Regeln; ihre Bitte; die Waffenruhe; die Traditionen ihrer Familie; Brittas Anweisung; die Gesetze; das Verbot*), например:

*Die Schuhe haben sie nicht ausgezogen, glaubten, dass sie (субъект) die Regeln (объект) **missachten** dürfen, über mich haben sie gespottet, weil ich die Anweisungen und Warnungen deutlich rief, aber jetzt stürzen sie rücklings von den Leitern und schlagen auf dem Beckengrund auf [14, с. 157].*

Изучаемые глаголы имеют разные оттенки значения: глагол **verachten** описывает более глубокое чувство ненависти или презрения, а **missachten** – неуважение, нарушение правил или норм.

Глагол **verschmähen** редко употребляется в художественной литературе, имеет значение «отказываться от чего-то, презирать или считать недостойным», «пренебрегать». *Субъектом* глагола являются местоимения, имена предметной семантики и имена собственные, в качестве *объекта* выступают существительные предметной и абстрактной семантики (*den Film, jede Form von Hilfe, die Kritik, ihre Gefühle*), например:

*Obwohl der Mörder (субъект) bald auch **nicht mehr** den in der einheimischen Bevölkerung vorherrschenden weichen, weißhäutigen und etwas beleibteren Mädchenschlag (объект) **verschmähte** [16, с. 238].*

*Auch die Suppe (объект) **verschmähten** wir (субъект) nicht [17].*

Глаголы **herabblicken**, **herabsehen**, **herabschauen**, **hinabblicken**, **hinabsehen**, **hinunterblicken**, **hinunterschauen**, **hinuntersehen** описывают, как правило, движение глаз вниз, но могут быть использованы в немногочисленных случаях в значении «смотреть на кого-то или что-то либо несколько пренебрежительно и с чувством превосходства», «смотреть с высокомерием или презрением». Субъект глаголов в данном значении выражен, как правило, местоимениями и существительными предметной семантики (*die reiche Dame*, *die arrogant wirkende Frau*, *die Gruppe*), например:

Sie (субъект) schauen auf uns herab, sie verachten uns, weil wir nicht so schön sind wie sie [13, с. 950].

Аналогичную тенденцию имеет и объект (*auf die anderen*, *auf die Menschen aus ärmeren Verhältnissen*, *auf alle*, *auf ihre Konkurrenten*, *auf diejenigen*, *die...*), например:

Sie hatte stets abschätzig auf ihre Klassenkameradinnen (объект) hinuntergesehen [17].

Согласно проведенному исследованию, глаголы с атрибутивной валентностью, выделенные на основе анализа словарных дефиниций и имеющие значение презрения, могут использоваться в немецком языке для выражения эмоций. Данные глаголы обладают инкорпорированным актантом-атрибутом, который представляет собой определенную качественно-оценочную характеристику. Глагол **verachten** описывает более глубокие чувства ненависти или презрения, в то время как **missachten** выражает неуважение, нарушение правил или норм. Глагол **verschmähen** означает "отказываться от чего-то, презирать или считать недостойным". Глаголы **herabblicken**, **herabsehen**, **herabschauen**, **hinabblicken**, **hinabsehen**, **hinunterblicken**, **hinunterschauen**, **hinuntersehen** могут использоваться для выражения пренебрежительного отношения и ощущения превосходства при взгляде на кого-то или что-то. Субъекты и объекты этих глаголов обычно выражаются личными местоимениями и существительными предметной семантики.

Дальнейшей целью исследования может стать изучение других глаголов с инкорпорированным актантом-атрибутом, которые выражают эмоции, для расширения классификации глаголов с атрибутивной валентностью как средства выражения эмоций в современном немецком языке.

Список литературы

1. Гордеева О.В. Исследования продолжительности эмоций в западной психологии: сколько «живет» радость? // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. № 1. 2019.
2. Шестова М.А. Экспериментальная эстетика и эстетические эмоции: обзор западных трендов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. № 1. 2021.
3. Ланцевская Н.Ю. Приемы саморегуляции эмоционального состояния как важный ресурс психологического здоровья личности // Вестник Шадринского Государственного Педагогического Университета. № 1 (53). 2022.
4. Ионова С.В. Лингвистика эмоций – наука будущего // Известия ВГПУ. 2019. №1 (134). С. 124-131.
5. Шаховский В.И. Экология языка и человека в меняющемся социуме // Неофилология. 2020. Т. 6. № 22. С. 217-225.
6. Шаховский В.И. Экология коммуникативной дистрибуции слова // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 369-376.
7. Шаховский В.И. Объемная динамика лингвоэкологии как научной парадигмы // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (2). С. 26–34
8. Солодовникова Н.Г., Сорокина Е.А. Эмотивный аспект лингвоэкологии // Лингвистика и образование. 2020. № 4 (4)
9. Солодовникова Н.Г. От эмотивной лингвистики к эмотивной лингвоэкологии: динамический аспект // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. № 2. С. 237–240.
10. Шаховский В. И. Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике: монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. 358 с.
11. Чубарова Н.А. Глаголы с атрибутивной валентностью в современном немецком языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: ВГСПУ, 2017. № 1(114). С. 118 – 121.
12. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2002. 464 с.

Список источников

13. Heitz M. Die Zwerge. München: Wilhelm Heyne Verlag, 2003. 1045 S.
14. Hacker K. Der Bademeister. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 2012. 165 S.
15. Janson R. Himmelslichter. Zweibrücken: Hary-Production, 2004. 258 S.
16. Süskind P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. Zürich: Diogenes Verlag AG, 1985. 306 S.
17. Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 5. Aufl. Mannheim, 2003.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.133.1

Мукимова К.А. О лексических особенностях и социокультурных тенденциях развития современного французского языка в Швейцарии

Мукимова Кристина Андреевна

студентка II курса магистратуры, факультета лингвистики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО)
kmukimova@yandex.ru

On lexical peculiarities and sociocultural trends in modern french in Switzerland

Mukimova Kristina Andreyevna

Second-year student of master's degree Linguistics department
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO)

Аннотация. В данной статье рассматриваются лексические особенности и социокультурные аспекты развития современного французского языка в Швейцарии. Объектом исследования является швейцарский вариант французского языка на современном этапе его развития, а предметом исследования выступают его лексические и социокультурные особенности. В статье предпринимается попытка сделать обзор на те изменения, которые проявляют себя в языке в данный момент. Анализ осуществляется с использованием эмпирического метода (анкетирование, наблюдение), а также ряда общенаучных подходов (изучение литературы, обобщение сведений, исторический метод). Так же в работе затронуты принципы гендерной лингвистики. Материалом для исследования послужили данные, представленные в словарях французского языка Швейцарии, избранные тексты из швейцарской прессы и блогосферы, а также научные работы и диссертационные исследования по теме, фундаментальные труды отечественных и зарубежных лингвистов. Изучение лексических и социокультурных особенностей швейцарского варианта французского языка необходимо не только с точки зрения получения знаний по теме, но также в рамках межкультурного общения, поскольку на базе аутентичного материала можно лучше познать культуру изучаемого языка. Итогом работы является вывод об уникальности Швейцарии как территориально-языкового сообщества и о существенных изменениях в современном французском языке в Швейцарии. Среди этих изменений: использование лексических единиц, отличных от тех, что соответствуют литературной норме французского языка, феминизация, а также активное использование инклюзивного письма в письменных материалах. Крайне важным представляется дальнейшее изучение и анализ современного французского языка в Швейцарии, поскольку в России этой теме посвящено не так много исследовательских и научных работ.

Ключевые слова: мультязычие, феминизация, инклюзивное письмо, гендерная лингвистика, лексикология, французский язык в Швейцарии.

Abstract. This article examines the lexical peculiarities and sociocultural aspects of the development of modern French in Switzerland. The object of the study is the Swiss version of the French language at the present stage of its development, and the subject of the study is its lexical and sociocultural features. The article provides an overview of the changes of the changes which are evident in the language at the moment. The analysis is carried out using empirical method (questionnaires, observation), as well as a number of general scientific approaches (literature study, synthesis of information, historical method). The study focuses also on the principles of gender linguistics. The material for the article is articles and dissertation research on the topic, as well as fundamental works of Russian and foreign linguists. Studying the lexical and sociocultural aspects of the French language is not only important from the point of view of gaining knowledge of the topic, but also as a part of intercultural communication, because authentic materials are the basis for a better knowledge of the culture of the target language. The conclusion is that Switzerland is unique as a territorial and linguistic community, and that substantial changes have occurred in modern French in Switzerland. These changes include the use of lexical units that are different from those in the French literary norm, feminisation, and the active use of inclusive writing. Further research and analysis of contemporary French in Switzerland is extremely important, as there are not many research and academic papers devoted to this issue in Russia.

Keywords: multilingualism, feminization, inclusive writing, gender linguistics, lexicology, French in Switzerland.

Введение

Изучение особенностей швейцарского варианта французского языка представляется важным, поскольку, продолжая непрерывно развиваться, язык требует фиксации и анализа происходящих изменений на базе актуального языкового материала. Данная тема находит отражение во многих отечественных и зарубежных исследованиях, однако, не все аспекты описаны достаточно подробно, особенно это касается гендерного контекста, который является значимым для языковой политики современной франкоязычной Швейцарии [Бакаева, 2020]. Анализ экстралингвистических влияний и их проявлений в швейцарском варианте французского языка важен для дополнения уже имеющийся языковой картины современной Гельветии и всего франкофонного сообщества, а его актуальность продиктована недостаточной разработанностью данной проблематики.

В этой связи представляется необходимым рассмотрение лексических и социокультурных факторов развития языка, а также лингвистических зон распространения швейцарского лексического варианта.

Актуальность данной темы заключается в том, что в России на тему франкофонии, в частности особенностей французского языка в Швейцарии, существует не так много исследовательских и научных работ. Так, Клоков В.Т. в своей фундаментальной работе «Французский язык в Швейцарии» описал

лингвокультурную ситуацию в Швейцарии. Также среди знаковых работ стоит выделить труд Жуковской Н.П. «Особенности национального варианта французского языка в Швейцарии», Беляевой Е.Е. «Особенности лексики и фразеологии швейцарского варианта французского языка», Домашнева А.И. «Языковая ситуация в Швейцарии» и т.д. Однако не все аспекты в этих работах описаны достаточно подробно. Это касается, к примеру, инклюзивного письма, которое было описано в работах Бакаевой С.А. «Гендерная лингвистика и инклюзивное письмо в многоязычной Швейцарии: комментарий к исследованию Даниэля Эльмигера», а также Л.А. Ульяницкой «Феминизация языка в социально-политическом пространстве России и Франции». Однако данная тема требует дальнейшего изучения, поскольку язык — явление социальное и постоянно изменяющееся.

Таким образом, целью настоящей работы является выявление и изучение лексических и социокультурных особенностей французского языка в Швейцарии, для чего представляется необходимым: а) выявить современные факторы (социокультурные и лингвистические), влияющие на изменения языка; б) оценить роль инклюзивного письма в современном французском языке в Швейцарии; в) оценить роль феминитивов.

Поскольку язык постоянно эволюционирует, он нуждается в анализе и своевременной фиксации его существенных изменений. Итогом данного исследования стал вывод об изменениях в современном французском языке в Швейцарии и его лексических и социокультурных особенностях. Так, были констатированы и изучены такие явления, как использование слов, характерных только для «национального» варианта французского языка, активное использование феминитивов и инклюзивного письма.

Лингвокультурная ситуация в швейцарии

Швейцария — мультязычная страна, т.к. в ней несколько национальных языков, а именно — четыре. Мультязычие в Швейцарии формировалось на протяжении столетий. Восток Швейцарии был германизирован в результате завоевания немцами. На Западе язык эволюционировал в сторону франко-провинциального патуа и французского, на Востоке — в сторону немецких диалектов и немецкого (см. рис. 1). В 1815 году в Швейцарии была принята новая федеративная Конституция, в которой было закреплено равенство трех языков (немецкий, французский и итальянский). На сегодняшний день языки Швейцарии представлены немецким, французским, итальянским и ретороманским языками (см. рис. 2).

Большая часть населения Швейцарии говорит на немецком языке. Однако немецкий в Швейцарии отличается от «классического» немецкого, это его диалект «schwyzertütsch», который некоторые воспринимают даже как самостоятельный язык.

Нас же интересует второй по распространенности язык в Швейцарии, а именно — французский. Французский язык в современной Швейцарии представлен в виде диалектов (патуа) и собственно литературного французского языка.

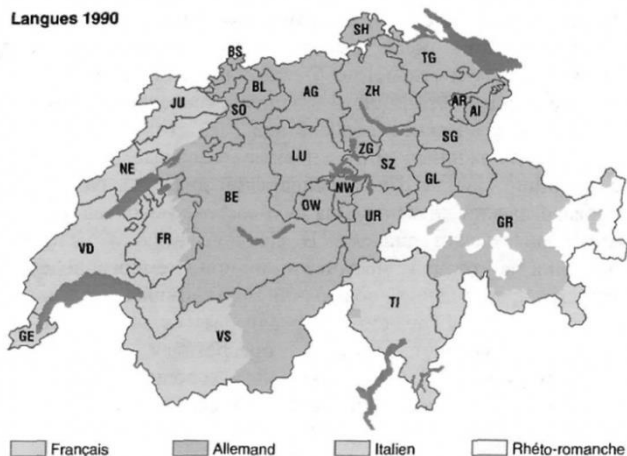

Рисунок 1. Лингвистическая карта Швейцарии, 1990
Источник: www.jmem.ch

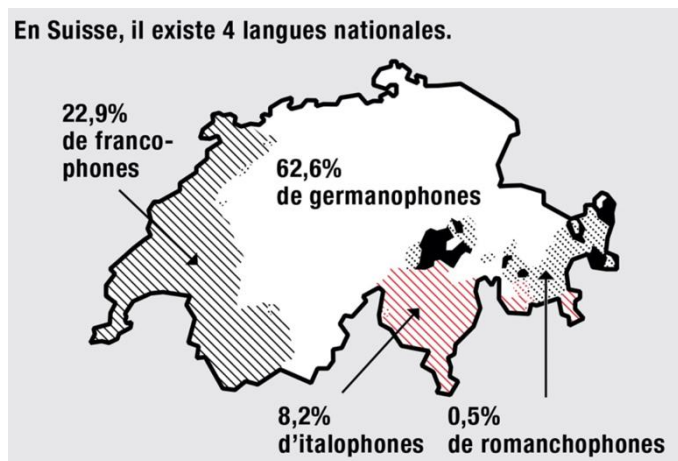

Рисунок 2. Языки современной Швейцарии
Источник: www.eda.admin.ch

Лексические особенности современного французского языка в Швейцарии

Швейцария в значительной степени подверглась романизации еще в I–III вв. н.э. Постепенно начала прослеживаться культурно-историческая общность Франции и западных кантонов Швейцарии. Это отразилось на языковой составляющей. Так, закрепились три основные группы диалектов: на севере Франции — *langue d'oïl* (франсийский диалект), на юге страны — *langue d'oc* (провансальский диалект) и на юго-востоке (включая запад Швейцарии) — франко-провансальский диалект.

Сегодня национальный вариант французского языка в Швейцарии соответствует литературным нормам, установленным Французской академией. Однако нельзя отрицать, что французский язык в Швейцарии представляет собой региональный вариант франкошвейцарского языка, в котором допускается отступление от литературной нормы, определенной Французской академией

[Дмитриева, 2005]. Следовательно, в языке прослеживается ряд особенностей, которые не препятствуют осуществлению коммуникации.

Анализ источников показал, что наибольший пласт различий приходится на семантическое поле «быт и повседневное общение» [Дмитриева, 2005]. Здесь различия начинаются уже с построения числительных. Так, в классическом французском языке числительные «soixante-dix» (семьдесят), «quatre-vingts» (восемьдесят), «quatre-vingt-dix» (девяносто) строятся по логике двадцатеричного счета. В швейцарском же варианте французского языка более частотны варианты «septante» (семьдесят), «huitante» (восемьдесят) и «nonante» (девяносто), а также их производные «septantaine», «septantieme», «nonantaine». Во Франции эти варианты считаются устаревшими, а в словарях они даются с пометкой арх. (т.е. архаизм) [Spichiger, Knecht, Destraz 1987]. Однако в Швейцарии именно эти числительные чаще всего употребляют в устной и даже письменной речи (преимущественно в административных текстах).

Также, многие слова существуют во французском языке как Франции, так и Швейцарии, но используются в разных значениях. Например, существует вероятность возникновения путаницы при назывании приемов пищи. В классическом варианте французского языка «le petit déjeuner» — это завтрак, «le déjeuner» — обед, «le dîner» — ужин. Однако в швейцарском варианте все по-другому: «le déjeuner» — завтрак, «le dîner» — обед, а «le souper» — ужин.

Помимо этого, швейцарский вариант французского языка характеризуется использованием слов, нетипичных для классического французского. К примеру, «le natel», вместо «le téléphone portable» (мобильный телефон), «un bancomate» вместо «un distributeur (de billets)» (банкомат), «linge» вместо «serviette de maison» (полотенце) и т.д.

Вот лишь неполный список значений, словесные единицы для обозначения которых расходятся в двух вариантах французского языка:

Швейцарский вариант	Французский вариант	Перевод
Se rincer le gosier	Boire un petit coup	Выпить
Se réduire	Se coucher	Ложиться спать
Faire un clopet	Faire une sieste	Вздремнуть
Assomée	Fatigué	Уставший
Faire la poutze	Faire le ménage	Убираться
Panosser	Nettoyer	Чистить
Dérupiter	Tomber	Падать
Foutre loin	Jeter à la poubelle	Выбросить мусор
Mettre le cheni	Mettre le désordre	Устраивать беспорядок
De la gogne	Du travail mal fait	Некачественно выполненная работа
Je me suis chié	Je me suis trompé	Я ошибся
Un feune	Un sèche-cheveux	Фен
Bleu	Permis de conduire	Водительское удостоверение
Cornet	Sac en plastique	Пластиковый пакет
Jaquette	Gilet	Жилет
Ça joue	Ça marche	Работает
Service!	Ya pas de quoi!	Не за что!
Faites seulement	Je vous en prie	Пожалуйста
Une rincée / Il roille	Forte pluie / Il pleut à torrent	Ливень
Fricasse	Froid	Холодно
Un roille-gosses	Un instituteur	Учитель

Тенденция феминизации

В современном французском языке Швейцарии наблюдается феномен феминизации, т.е. формирования новых форм женского рода. Этот феномен идет вразрез с литературной нормой французского языка.

Так, в швейцарском варианте появляется женский род слов, которые традиционно, согласно литературной норме, имеют только форму мужского рода. Например, *professeure* (женщина-преподаватель), *ingenieure* (женщина-инженер), *soldate* (женщина-солдат), *procuireure* (женщина-прокурор), *policière* (женщина-полицейский) и т.д.

В 2014 г. Французская академия выступила против форсированной феминизации названий профессий, титулов, должностей и т.д. [Ульяницкая, 2020]. Более того, в опубликованной декларации такие слова, как *professeure*, *recteure*,

sapeuse-prompière, auteure, ingénieure, collonelle, chercheure называются варваризмами [Ульяницкая, 2020]. Однако в швейцарском варианте французского языка феминизация закрепились и активно используется носителями [Эльмигер, 2000].

Инклюзивное письмо

Традиционно считается, что «le masculin l'emporte sur le féminin», т.е. «мужской род преобладает над женским». В Швейцарии же отходят от этого правила. Сегодня для письменного языка Швейцарии характерен инклюзивный язык (langage inclusif) или инклюзивное письмо (écriture inclusive). Инклюзивное письмо, как и феминизация, — одна из характерных черт швейцарского варианта французского языка. Оно представляет собой совокупность графических и синтаксических приемов, которые нацелены на обеспечение равенства обоих полов в письменном тексте.

Основные правила инклюзивного письма включают в себя грамматическое согласование рода слов, обозначающих профессии, должности, титулы и т.д. (présidente, directrice, chroniqueuse, professeure, intervenante), а также использование графических средств инклюзивного написания слов, гендерно-нейтральных слов и мужского и женского рода вместе.

Следует выделить пять графических способов инклюзивного написания слов:

— скобки: un(e) ami(e), les travailleur(euse)s, les professionnel(le)s, les adhérent(e)s;

— заглавные буквы: unE amiE, les professionnellEs, les adhérentEs;

— дефис: un-e ami-e, les travailleur-euse-s, les professionnel-le-s, les adhérent-e-s;

— косая черта: un/e ami/e, les travailleur/euse/s, les professionnel/le/s, les adhérent/e/s;

— интерпункт: un-e ami·e, les travailleurs·euses, les professionnel·les, les adhérent·es.

Приведем несколько примеров. Согласно литературной норме, кандидаты по-французски — les candidats. Однако согласно правилам инклюзивного письма, предлагается добавить интерпункт, тем самым включив в это существительное и женщин. Получается — les candidat·es.

Если в предложении «Они идут на концерт» автор имеет в виду, что среди них есть и мужчины, и женщины, то согласно правилам инклюзивного письма на французском языке эта фраза будет выглядеть так: «Elles et ils vont à un concert». А

фраза «Дорогие друзья, спасибо, что прочли это письмо» будет выглядеть так: «Cher·e·s ami·e·s, merci de lire cette lettre».

Инклюзивное письмо повсеместно используется в каждодневном обиходе. Такую форму письма, к примеру, используют многие университетские сайты. [Бакаева, 2020]. Так, на сайте Лозаннского университета в разделе «Information pour» (*Информация для*) даны следующие подразделы: «Futurs étudiants & étudiantes» (*Будущим студентам и студенткам*), «Chercheurs & chercheuses» (*Исследователям и исследовательницам*). А на сайте Бернского университета подобный раздел назван «Futurs étudiant·e·s». Употребление инклюзивного письма прослеживается не только в названиях разделов, но и в самом тексте: «nombre de participant·e·s» (*количество участников, -ниц*).

Заключение

Мы рассмотрели уникальный феномен мультязычия в Швейцарии. В частности, мы остановились на лексических и социокультурных особенностях французского языка в Швейцарии. Мы выявили, что в целом швейцарский вариант соответствует литературной норме, но характеризуется существенными лексическими различиями.

Язык — социальное, быстро меняющееся явление. Французский язык в Швейцарии претерпел значительные изменения. В нем годами происходили трансформации и преобразования, которые изначально могли восприниматься с неприятием, однако, со временем они «нормализовались» и стали незаметными и естественными для носителей языка. Феминизация языка и использование инклюзивного письма — естественное явление, которое не вызывает сомнений у современных швейцарцев. Они активно используют феминитивы и способы инклюзивного написания слов.

В лингвистическом разнообразии мы видим уникальность Швейцарии как территориально-языкового сообщества. Именно поэтому язык, находящийся на стыке культур и развивающийся в рамках социокультурных трансформаций внешнего мира, особенно нуждается в анализе и фиксации его существенных изменений.

Список литературы

1. Сергиева О.В. Четырехязычие в Швейцарии и проблемы культурной идентичности [Вступ. статья] // Культура в современном мире. 2010 №5-6. [Электронный ресурс]. URL : https://studylib.ru/doc/2726573/chetyrehyazychie-v-shvejcarii-i-problemy-kul._turnoj (дата обращения: 02.10.22)
2. Дмитриева Е.Г. Лексико-семантические и стилистические особенности французского языка в Швейцарии [Диссертация кандидата филологических наук] 10.02.05 / Дмитриева Елена Григорьевна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов].- Москва, 2008.- 227 с.: ил. РГБ ОД, 61 09-10/389
3. Бакаева С.А. Гендерная лингвистика и инклюзивное письмо в многоязычной Швейцарии: комментарий к исследованию Даниэля Эльмигера / С.А. Бакаева // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака : Сборник статей по итогам V международной конференции, Москва, 25–27 марта 2020 года. – Москва: ООО "Издательство "Спутник+", 2020. – С. 31-37. – EDN WCMZLD.
4. Elmiger, D. Les guides de féminisation allemands et français. La Suisse au carrefour d'influences différentes , 2000. Bulletin VALS/ASLA, 72, p. 211-225.
5. Ульяницкая Л.А. Феминизация языка в социально-политическом пространстве России и Франции // Дискурс. 2020; 6(3):140-159. [Электронный ресурс]. URL : <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-3-140-159> (дата обращения: 04.10.22)
6. Spichiger V., Knecht P., Destraz D. Helvétismes Larousse 1987: nomenclature, corrections et rédaction. Neuchâtel: Centre de dialectologie et d'étude du français régional de l'Université de Neuchâtel, 1987.
7. Knecht P., Thibault A. Dictionnaire suisse romand: particularités lexicales du français contemporain. Front Cover. Zoé, 2004. 885 p.

УДК 811.161.1

Чарская Ю. А. Французское аргю в ретроспективном аспекте исследования

Чарская Юлия Анатольевна

ассистент кафедры «Иностранные языки», Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
yulia_charskaja@mail.ru

French argo in the retrospective aspect of the study

Charskaya Yuliya Anatolyevna

assistant of the department of Foreign languages, Sevastopol State University
Sevastopol, University street, 33

Аннотация. В данной статье аргю исследуется в контексте современной социальной идентификации, а именно: изучается его ретроспективный аспект. Целью работы является рассмотрение взглядов лингвистов на вопросы становления аргю с учетом изменения во времени, начиная с XIII века и до наших дней. Нестабильная политическая ситуация, падение нравов, войны являются благодатной почвой для проникновения в язык новых слов, как и произошло с аргю, который изначально рассматривался как язык преступников и уголовников. Но за последние года аргю изменилось в качественном и количественном отношении стало ближе к народу. Данная статья поможет расширить представление о специфике менталитета молодежи и определить масштабность трансформации разговорного языка.

Ключевые слова: аргю, арготизмы, французское аргю, ненормативный язык, разговорная лексика, жаргон.

Abstract. In this article argo is studied in the context of modern social identification, namely, its retrospective aspect is studied. The purpose of the work is to consider the views of linguists on the issues of the formation of argot, taking into account changes in time, from the XIII century to the present day. The unstable political situation, the decline of morals, wars are fertile ground for the penetration of new words into the language, as happened with argo, which was originally considered as the language of criminals. But in recent years, argo has changed in qualitative and quantitative terms, it has become closer to the people. This article will help to expand the understanding of the specifics of the mentality of young people and determine the scale of the transformation of the spoken language.

Keywords: argot, argotisms, French argot, profanity language, spoken language, jargon.

Анализируя историю возникновения французского аргю, необходимо уточнить определение аргю современными лингвистами, как отечественными, так и французскими. Первые его рассматривают как особый вид разговорного языка «le jargon est une terminologie... et l'argot c'est une forme exagérée du langage familier » (Н.Н. Лопатникова, Н.А. Мовшович; В.А. Тархова), а другие трактуют его как один из подвидов французской разговорной лексики, «ensemble oral des mots non techniques

qui plaisent à un groupe social» [1, 235]; как особый тип вокабуляра, присущий узкопрофессиональной группе, обществу, группировке «vocabulaire particulier à un groupe, une profession, à une classe sociale». В интернет-ресурсах аргю определяется или очень кратко «argot – registre de langue ou un parler particulier à un groupe social, c.a.d. un sociolecte» [2], или развернуто «sens étymologique.1. le langage de convention utilisé à l'origine par les voleurs, les malfaiteurs; 2. par extension se dit de tout vocabulaire et toutes particuliers utilisés exclusivement entre ceux qui exercent la même profession ou vivent dans un même milieu social ou classe particulière (sociolecte); 3. «langage populaire, non académique» [3].

Проанализируем ретроспективный аспект эволюции и становления нынешнего аргю.

Несмотря на широкую распространенность в наши дни, аргю - явление в языке далеко не новое. Еще в эпоху Средневековья эмигранты, приехавшие во Францию, говорили на «ломаном» французском, и были нередко высмеяны местными жителями. Тогда и возникло слово «жаргон», которое как полагают многие французские лингвисты, восходит первоначально к ономотопическому корню слова «garg», обозначающему пение птиц и звуки, издаваемые некоторыми животными. Так называли любой иностранный язык ввиду его непонятности для большинства окружающих. Но среди лингвистов бытует мнение, что слово «жаргон» произошло от галло-романского слова «gargone - болтовня». Слово «аргю» впервые засвидетельствовано письменно в 1628 году с выходом в свет работы Оливье Шеро «Жаргон реформированного аргю» (Le jargon de l'argot réformé). Следует отметить, что вначале слово «аргю» служило наименованием банды воров, орудовавшей в Париже, и лишь впоследствии это слово стало применяться для обозначения воровского языка. Но аргю развивались и в других социальных группах, каждая профессия, каждый квартал имел свое собственное аргю. Несмотря на то, что термин «аргю» возник в 1628 году, само явление возникло еще раньше, в XIII веке и определилось под названием «jargon». Поэт Франсуа Вийон (François Villon) использовал в XV веке термин «jobelin» (жаргон бедных мошенников), а в XVI в. возникли уже синонимические эквиваленты «baragouin», «narquois», «blesquin». Первый французский текст, посвященный жизни и жаргону мелких торговцев и нищих, был издан в Лионе в 1596 г. Жаном Жульероном (Jean Juillieron). Речь идет о творениях «La vie généreuse des Mesceiots» и «Gueux et Boesmiens», подписанных Péchon de Ruby. Этот текст переиздавали пять раз с 1627 г., он стоял у истоков арготической литературы. Он вмещал более 150 арготических слов, которые эволюционировали от

одного издания к другому. Именно классическая литература распространяла «*la langue verte*»: «*Mémoires*» бывшего каторжника Видока, «*Mystères de Paris*» Eugène Sue, «*Les Mohicans de Paris*» Бальзака. Отметим, что в этих и других произведениях авторы преимущественно описывали парижское аргот (argot parisien), которое было популярно вплоть до 1950 года.

В XVII веке аристократия, чтобы выделить себя, как класс, придумала свой жаргон – жаргон жеманниц «язык салона – *le langage des précieuses*», например: *le témoin des âges = l'histoire=история*.

В. Гюго, интересуясь проявлением аргот во французском обществе, писал, что «l'argot étant l'idiome de la corruption, se corrompt vite. En outre, comme il cherche toujours à se dérober, sitôt qu'il se sent compris, il se transforme ... Ainsi l'argot va-t-il se décomposant et se recomposant sans cesse». Он справедливо и метко добавляет, что «l'argot c'est la langue des ténébreux... n'est autre chose qu'un vestiaire où la langue ayant quelque mauvaise action à faire, se déguise...» [4, 143].

В XIX – XX веках происходит постепенный переход от аргот злоумышленников, т.е. криминального аргот к профессиональному аргот, аргот не только представителей различных профессий, но и различных социальных групп, в том числе и молодежи. Аргот претерпевает существенные изменения, так как он является результатом глубоких изменений, происходящих во французском обществе (всеобщая воинская повинность, две войны, обязательное светское образование, продление школьного возраста обучения). Дальнейшее развитие аргот зависит от процесса маргинализации молодежи, связанного с ее невостребованностью, вызванной безработицей и мировыми кризисами.

Современное аргот имеет ту же конечную цель, что и классическое аргот, но если классическое аргот было связано, прежде всего, с профессиональной деятельностью, то современное аргот является продуктом вынужденного безделья, бездействия, оно формируется не стихийно, а иногда осознанно, по воле и желанию людей. Прежде всего, это касается арготизмов, которые создаются для конспирации, кодирования вербальной информации.

Современное французское аргот активно использует часть молодежи, его называют «langue djeunz» от «jeunes», или язык пригородов, трущоб «langue des cités», так как на нем говорят преимущественно в бедных французских кварталах.

Как известно, язык предназначен для того, чтобы удовлетворять потребности людей в общении и передаче информации, и он в равной степени используется всеми социальными классами общества. Тем не менее, само деление на классы и различные

социальные группы неизбежно влияет на язык, и особенно на языковой состав. Явным доказательством этого является существование во французском языке различных видов аргю наряду с другими социальными модификациями ненормативного языка, в постоянном противостоянии с нормативным литературным языком. Аргю не имеет собственной фонетической и грамматической системы, его развитие происходит в среде более или менее замкнутых коллективов: школьников, студентов, различных профессиональных групп, лиц находящихся в местах лишения свободы (тюремное аргю) и т.д.

Аргю — это язык социально или профессионально обособленных групп или сообществ, и в связи с этим выделяют аргю артистов, охотников, музыкантов и т.д. Аргю — это язык деклассированных групп общества, язык преступников, нищих и «трудных» подростков. Он не представляет собой независимой системы и проявляется в специфическом использовании в пределах общепринятого языка. Его используют в кодировке посланий, для того чтобы непосвященные не поняли их содержание. Аргю выполняет идентифицирующую функцию, так как позволяет членам определенной группы различать друг друга и демонстрирует ее обособление от общества с помощью особого языка.

Аргю — это особый тип разговорной речи, в которой большое место занимают фамильярные и простонародные слова и словосочетания, и в которой проявляются грамматические конструкции и фонетические особенности, отходящие от норм литературного языка.

Аргю понятно не только французам, но и иностранцам, владеющим французским языком. Диалектизмы и арготизмы проникают и в общенародный язык, в прессу, в художественную литературу. Среди арготических слов, вошедших за последние годы в современную французскую литературу, следует назвать такие ЛЕ как «*cagoulard*» – кагуляр - французский фашист, «*canasson*» - кляча, «*se dégonfler*» - идти на попятную, «*embêter*» - надоедать, «*flancher*» - бояться, «*mariol*» - хитрец, «*pinard*» - вино. Аргю укоренилось в сознании рядовых французов, стало естественным, законным элементом неофициальной французской речи.

Таким образом, можем с полной уверенностью говорить о том, что арго — феномен далеко не новый, но в наше время он успешно развивается вместе с языком. Новые арготизмы постоянно пополняют словари, что, несомненно, привлекало и привлекает внимание многих лингвистов, которые описывают арго в своих работах. (Береговская Э. М. «Механизмы, формирующие французское арго» 1995; Береговская Э. М. «французское арго: эволюция его восприятия» 1997; Елистратов В. С. «Арго и культура» 1995; Calvet L.-J. «L'argot» 1999.)

Список литературы

1. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française . Le Nouveau Petit Robert .Robert P., Rey A., Rey-Dobove J. . — P., 1996 — 731 p.
2. Wikipedia, the free encyclopedia: Motive: Статья «Argot». Режим доступа: [fr.wikipedia.org /wiki.argot](https://fr.wikipedia.org/wiki/argot) (Дата обращения 16.12.2022).
3. Wikipedia, the free encyclopedia: Motive: Статья «Argot». Режим доступа: [fr.wiktionnaire.org/wik.argot](https://fr.wiktionnaire.org/wik/argot) (Дата обращения 16.12.2022).
4. Hugo V. Les Misérables./ Hugo V - P.: Gallimard, 1951. — 1781 p.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81

Колесник Е.В., Буренко Л.В. Стилистические особенности художественного текста

Колесник Елизавета Вячеславовна

студент кафедры лингвистического образования Южный федеральный университет

Буренко Людмила Васильевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистического образования
ИУЭС Южный федеральный университет

Stylistic features of a literary text

Kolesnik Elizaveta Vjacheslavovna

Student of the Department of Linguistic Education Southern Federal University

Burenko Ljudmila Vasil'evna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistic
Education and UES Southern Federal University

Аннотация. Статья представляет собой анализ стилистических особенностей художественного текста на примере рассказа Кори Мелин «All is possible». Целью исследования является анализ представленного текста, а именно: стилистических приемов, использованных автором произведения. В статье дано определение понятию «стиль» рассматриваются особенности и функции художественного стиля.

Ключевые слова: художественный стиль, стилистические приемы, художественное произведение, тропы, образность, эстетическое воздействие.

Abstract. The article is an analysis of the stylistic features of the literary text on the example of the short story by Corey Melin "All is possible". The purpose of the study is to analyze the presented text, namely: stylistic techniques used by the author of the work. The article defines the concept of "style" and discusses the features and functions of artistic style.

Keywords: artistic style, stylistic techniques, artwork, tropes, imagery, aesthetic impact.

Каждое художественное произведение, в том числе литературное, является результатом образного познания и отображения реальной действительности художником. С помощью индивидуально-образного изображения мира писателем литературное произведение воздействует на разум и эмоции читателя. Изображая действительность в тексте художественного произведения, его автор неизбежно сочетает правду и вымысел, отражая свое видение мира и свое к нему отношение [3, с. 238].

Таким образом, отличительной чертой художественного текста является то, что он содержит не только семантическую, но и так называемую эстетическую или художественную информацию. Она реализуется в пределах индивидуальной художественной структуры, то есть конкретного художественного текста, и является уникальной, характерной только для него.

И.Р. Гальперин отмечал: «Когда проявление индивидуального становится обязательным условием и характерным признаком стиля, мы имеем дело со стилем художественной речи» [5, с. 347].

Целью настоящей работы является исследование стилистических особенностей произведения Кори Мелин «All is possible». Прежде всего определим, какие характеристики присущи художественному стилю в целом.

И.Р. Гальперин подразделяет стиль художественной речи на следующие разновидности: стихотворная речь, язык драматургии и художественная проза, к которой и относится рассматриваемый нами рассказ «All is possible» [5, с. 348].

Прежде чем мы подробнее рассмотрим черты, свойственные художественному стилю, обратимся к трактовке самого понятия «стиль».

Так, в начале 20 в. в своей статье «Задачи поэтики» В.В. Жирмунский отмечал: «...понятие стиля означает не только фактическое сосуществование различных приемов, временное или пространственное, а внутреннюю взаимную их обусловленность, органическую или систематическую связь, существующую между отдельными приемами» [7, с. 3].

Академик В.В. Виноградов дает следующее определение: «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [4, с. 73]. Именно данное определение понятия «стиль» мы возьмем за основу в нашей работе.

Речевые стили выделяются как определенные системы в литературном языке прежде всего в связи с целью сообщения, а специфика каждого стиля вытекает из особенностей функций языка в данной сфере общения, отсюда и название *функциональные стили*. [5, с. 343; 1, с. 264]. Однако вопрос о классификации стилей является довольно дискуссионным. Прежде всего отметим, что в русском и английском языках ученые предлагают разные классификации. Так, в современном

русском литературном языке выделяют книжные функциональные стили, выступающие преимущественно в письменной форме, и разговорный стиль, для которого характерна главным образом устная форма речи. К книжным функциональным стилям относятся *научный, публицистический, художественный, церковно-религиозный и официально-деловой стили*. [6, с. 46-47]. Вопрос о выделении художественного стиля в качестве функционального называется авторами спорным, поскольку «в своих произведениях писатели используют всё многообразие языковых средств, так что художественная речь не представляет собой системы однородных языковых явлений. Напротив, она лишена какой бы то ни было замкнутости, её специфика зависит от особенностей индивидуально-авторских стилей» [6, с. 47].

Специалисты в области стилистики английского языка также указывают на дискуссионность выделения художественного стиля как особого функционального стиля. Так, например, И.В. Арнольд в работе «Стилистика. Современный английский язык» отрицает существование данного стиля, объясняя это тем, что литературная норма «стилистика нейтральна и используется в литературе в разных сочетаниях с различными функциональными стилями, причем художественный эффект часто зависит именно от столкновения стилей. [1, с. 268]. К функциональным стилям, которые выделяет И.В. Арнольд, относятся научный, разговорный, деловой, поэтический, ораторский и публицистический [1, с. 268].

Вслед за И.Р. Гальпериным мы в нашей работе будем считать художественный стиль самостоятельным функциональным стилем. [5, с. 347]. Самой яркой особенностью этого стиля является то, что он представляет собой «сложное единство разнородных черт» и допускает использование элементов других стилей, которые, однако, обработаны соответственно общим, типическим чертам этого стиля [5, с. 347].

Основная функция стиля художественной речи, по мнению И.Р. Гальперина, – «это путем использования языковых и специфических стилистических средств, способствовать соответственно замыслу автора и более глубокому раскрытию перед читателем внутренних причин условий существования, развития или отмирания того или иного факта этой действительности» [5, с. 348]. Наиболее существенным, характерным для этого стиля речи, как отмечает ученый, является образность. Наряду с чисто логическим способом выражения мысли, в котором слова употребляются в своих предметно-логических значениях, в стиле художественной речи часто встречаются разные оттенки значения: контекстуальные значения, эмоциональные значения – проводники субъектно-оценочных взглядов автора.

В книге «Предпереводческий анализ текста» М.П. Брандес и В.И. Провоторов выделяют функцию эстетического воздействия на адресата как основную функцию литературно-художественного стиля [2, с. 98].

Таким образом, основной целью художественного произведения является достижение определенного эстетического воздействия и создание художественного образа, а слово, по мнению В.А Кухаренко, в художественной речи способно нести дополнительную смысловую, эмоциональную, эстетическую нагрузку – актуализироваться. Сохраняя свои общезыковые свойства в пределах конкретного высказывания (текста), слово увеличивает состав своих значений (смыслов) и своих функций. Благодаря этому создается одна из исключительных особенностей, присущая каждому истинно художественному тексту: способность нести дополнительную информацию без увеличения сообщения только за счет особой смысловой и эмоциональной нагрузки составляющих его единиц [8, с. 53-54].

К основным характеристикам художественного стиля относятся следующие:

1. подлинная образность, достигнутая чисто языковыми приемами;
2. использование слов в контекстуальном и часто более чем в одном словарном значении, под сильным влиянием контекста;
3. словарный запас, который в большей или меньшей степени отражает личную авторскую оценку вещей или явлений;
4. особый индивидуальный подбор лексики и синтаксиса, особая лексико-синтаксическая идиосинкразия;
5. наличие характерных черт разговорной речи [9, с. 22].

Создание художественного образа невозможно без использования особых стилистических приемов, к которым относятся стилистические фигуры или тропы. И.В. Арнольд под тропами подразумевает употребление слова или словосочетаний в переносном, образном смысле [1, с. 69].

Рассмотрим те стилистические приемы, которые мы выделили в рассказе Кори Мелин «All is possible».

Метафора обычно определяется как скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго [1, с. 99]. Примеры метафор в произведении (все примеры, здесь и ниже взяты из [12], перевод примеров осуществлен авторами данной статьи):

- 1) *Sofia was the prime target.* – Соня была главной мишенью.

2) *Take her away from the **hell** that was her life.* – Забрать ее из того ада, которым была ее жизнь.

3) *No! She could not return to that **monster**.* – Нет! Она не могла вернуться к этому монстру.

4) *How has **life turned** so that such thoughts come to mind?* – Как жизнь повернулась таким образом, что подобные мысли посещают ее голову?

5) *What a **cruel joke** to be played in her life.* – Какую жестокую шутку сыграла с ней жизнь.

Эвфемизмы – это слова и словосочетания, появляющиеся в языке для обозначения понятий, которые уже имеют названия, но считаются почему-то неприятными, грубыми, неприличными или низкими [5, с. 164].

Примеры из рассказа:

1) *Why did you have to **leave?**, she asked so many times.* – Почему ты должна была умереть? – спрашивала она много раз.

2) *I do not know, Joseph. I had heard of horror stories of family members **taking out** other family members.* – Я не знаю, Джозеф. Я слышала ужасные истории о том, как члены семьи расправляются с другими членами семьи.

Олицетворение, или **персонификация**, при котором явления природы, предметы или животные наделяются человеческими чувствами, мыслями, речью (антропоморфизм) [1, с.157].

Примеры из рассказа:

1) *Part of her just wanted to find a place to sit and **let the cold take her away**.* – Часть ее просто хотела найти место, где можно присесть и позволить холоду забрать ее.

2) ***Fright started to envelop her** as she wondered what was going on.* – Страх охватывал ее, когда она задалась вопросом что происходит.

А.П. Сковородников определяет **сравнение** как сопоставление двух явлений с тем, чтобы пояснить одно из них при помощи другого [10, с. 306].

Примеры из рассказа:

1) *Another shadow passed over her head, and she was pretty sure she saw this one. **Looked like** a human figure that was all black.* – Вот уже другая тень пролетела над ее головой, и она была практически уверена, что видела ее. Она была похожа на человеческую фигуру, одетую во все черное.

2) *The last one showed a figure in white carrying a woman who **looked like** she was in distress.* – На последней была изображена фигура в белом, несущая на руках женщину, которая выглядела так, будто была в беде.

Эпитет есть троп лексико-синтаксический, поскольку он выполняет функцию определения, или обстоятельства, или обращения, отличается необязательно переносным характером выражающего его слова и обязательным наличием в нем эмотивных или экспрессивных и других коннотаций, благодаря которым выражается отношение автора к предмету [1, с.104-105]. Примеры из рассказа:

1) *“Hello!” a **warm** voice called out.* – *Здравствуйте!»* позвал теплый голос.

2) *She opened the front door and **was stunned** to see her father feet away.* – Она открыла входную дверь и была ошеломлена, увидев отца на пороге.

Н.М. Шанский в работе «Фразеология современного русского языка» представил определение: «**Фразеологический оборот** – это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная по своему значению, составу и структуре» [11, с.63]. Пример:

1) *Sofia knew **there was no way to get around Joseph.*** – Соня знала, что обойти Джозефа невозможно.

2) *It doesn't help that the enemy strives to **keep a wedge between you two.*** – Не помогает и то, что враг стремится вбить клин между вами.

3) ***The door is always open.*** – Дверь всегда открыта.

Риторический вопрос не предполагает ответа и ставится не для того, чтобы побудить слушателя сообщить нечто неизвестное говорящему. Функция риторического вопроса - привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон, создать приподнятость [1, с. 183]. Примеры из рассказа:

1) *“**What the hell is going on?**” she thought.* – «Что тут, черт возьми, происходит?», – подумала она.

2) *“**Where is the old man?**” she asked herself as she looked around.* – «Где же старик?» – спросила она себя, как только осмотрелась.

В качестве итога отметим, что в настоящей работе мы исследовали стилистические особенности произведения Кори Мелин «All is possible». Нами были выделены и переведены на русский 21 метафора, 5 эпитетов, 2 эвфемизма, 7 фразеологических оборотов, 3 олицетворения, 5 сравнений, 2 риторических вопроса. Все перечисленные стилистические приемы были призваны способствовать более полному раскрытию образов, придуманных писателем.

Список литературы

- 1) Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
- 2) Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб. пособие. – 3-е изд. Стереотип. – М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 2001. – 224 с.
- 3) Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
- 4) Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / Вопросы языкознания. 1955. – №1. – С. 60-87.
- 5) Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках. 1958. – 462 с.
- 6) Голуб И.Б., Стародубец С.Н. Стилистика русского языка и культура речи: учебник для академического бакалавриата – М.: Издательство Юрайт. 2018. – 455 с. – Серия: Бакалавр. Академический курс.
- 7) Жирмунский В.В. Задачи поэтики. URL: <https://yy-diary.livejournal.com/29474.html> (дата обращения: 27.05.2023).
- 8) Кухаренко В.А. Интерпретация текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
- 9) Кокшарова Н.Ф. Лекции по стилистике (английский язык): учебное пособие. – Томск: Изд-во Томского политехниче. университета, 2011. – 104 с.
- 10) Сковородников А.П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. – М.: Наука, 2005. – 480 с.
- 11) Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». – 4-е изд., испр. и доп. СПб.: - Специальная литература, 1996 – 192 с.
- 12) Melin Corey «All is possible». URL: <https://blog.reedsy.com/short-story/ih2moh/> (дата обращения: 28.05.2023).

УДК 81'42

Шашкова В.Н. Средства текстовой когезии в полицейских рапортах и памятках на английском языке

Шашкова Валентина Николаевна

канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Россия, г. Орёл
valentina.shash@mail.ru

Means of textual cohesion in police reports and memorandums in English

Shashkova Valentina Nikolaevna

Cand. Sci. (Philology), associate professor, professor of the Chair of foreign and Russian languages, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Russia, Orel

Аннотация. В статье рассмотрены средства текстовой когезии, которые актуализируются в двух жанрах юридического дискурса на английском языке, а именно: в рапорте и в памятке сотруднику полиции. Среди лексико-грамматических средств текстовой когезии, которые проявляются в рассматриваемых жанрах, были выявлены дейктические элементы, видо-временные формы глаголов-сказуемых, союзы и союзные слова, эксплицирующие различные типы связей между отдельными предложениями и фрагментами текста, именные фразы с предлогами с временным значением, актуализирующие семантику скрытой пропозиции, а также вводные слова. Отличия в актуализации средств текстовой когезии в текстах рапортов и памяток выявлены лишь применительно к вводным словам.

Ключевые слова: средства текстовой когезии, когерентность, юридический дискурс, рапорт, памятка.

Abstract. The article discusses the means of text cohesion, which find their manifestation in two genres of legal discourse in English, namely in the police report and in the memorandum addressed to the police officer. Among the lexical and grammatical means of textual cohesion, which are used in the genres under consideration, deictic elements, grammar and aspect forms of verbs explicating various types of connections between sentences and fragments of the text, nominal phrases with prepositions with temporal meaning actualizing the semantics of a hidden proposition, as well as parenthesis. Differences in the use of means of cohesion in the texts of reports and memorandums are detected only in relation to introductory words.

Key words: means of textual cohesion, coherence, legal discourse, report, memorandum.

Дискурсивная парадигма в исследованиях, объектом в которых выступает текст или текстовая деятельность, предполагает ориентацию на выявление специфики функционирования языковых средств в той или иной сфере общения для реализации коммуникативных потребностей субъектов общения при внимании к требованиям жанра и особенностям стилового оформления жанра [3, с. 58]. «Определение

эффективности речевой коммуникации включает в себя достоверное восприятие смысла и правильное осознание полученного сообщения» [2, с. 89]. Таким образом, анализ коммуникативного взаимодействия в определённой сфере общения должен включать в себя как экстралингвистические факторы, обусловленные самой сферой общественной коммуникации, так и внутрilingвистические факторы, предопределённые в том числе и требованиями жанра текста. В рамках данной концепции мы обратились к исследованию конкретного пласта лексики, обеспечивающего важную функцию внешней экспликации когерентности текста. Предметом исследования стали средства когезии. Сразу же внесём терминологическое уточнение. Когезия понимается в работе как лексико-грамматическое выражение внутритекстовой связи [1, с. 40]. Когерентность понимается как содержательная целостность, некоторый коммуникативный каркас, который реализуется текстом, обрастая текстовыми модулями, каждый из которых реализует частную коммуникативную задачу, направленную на достижение коммуникативной макроцели текста.

Определённая номенклатура жанров как форм представления содержания закреплена за каждым типом дискурса, и юридический дискурс не является исключением. В рамках нашего исследования мы сосредоточились на жанрах полицейского рапорта и памятки для полицейских. Так как жанры разнятся по адресанту и адресату, а также по целевой семантике гипотеза исследования состоит в том, что средства текстовой когезии проявляют себя по-разному в разных жанрах одного типа дискурса. Притом особенности могут затрагивать как избирательность в использовании средств определённой семантики, так и их функциональные свойства. Материалом для исследования послужили образцы текстов, предложенные в англоязычном учебнике для подготовки полицейских кадров “Career Paths. Police” [4]. Для презентации результатов исследования были отобраны два примера, которые иллюстрируют наиболее типичные случаи актуализации различных средств текстовой когезии, которые встречались и в других исследованных образцах. Общее количество проанализированных текстов составило 18 единиц, из которых 11 текстов были полицейскими рапортами, 7 текстов по жанровой принадлежности относились к памяткам.

В качестве образца рапорта для анализа мы берём только текстовую часть, не обращаясь к реквизитам, в которых априори не встречаются средства текстовой когезии.

I answered a burglary call at the Simpson Hotel at 9:00 PM on December 3. *The* hotel manager reported that someone had broken into several guest rooms. *There were* no signs of forced entry. *The* thief likely had room keys for each room. *The* hotel safe appears damaged. **However**, nothing is missing. *The* thief robbed staff members' lockers **as well**. No guests or employees reported seeing anything unusual. *The* hotel does not have a security camera, **so there is** no suspect at *this time* [4, с. 26].

Первым средством когезии, одновременно реализующим и тема-рематическое членение предложения, являются дейктические элементы. Определённый артикль выражает конкретную референцию всех субъектов и объектов в рамках описываемой ситуации: **the hotel manager** (управляющий отелем), **the thief** (вор), **the hotel safe** (сейф отеля), **the hotel** (отель). Экзистенциальная конструкция *there is / there are* является прямым указанием на описываемую ситуацию: **There were** no signs of forced entry (Следов взлома не выявлено). ... **there is** no suspect at *this time* (На данный момент подозреваемого нет).

Различные типы местоимений тоже являются дейктическими элементами, реализуя текстовую отсылку к ситуации. Так, в анализируемом фрагменте актуализируются универсальное местоимение *each* в рамках фразы «*each room*» (каждый номер) и указательное местоимение *this* в контексте фразы «*at this time*» (в настоящее время).

Ещё одним важным средством когезии выступают временные формы глаголов. Временные формы являются индикаторами хронологической последовательности событий, соотнося плоскости прошедшего и настоящего времён (в философском понимании категории времени). В анализируемом фрагменте актуализируются временные формы Past Indefinite для констатации установленных фактов, относящихся к совершенному преступлению: *answered, reported, were, had, robbed*. Формы Past Perfect указывают на предшествование в рамках косвенной речи: сообщение о показаниях третьих лиц, в которых сообщается релевантная для дела информация: ... *that someone had broken into several guest rooms* (что кто-то проник в несколько гостевых номеров). Форма Present Indefinite служит для констатации фактов, относящихся к настоящему времени: *The hotel does not have a security camera* (В отеле нет камеры наблюдения), или фактов, относящихся к расследованию и релевантных для настоящего момента: *The hotel safe appears damaged* (Сейф в отеле оказался повреждён) и ... *there is no suspect at this time* (на данный момент подозреваемого нет). Временная форма Present Continuous указывает на актуальный характер обстоятельств: ... *nothing is missing* (... ничто не пропало).

Средства текстовой когезии – это также союзы и союзные слова, связывающие изложение. В анализируемом тексте рапорта таких элементов три: союзное наречие *however*, реализующее противительную связь между двумя предложениями текста, союзное наречие *as well*, реализующее соединительный тип сочинительной связи двух предложений, констатирующих доказательства совершения преступления, и союз *so*, выражающий отношения следствия.

Для сопоставления обратимся к типовому образцу памятки для сотрудников полиции.

As many of you know, we are increasing police presence *since the last year's game sparked riots in and around the stadium. Unfortunately*, we were unprepared for the level of violence that broke out... We hope our preparations and your hard work will keep our officers safe *this year*.

Firstly, we need to ensure that everyone maintains personal safety. *This* means that every officer on foot must wear a helmet and carry a riot shield. We will *also* have a unit of mounted police, who have the advantage of height and speed.

Secondly, we must have adequate resources for dispersing the crowd. Some of you will be assigned to the truck carrying *the* water cannon. All officers will be assigned gas masks in case we need to fire tear gas.

Finally, we plan to better control *the* area around the stadium. Before the game, we will set up barriers to limit the movement of people entering and exiting *the* stadium. *This* will make crowd control easier, especially if kettling becomes necessary [4, с. 16].

Мы придерживаемся той же логики анализа проявлений средств текстовой когезии, что и для рапортов, поэтому начнём с действительных элементов, которые актуализированы в тексте. К таковым, в частности, относятся определённые артикли, которые сопровождают средства номинации всех компонентов ситуации в настоящем и аналогичной ситуации в прошлом, включая оборудование сотрудников полиции: *the stadium* (стадион), *the game* (игра), *the water cannon* (водяная пушка). К действительным элементам относятся также вербализаторы компонента времени: *the last year's game* (прошлогодня игра), *this year* (в этом году). Функциональный потенциал указательного местоимения *this* в тексте памятки реализован шире, чем в тексте рапорта. Указательное местоимение в двух случаях является подлежащим, семантически соотнося предложение с ситуацией, описанной в предшествующем контексте: *Firstly, we need to ensure that everyone maintains personal safety. This means that every officer on foot must wear a helmet and carry a riot shield.* (Во-первых, мы должны обеспечить личную безопасность каждого. Это [обеспечение личной

безопасности каждого] означает, что каждый пеший офицер должен быть в каске и с защитным щитом.) *Before the game, we will set up barriers to limit the movement of people entering and exiting the stadium. This will make crowd control easier, especially if kettling becomes necessary.* (Перед игрой мы установим барьеры, чтобы ограничить движение людей, входящих и выходящих со стадиона. Это [установка барьеров] упростит контроль над толпой, особенно если потребуется сдерживание толпы.) Само указательное местоимение в поверхностной структуре высказывания в таких случаях содержит референциальную отсылку к ситуации и указывает на имплицитную атомарную пропозицию в семантической структуре высказывания. Важно подчеркнуть и то, что это средство эксплицитно соединяет идеи, способствуя реализации объясняющей коммуникативной стратегии дискурса.

Временная связь событий реализуется не только при помощи форм грамматического времени глаголов-сказуемых, но и за счёт употребления союзов, вводящих обстоятельственные придаточные времени: *...since the last year's game sparked riots in and around the stadium* (с тех пор как прошлогодняя игра вызвала беспорядки на стадионе и вокруг него), а также временные предлоги, формирующие вместе с существительным именные фразы: *before the game* (перед игрой).

Вводные слова также являются средствами когезии. В памятках, как показывает образец, вводные слова более частотны, чем в рапортах: *unfortunately* (к сожалению), *firstly* (во-первых), *secondly* (во-вторых), *finally* (наконец). Функционально они отличаются: первое вводное слово выражает отношение к содержанию сообщения; *firstly*, *secondly*, *finally* выражают последовательность логического движения мысли в изложении.

Таким образом, можно выделить следующие лексико-грамматические типы средств текстовой когезии, которые в разной степени проявляются в текстах рапортов полиции и памяток для сотрудников полиции:

- дейктические элементы, определяющие референты в определённой ситуации;
- видо-временные формы глаголов, располагающие события на временной оси и одновременно разграничивающие повествование и описание как формы речи от рассуждения;
- союзы и союзные слова, эксплицирующие различные типы связей между отдельными предложениями и фрагментами текста;
- предлоги с временным значением при имени существительном, которые фактически представляют собой скрытую атомарную пропозицию в функциональной семантике высказывания;

- вводные слова, которые организуют повествование (выявлены и в текстах протоколов, и в текстах памяток), и вводные слова, которые выражают авторское отношение к сказанному (не типичны для протоколов).

Выявленные отличия между спецификой актуализации средств текстовой когезии в рапортах и памятках отражают особенности жанра: рапорт представляет собой строгое изложение фактов с учётом хронологической последовательности событий, памятка – это краткая инструкция, в которой помимо фактологической информации содержится директива, выраженная или повелительными предложениями, или при помощи такого функционально-семантического типа высказываний, как констатирующее сообщение о необходимости совершения определённых действий. Памятка по своей функциональной нагрузке является более субъективной, она допускает вкрапление вводных слов, выражающих субъективную оценку положения вещей коммуникативным субъектом.

Конечно, выполненное исследование лишь выявляет те черты, которые можно рассматривать в качестве «сигнальных точек» при изучении специфики актуализации средств текстовой когезии в разных жанрах юридического дискурса. Оно требует достаточно массивного объёма текстов и выявленных средств, обработанных статистически, для того, чтобы сделать глобальные выводы. В этом мы видим перспективы своего исследования.

Список литературы

1. Величко М.А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник Адыгейского государственного университета. Выпуск 2 (177). 2016. С. 39–43.
2. Цыбакова О.В., Мерцалова С.Л. Условия эффективной речевой коммуникации // Научные записки академии. 2023. № 1(45). С. 89–92.
3. Шашкова В. Н. Направления работы над языковым аспектом иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы // Филологический аспект. 2021. № S4(7). С. 54–59.
4. Taylor J., Dooley J. Career Paths. Police. Book 1, 2, 3. London, Express Publishing, 2017. 120 p.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-22

**Викторова А.А., Буренко Л.В. Синхронический анализ категории числа
в русском, английском и испанском языках**

Викторова Анастасия Андреевна

студент кафедры лингвистического образования
Южный федеральный университет, РФ, г. Таганрог
viktrorovanastya@gmail.com

Буренко Людмила Васильевна

канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистического образования
ИУЭС Южный федеральный университет, РФ, г. Таганрог
lburenko@yandex.ru

Synchronic analysis of the category of number in Russian, English and Spanish

Viktorova Anastasia Andreevna

student of the Department of Linguistic Education
Southern Federal University, Russia, Taganrog

Burenko Lyudmila Vasilevna

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistic Education
Southern Federal University, Russia, Taganrog

Аннотация. В данной статье затрагивается тема категории числа на примере русского, английского, испанского языков. Все три языка относятся к индоевропейской семье, но к трем разным группам: славянской, романской и германской, что позволяет провести наиболее полный анализ. Цель настоящей работы – синхроническое описание и сравнение категории числа имен существительных в русском, испанском и английском языках. В статье подробно рассматриваются различия и схожие признаки категории числа в трех языках. В заключении, на основе сравнения, были сделаны выводы.

Ключевые слова: категория числа, имя существительное, русский язык, английский язык, испанский язык, словоизменяемая категория, словообразовательная категория, индоевропейская семья языков.

Abstract. This article touches on the topic of the category of numbers on the example of Russian, English, Spanish. All three languages belong to the Indo-European family, but to three different groups: Slavic, Romance and Germanic, which allows for the most complete analysis. The purpose of this work is a synchronic description and comparison of the category of the number of nouns in Russian, Spanish and English. The article discusses in detail the differences and similar features of the number category in three languages. In conclusion, based on the comparison, conclusions were drawn.

Keywords: category of number, noun, Russian, English, Spanish, inflectional category, word-formation category, indo-European family of languages

Категория числа неизменно вызывает интерес ученых разных направлений, поскольку является сложной и многогранной категорией. Несмотря на то, что существует множество работ, в которых данная категория исследуется на материале отдельных языков, остается еще много вопросов и поэтому типологические исследования категории числа не утратили своей актуальности.

В лингвистике категория числа даже в одном языке может иметь несколько осмыслений, т.е. включать несколько семантических оппозиций: один — не один; один — несколько/много; один — только один; не один/несколько — много/несколько. Так, В. А. Плунгян, исследовавший категорию числа на материале языков разных типов, отмечал, что базовые значения граммем числа задают количественную характеристику объектов: 'один объект' (единственное число) vs. 'более одного объекта' (множественное число) или 'один объект' (единственное число) vs. 'два объекта' (двойственное число) vs. 'более двух объектов' (множественное число) [11, с.277].

Языки мира имеют разные способы выражения категории числа. Так, В. Д. Аракин пишет о морфологическом выражении категории числа в соответствующих формах языка и определяет данную категорию как категорию, которая выражает количественные отношения, существующие в реальной действительности, отраженные в сознании носителей данного языка [1, с. 103]. Однако в монографии А. В. Лыкова «Имена чисел в современном русском языке: семантический, грамматический и функциональный аспекты» мы находим мысль о том, что отдельные языки могут не обладать грамматической категорией числа (в пример исследователь приводит китайский, вьетнамский и др.), но в каждом языке есть «группа числовых и оценочных кванторов» [10, с.23].

Некоторые ученые относят категорию числа к самым распространённым категориям имени существительного, называя её одной из самых «именных» категорий [11, с.277], при этом другие отмечают, что при неразвитости числа у существительных в ряде языков очень развито число у глагола [7, с.67].

Рассмотрим статус категории числа в системе субстантивного формообразования. Дискуссионным является вопрос о том, к какому типу грамматических категорий – словоизменяемых или классифицирующих – следует относить число существительных. А. А. Камынина, исследовавшая категорию числа на материале русского языка, выделяет три точки зрения. Согласно первой точке зрения, традиционной, существительные в русском языке изменяются по числам. Сторонниками второй точки зрения являются профессор Ф. Ф. Фортунатов и его

последователи, которые связывают число со словообразованием, указывая на многочисленные расхождения форм числа в лексической семантике, которые часто приводят к формированию отдельных лексем. Например, *долг* – ‘обязанность’ и *долги* – ‘взятое займы’, *грязь* – ‘размокшая от воды почва’ и *грязи* – ‘озерный или морской лечебный ил’ и др. Сторонники третьей точки зрения признают число категорией смешанного типа, уточняя, что в сфере конкретной лексики существительные изменяются по числам, сочетаясь с количественными числительными (*один карандаш, пять карандашей*), а в остальных, конкретных, случаях распределяются по числам [7, с.54-55].

Цель настоящей работы – синхроническое описание и сравнение категории числа имен существительных в русском, испанском и английском языках. Данные языки относятся к одной индоевропейской семье, но к трем разным группам: славянской, романской и германской.

Во всех трех языках существует грамматическая категория числа, которая представлена оппозицией: форма единственного числа (называет один предмет) противопоставлена форме множественного (называет неопределенное множество предметов, в том числе и два предмета) [7, с.56; 13 с.105].

Основным средством выражения числа в русском языке являются окончания, которые, однако, не являются только лишь средством выражения числа, они синкретичны и одновременно выражают грамматические значения рода, числа и падежа. Например: *дом – домá, дóма – домóв, дóму – домáм, дóмом – домáми, (о) дóме – домáх*.

Помимо окончаний есть ещё дополнительные средства выражения числа, а именно:

- усечение, наращение или чередование основообразующих суффиксов (например: *горожанин – горожане, сын – сыновья, жеребёнок – жеребята*);
- мена ударения (например: *óзеро – озёра, дéрево – дерéвья*);
- супплетивизм (например: *ребёнок – дети, человек – люди*) [14, с.258; 13 с.106].

Следует также отметить, что в предложении имя существительное согласуется с другими частями речи (имя прилагательное, причастие, личная форма глагола), в этом случае форма числа существительного выражается и синтагматически, в словосочетании (например: *широкое окно – широкие окна, девочка играет – девочки играют*). Синтагматический способ выражения числа является единственным для

несклоняемых существительных (например: *светлое пальто висело – светлые пальто висели*).

В рамках данного исследования приведем точку зрения А. А. Камыниной, подразделяющей все существительные по признаку числа на четыре группы. К первой группе, которую она называет ядром грамматической категории числа, относятся имена существительные, у которых формы ед. и мн. числа не различаются по лексическому значению, но отражают количественные отношения между предметами (например: *ложка – ложки, сад – сады, озеро – озера* и т.д.). Во вторую группу А. А. Камынина относит те имена существительные, у которых формы ед. и мн. числа различаются по лексическому значению и поэтому употребляются в разных контекстах (например: *это наш долг – раздать долги, на улице грязь – лечебные грязи* и т.д.). Третья группа объединила имена существительные, не имеющие форм мн. числа, называемые *singularia tantum*, что в переводе с латинского означает 'только формы единственного числа'. В эту группу входят многие отвлеченные существительные (например: *любовь, тишина, перемирие*), вещественные (например: *железо, масло, мука*), собирательные (например: *человечество, листва, молодежь*), некоторые имена собственные (*Крым, Енисей*), названия некоторых спортивных игр (*футбол, хоккей*). В четвертую группу вошли имена существительные, не имеющие форм ед. числа, называемые *pluralia tantum*, что в переводе с латинского означает 'только формы множественного числа'. К ним в русском языке следует отнести некоторые отвлеченные существительные (например: *поминки, переговоры, хлопоты*), вещественные (например: *духи, сливки, румяна*), собирательные (например: *деньги, джунгли, финансы*), многие имена собственные (*Альпы, Лужники*), названия некоторых детских и спортивных игр (*прятки, шахматы*), некоторые конкретные существительные (*брюки, ножницы*), а также отрезки времени (например: *сутки*) [7, с.53; 14 с.258-259].

Изучим категорию числа в **испанском языке**. Множественное число имен существительных в испанском языке образуется с помощью алломорфов [-s, -es], которым противопоставлено единственное число, маркируемое алломорфом \emptyset , (например: *padre- \emptyset – 'отец' / padre-s – 'отцы'*; *tonel- \emptyset – 'тоннель' / tonel-es – 'тоннели'*). Если существительное употребляется и в мужском, и в женском роде, то тогда это существительное имеет четыре формы, две формы ед. ч. и две формы мн. ч. (например: *león- \emptyset – 'лев'*; *leon-a- \emptyset – 'львица'*; *leon- \emptyset -es – 'львы' (муж. р.)*; *leon-a-s – 'львицы'*; *gat-o- \emptyset – 'кот'*; *gat-a- \emptyset – 'кошка'*; *gat-o-s – 'коты' (муж. р.)*; *gat-a-s – 'кошки'*). [9, с.126].

Следует отметить, что в испанском языке нет способа образования мн. числа с помощью варьирования основ. Однако в испанском существуют слова, в которых меняется ударный слог во мн. числе (например: *el régimen* — *los regímenes*, *espécimen* — *especímenes*). а также некоторые слова, оканчивающиеся на -с, меняют её на -*qui* (например: *el frac* — *los fraques*). Изменения такого типа не являются распространённой формой выражения мн. числа и свойственны отдельным словам [3, с. 34; 4, с. 25].

Как правило, все существительные испанского языка, оканчивающиеся в ед. числе на -с в неударном слоге, не изменяют окончания во мн. числе, имея одну форму для двух чисел. Различие в числе передается с помощью артикля и контекстуальных средств. В эту группу входят: 1) сложные имена существительные, образованные по схеме глагольная форма + существительное во мн. числе (например: (*el, los*) *lanzallamas* — ‘огнемет’, (*el, los*) *limpiadientes* — ‘зубочистка’), названия большинства дней недели (например: (*el, los*) *limes* — ‘понедельник’), некоторые другие (например: (*el, los*) *extasis* — ‘восторг’, (*la, las*) *crisis* — ‘кризис’) [4, с. 25-26].

В испанском языке также выделяется ряд существительных, которые имеют только форму единственного числа (*singularia tantum*). К ним относятся единственные в своем роде понятия (например: *la luna* — ‘луна’, *el sol* — ‘солнце’), вещества (например: *la leche* — ‘молоко’, *el agua* — ‘вода’, *la arena* — ‘песок’), абстрактные понятия (например: *el inmortalidad* — ‘бессмертие’), собирательные понятия (например: *la ropa* — ‘одежда’, *el campesinado* — ‘крестьяне’, *el follaje* — ‘листва’), имена собственные (например: *Juan, Roma*). [3, с. 36-37].

В испанском, также как и в русском, есть группа существительных, которые употребляются только во множественном числе (*pluralia tantum*): например: *gafas* — ‘очки’, *esposas* — ‘наручники’, *vacaciones* — ‘каникулы’ [3, с. 39-40].

Как и в русском языке, в испанском языке есть имена существительные, которые в ед. и мн. числе разнятся по значению (например: *el padre* — ‘отец’ и *los padres* — ‘родители’; *la letra* — ‘буква’ и *las letras* — ‘филологические науки’).

Рассмотрим категорию числа в **английском языке**. Форма ед. числа в английском языке является немаркированной и почти во всех словоформах представлена алломорфом - \emptyset . Форма множественного числа представлена формантом -s, который реализуется как ряд алломорфов [s], [z], [ɪz], в зависимости от финального звука основы (например: *map*- \emptyset — ‘карта’ / *map*-s — ‘карты’, *bag*- \emptyset — ‘сумка’ / *bag*-s — ‘сумки’, *glass*- \emptyset — ‘стакан’ / *glass* -es — ‘стаканы’. Причем самым продуктивным алломорфом является алломорф [z] поскольку, как отмечает

Л. С. Бархударова, он обладает максимальной свободой встречаемости. [2, с.75; 6, с. 22]. Кроме этого, отметим ещё такие способы образования мн. числа, как чередование гласных, например: *goose* – *geese*, *man* – *men*, и образование при помощи суффикса -*en* (например: *child-ø* – ‘ребенок’ / *childr-en* – ‘дети’, *ox-ø* – ‘бык’ / *ox-en* – ‘быки’). Однако следует заметить, что некоторые ученые ввиду ограниченности употребления данных способов, считают их непродуктивными и не относят их к числу типологических характеристик категории числа в английском языке [1, с.104]. Кроме того, в английском языке есть ряд существительных латинского и греческого происхождения, которые сохранили свои исходные формы множественного числа (например: *crisis* – ‘кризис’ / *crises* – ‘кризисы’, *phenomenon* – ‘явление’ / *phenomena* – ‘явления’, *nucleus* – ‘ядро’ / *nuclei* – ‘ядра’, *datum* – ‘исходный факт’ / *data* – ‘факты, данные’ и др.). Авторы «Теоретической грамматики современного английского языка» И. П. Иванова, В. В. Бурлакова и Г. Г. Почепцов предлагают объединить все перечисленные выше способы образования мн. числа существительных английского языка под термином «функциональные синонимы» ввиду их функциональной общности [6, с.23]

Наконец, в английском языке есть ряд существительных, у которых отсутствует формальный признак мн. числа (например: *deer* – ‘олень, олени’, *sheep* – ‘овца, овцы’, *trout* – ‘форель, форели’, *works* – ‘завод, заводы’, *means* – ‘средство, средства’, *species* – ‘вид, виды’, *series* – ‘ряд, ряды’ и др.). В связи с тем, что в английском языке имена существительные согласуются только с указательными местоимениями (*this* – *these*, *that* – *those*) и очень ограниченно с глаголом, то бывает очень трудно определить форму числа, если она не подсказана контекстом, например в предложении *The deer fell into the ditch*.

Наряду с формальным (синтетическим) выражением числа существительного в английском языке некоторые ученые отмечают роль неопределенного артикля как дополнительного средства (т.е. аналитический способ) (*a pen* – *pens*, *a deer* – *dear*, *a species* – *species*) [5, с.131]

В английском, как и в двух других языках – русском и испанском – выделяется группа имен существительных *singularia tantum* и группа существительных *pluralia tantum*. К существительным, входящим в первую группу, относятся имена абстрактные, называющие обобщенные понятия, недискретные: (например: *oxygen* – ‘кислород’, *weather* – ‘погода’, *gratitude* – ‘благодарность’), а также вещества, материалы, жидкости (например: *milk* – ‘молоко’, *metal* – ‘металл’). К этой группе также относятся имена существительные, обозначающие некоторые науки, виды

спорта и игры, заболевания и слово *news* – ‘новость’, имеющие суффикс -s (например: *acrobatics* – ‘акробатика’, *linguistics* – ‘лингвистика’, *measles* – ‘корь’).

Группа существительных *pluralia tantum* также неоднородна. В первую очередь сюда относятся предметы, состоящие не менее, чем из двух частей (например: *shorts* – ‘шорты’, *spectacles* – ‘очки’, *scissors* – ‘ножницы’), а также такие существительные, как: *clothes* – ‘одежда’, *people* – ‘люди’, *police* – ‘полиция’, *outskirts* – ‘окраина’, *surroundings* – ‘окрестности’, *premises* – ‘помещение’, *earnings* – ‘заработок, прибыль’, *wages* – ‘заработная плата’, *cattle* – ‘крупный рогатый скот’, *poultry* – ‘домашняя птица’ и др. [2, с. 78; 6, с. 23].

Как в русском и испанском языках, в английском языке есть имена существительные, формы ед. и мн. числа которых различаются по лексическому значению и употребляются в разных контекстах (например: *Giving eggs at Easter is a custom here. / When we passed through customs, we had to open our cases.* и т.д.).

Итак, обобщим полученные результаты. Прежде всего, отметим, что во всех трех рассматриваемых нами языках категория числа представлена оппозицией единственного и множественного числа и выражена грамматически, т.е. при помощи специальных показателей. Однако, есть и дополнительные способы образования мн. числа, такие как чередование гласных, мена ударения, супплетивизм. Неопределенный артикль в английском языке служит дополнительным маркером ед. числа.

В отличие от английского и испанского языка русский язык не имеет специальных форм, призванных выражать только значение числа: каждое из двух значений числа выражается шестью падежными формами. Окончания существительных выступают как показатели числа, выражая вместе с тем и грамматическое значение рода (в единственном числе) и падежа.

Во всех трех языках – русском, испанском и английском – выделяется группа имен существительных *singularia tantum* и группа существительных *pluralia tantum*. Существительные, входящие в состав этих групп, могут совпадать в трех языках, но могут и различаться. Так, например, существительные *очки* – *gafas* – *glasses*, *ножницы* – *scissors* – *tijeras* во всех трех языках употребляются только во мн. числе (т. е. у них представлена только сема множественности – в терминах В. Д. Аракина [1, с.104]). С другой стороны, существительное *часы* в русском имеет только форму мн. числа, а в английском языке (*clock, watch*) и испанском языке (*reloj*) могут иметь как форму мн. числа, так и форму ед. числа.

Важным, на наш взгляд, является вывод о том, что в русском и испанском языках согласование в числе имени существительного с именем прилагательным, глаголом, местоимением, а в испанском языке ещё и с артиклем особенно четко выражено, что свидетельствует о «глубоком проникновении» (термин В. Д. Аракина [1, с.106]) категории числа во все части речи в этих языках. Что касается английского языка, то согласование наблюдается только в указательном местоимении, имеющем как форму ед. числа (*this, that*), так и форму мн. числа (*these, those*) (например, *this watch – these watches*) и, довольно ограниченно, в форме глагола.

И, наконец, во всех трёх языках есть группа существительных, у форм числа которых наблюдаются расхождения в лексической семантике, что часто приводит к формированию отдельных лексем (например: *долг* – ‘обязанность’ и *долги* – ‘денежные обязательства, задолженность’, *custom* – ‘обычай’ и *customs* – ‘таможня’ *la letra* – ‘буква’ и *las letras* – ‘филологические науки’). В связи с этим мы склонны рассматривать категорию числа как относящуюся к смешанному типу, объединяющую словоизменительный и словообразовательный компоненты.

Список литературы

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: Просвещение, 2008. – 232 с.
2. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. Учеб. пособие для студентов старших курсов ин-тов и фак. инстр. яз. – М., «Высш. школа», 1975. – 156 с.
3. Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. морфология и синтаксис частей речи (для институтов и факультетов иностранных языков). – М.: Изд-во «Высшая школа». 1972. – 349 с.
4. Виноградов В. С. Грамматика испанского языка: Практический курс: Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. – 4-е изд. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. – 432 с.
5. Гуревич В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: Учебное пособие / В. В. Гуревич. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 168 с.
6. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник/ - М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
7. Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 240 с.
8. Кумахов М. А. Число и грамматика. – Вопросы Языкознания. – М.: Наука, 1969, №4. – С. 65-74.
9. Лазарева О. В. Грамматические концепции числа в русской и испанской лингвистической традиции // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. №2 (9): в 3х частях. Ч. I. – С. 125-127.
10. Лыков А. В. Имена чисел в современном русском языке: семантический, грамматический и функциональный аспекты – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – 256 с.
11. Плуныян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
12. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959. – 442 с.
13. Современный русский язык. Учебник для студентов пед. институтов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.». В 3 ч. Ч.2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
14. Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин и др.; под ред. П. А. Леканта. – 4-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2007. – 557, [3] с.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811

Дервянко А.А., Свистунов А.С. Определение имплицитности текстов газетно-публицистического стиля студентами специализации «Межъязыковая и межкультурная коммуникация» (на примерах статей из "The Guardian" и "The Conversation")

Дервянко Алина Александровна

старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода»
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
dalixa90@yandex.ru

Свистунов Александр Сергеевич

старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода»
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
wanted_007_@mail.ru

Determination of the implicitness of newspaper-publicistic style texts by students of the specialization "Interlingual and intercultural communication" (on the examples of articles from "The Guardian" and "The Conversation")

Derevyanko Alina Alexandrovna

senior lecturer at the Department of Theory and Practice of Translation
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Svistunov Alexander Sergeyevich

senior lecturer at the Department of Theory and Practice of Translation
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Аннотация. В данной статье затрагивается тема определения имплицитной информации в газетных статьях англоязычной прессы учащимися вуза в процессе составления лингвостилистического и структурного анализа. Особое внимание уделено функционально-прагматической значимости публицистических текстов в процессе обучения студентов гуманитарного факультета и особенностям современного газетно-публицистического стиля. Авторами выделены основные проблемы определения имплицитности и предложены примеры определения имплицитной информации в отдельных статьях, рассматриваемых на практических занятиях.

Ключевые слова: имплицитность, эксплицитность, газетно-публицистический стиль, лингвостилистический анализ, интерпретация, оценка.

Abstract. This article touches upon the issue of determining implicit information in newspaper articles of the English-language press by university students in the process of compiling a linguo-stylistic and structural analysis. Particular attention is paid to the functional and pragmatic significance of publicistic texts in the process of teaching students of the Department of Humanities and the features of the modern newspaper-publicistic style. The authors highlight the main problems of determining implicitness and offer

examples of the determination of implicit information in certain articles studied in practical classes.

Keywords: implicitness, explicitness, newspaper-publicistic style, linguo-stylistic analysis, interpretation, assessment.

Лингвостилистический и структурный анализ текстов газетно-публицистического стиля является одной из составляющих в процессе подготовки студентов специализации «Межъязыковая и межкультурная коммуникация», поскольку приучает мыслить категориями глубинной интерпретации языкового материала в условиях меняющихся реалий социокультурной и политической жизни. Помимо лингвистической составляющей обучающего процесса, здесь обнаруживается и воспитательная, поскольку публицистический стиль предполагает воздействие на читателя и его убеждение в правильности авторской позиции через реализацию определённых языковых механизмов, а принятие или отторжение авторской мысли может осуществляться только через формирование системы ценностей и нравственных ориентиров реципиента, его индивидуального понимания картины мира.

Трудно переоценить значимость публицистических текстов, с которыми современные люди в целом и студенты гуманитарного факультета в частности знакомятся практически ежедневно, изучая текущие новости, стремясь узнать точку зрения определённых журналистов или политических экспертов, определяя своё видение ситуации в информационном потоке. «Сфера функционирования газетно-публицистического стиля, разновидностью которого является язык газет, представляет собой сферу политико-идеологических общественных отношений» [1, с. 129]. Следовательно, функционально-прагматическая значимость текстов данного стиля связана с формированием личностной идеологии, на которой в дальнейшем надстраивается большая часть мировоззрения человека и вырабатывается механизм оценивания другого индивида, явления, события или шире – общий принцип анализа окружающей реальности.

Газетно-публицистический стиль отличается свойствами, которые требуют детального рассмотрения в процессе изучения иностранного языка (если целью является действительно профессиональное владение языком), а именно: эмоциональность, оценочность, наличие различных пластов лексики (от книжной до просторечной), широкое использование фразеологических единиц и полисемии. “The language of newspaper articles is often emotionally rich, which brings it closer to the language of fiction. We find in it figurative comparisons, metaphors, idioms, elements of

humor, sarcasm, irony, etc. In addition to all this, a newspaper article usually has a certain political orientation” [2, с. 128]. Современные газетно-публицистические тексты могут отклоняться от любых языковых норм и освещать широкое многообразие тем, подчас совершенно неожиданных, поскольку основополагающей установкой становится привлечение как можно большего внимания к тексту, а не его внутренняя (стилистическая, духовно-нравственная и пр.) составляющая. «Одним из основных признаков современного газетного текста, характеризующих его прагматическую направленность, является его способность быть востребованным, хорошо продаваемым. Современные журналисты пишут о негативном, показывают отрицательные стороны социальной жизни, так как сообщения о скандалах, конфликтах, разоблачениях, катастрофах и стихийных бедствиях способны стабильно удерживать внимание аудитории» [1, с. 130].

Наиболее важной категорией в процессе анализа публицистического текста, представляющей как особый интерес, так и особую сложность для понимания и всесторонней, глубинной интерпретации обучающимися, является категория имплицитности, или имплицитной информации. Данная категория имеет отношение к скрытой, вспомогательной, подтекстовой информации, к неявному выражению мысли. «Под имплицитной понимается такая форма (структура) мысли, которая непосредственно не дана рассматриваемым языковым выражением, но предполагается в нем, подсказывается им или окружающими его другими языковым выражением, выводится из них посредством интерпретации» [3]. Как становится очевидным из приведённой формулировки, категория имплицитности может активно взаимодействовать с категорией подтекста, хотя они не могут выступать как взаимозаменяемые, поскольку «подтекст связан со скрытой информативностью в сюжетном и концептуальном аспектах текста, а имплицитность связана с образным аспектом текста, и только совокупное понимание разных типов имплицитности даёт полное понимание смысла текста» [4, с. 182]. Подтекст формирует главную тему и выводит чёткую направленность всего текста, в то время как имплицитность зависит от конкретного акта коммуникации и от конкретной ситуации, создавая целый комплекс предположений, ассоциаций, догадок и интерпретаций у реципиента. Иными словами, воспринимая информацию текста, реципиент может немедленно определить его подтекст, но ему необходима дополнительная интеллектуальная работа и мыслительный опыт для постижения его имплицитности. «И в связи с этим в процессе непосредственного восприятия и последующей интерпретации в сознании

читателя происходит постоянное изменение основной гипотезы относительно содержательности текста с помощью имплицитных смыслов» [4, с. 183].

Для учащихся старших курсов специализации «Межъязыковая и межкультурная коммуникация» для определения имплицитности текста газетно-публицистического стиля предлагается несколько статей из различных источников: из популярной британской газеты с двухвековой историей “The Guardian” (разделы “News” и “Opinion”) и “The Conversation”, сравнительно нового (с 2011 г.) австралийского издания, публикующего статьи на актуальные темы описательно-аналитической направленности. В процессе анализа имплицитности студенты неизменно сталкиваются с необходимостью использовать кругозор, логику и умение проецировать различные уровни языкового мышления: логику, ассоциативно-образные связи, синонимию, полисемию и пр. «В большинстве лингвистических работ по имплицитности исследователи обращают внимание на необходимость ассоциативных связей и фоновых знаний» [5, с. 653]. Как будущие специалисты в области лингвистики в случае с имплицитностью обучающиеся сталкиваются с крайне важной задачей выработать навыки не только научного, но и творческого мышления в процессе работы с англоязычным текстом: «Имплицитность имеет смысловую недосказанность, вычленение определённого смысла в тексте можно осуществить при помощи воображения и смысловой догадки» [6, с. 171]. Рассмотрим несколько таких примеров, используемых на практике.

В статье “The Guardian” “How Economics Became a Religion” [8] автор проводит ассоциативно-образную параллель между понятиями экономики и религии, что эксплицитно выражено уже в метафорическом заголовке статьи. Такая параллель предопределяет широкое употребление развёрнутых метафор и аллюзий на всём протяжении текста: “the economic priesthood”, “it [economics] has its gnostics, mystics and magicians who conjure money out of thin air”, “giving us guidance on how to reach a promised land”, “delivering a cornucopia bursting with new inventions, cures and delights”, “the holy grail of endless peace and prosperity”, “withdraw to the cloisters”, “the market evangelism” и т.д. При недостаточности фоновых знаний (энциклопедической информации) и слабости общей когнитивной базы некоторые студенты склонны рассматривать данный ассоциативно-образный ряд только с позиции ярких стилистических приёмов, используемых автором с целью аргументировать обозначенное сходство современной экономической науки с религиозными институтами (общие доктрины и лозунги, всеохватывающая власть над умами и

инстинктами человечества и пр.), т.е. учащиеся легко определяют подтекст статьи, но не видят его имплицитности.

В данном случае стоит обратить внимание на дотекстовую информацию о понятии “religion”, которая имеет положительную оценку у большинства студентов, ассоциируясь с нравственностью, духовным развитием, неотъемлемой составляющей любого крупного социального объединения для формирования и сохранения моральных ориентиров и т.д. Однако в контексте данной статьи понятие “religion” претерпевает ассоциативно-образную трансформацию, поскольку, во-первых, используется в качестве синонима слова “economics”, т.е. сближается с научной категорией, не имеющей ничего общего с духовно-нравственными аспектами человеческого бытия; во-вторых, получает негативную оценку в контексте описания различных кризисов и финансовых катастроф как результата сближения данных категорий или подмены одного понятия другим. Иными словами, возникает конфликт дотекстового и послетекстового знания об объекте, что некоторые исследователи обозначают как стратегическую имплицитность, содержащуюся в иронии: «Ирония – это тот случай, когда высказывание с положительной оценкой вступает в конфликт с дотекстовым предзнанием об объекте оценки или с постзнанием о нём, вытекающим из текста» [7, с. 60].

При более детальном рассмотрении контекста оба понятия – “religion” и “economics” – получают у автора негативную оценку, но именно благодаря широкому использованию метафор и аллюзий, заимствованных из религиозных и мифологических текстов, мы наблюдаем наложение ассоциативного образа религии на образ экономики и его преобладание в тексте статьи приводит к логическому преобладанию негативной оценки в отношении понятия “religion”. Авторская ирония эффективно реализует буквальный (логический) и переносный (метафорический) смыслы: религия как древний институт духовного спасения превращается в механизм разрушения за счёт применения её постулатов и доктрин в области современной науки. Имплицитный смысл данного текста раскрывается в характеристике всего современного человечества как лишённого высокого интеллектуального развития и образованности социума, оперирующего самыми примитивными, по сути первобытными, понятиями и инстинктами, продиктованными извечным стремлением к комфорту и богатству. Таким образом, некоторая часть лингвостилистического и структурного анализа данной статьи, посвящённая импликации, может быть представлена следующим рассуждением: “The category of implication is realized in the given text by means of irony through which the author changes

the assessment of the concept “religion” from positive to negative. The choice of words the majority of which are represented as sustained metaphors and allusions borrowed from religious and mythological texts contributes to the prevailing position attributed to the concept of “religion” which is synonymic to the concept of “economics”. The implicit meaning of the article under consideration is revealed in the characterization of the whole humanity as deprived of high intellectual development and authentically scientific approach and still following its primitive instincts and eternal aspiration for comfort and wealth”.

Рассмотрим другой пример из газеты “The Guardian”: статья “The Guardian view on George Soros: the best of the 1%” [9] уже со слов заголовка отображает эмплицитно выраженную интенцию автора представить Дж. Сороса выдающейся и незаурядной фигурой в современном политическом мире. С целью утверждения в контексте статьи его положительного образа автор использует широкий набор лексических единиц с соответствующей оценочностью: “open”, “usually right”, “welcomed”, “could not be a better gesture”, “really unique”, “a really effective philanthropist”, “consistently right”, “a lasting sympathy for the outsider and the underdog” и др. Имплицитность данного текста выступает через оппозиционное употребление слов и словосочетаний, поскольку вряд ли можно дать положительную оценку другим высказываниям о миллиардере в рассматриваемой статье: “spend some of his money trying to influence the policies of countries where he does not live or have a vote”; “a man who made his money in currency speculation”. Реализация имплицитности в противопоставлении также может быть осуществлена через переосмысление лексической единицы “right” («правый», «справедливый», «верный» [10, с. 94]) как «правый = реакционный» [10, с. 95]: на протяжении всей статьи автор противопоставляет Дж. Сороса другим влиятельным миллиардерам, указывая, в частности, что “they operate on the right, and Mr Soros is broadly on the left”, имея ввиду различия в политических убеждениях, но дважды применимое в отношении Дж. Сороса определение “right” (“usually right” и “how consistently right Mr Soros has been”) в контексте его двойственной характеристики как сторонника сохранения Великобритании в составе Евросоюза и в то же время как возможного противника данной идеи (см. предложение “The public gift of another £100,000 to Best for Britain, a campaign group fighting to stay in the EU...”) даёт нам возможность полисемантической интерпретации лексической единицы “right”, имплицитно указывающей на противоречивый и даже лицемерный образ данной политической фигуры.

Вся представленная здесь информация может быть отображена в анализе статьи следующим образом: “In his characterization of George Soros the author is inclined

to the use of numerous lexical units with positive assessment, though the category of implication may be conveyed in the opposition of the words “left” and “right”, or to be more exact, in the polysemantic nature of the latter: first, “right” as “correct”; second, “right” as “retrogressive”. Through the given multivalued assessment, the central figure in the article is represented as ambiguous, doubtful and hypocritical. This idea could be sustained by another contrast highlighted in the first paragraph (“The public gift of another £100,000 to Best for Britain, a campaign group fighting to stay in the EU...”) where the reader is provided with contradictory information: either George Soros backs anti-Brexit groups or, on the contrary, their opponents as it is suspected by some of his enemies remains unclear”.

Следующим примером определения имплицитности может послужить статья “Study shows how school textbooks in Germany and England present Europe in entirely different ways” [11] из интернет-издания “The Conversation”. Текст данной социально-политической статьи целиком построен на противопоставлении образа Евросоюза в учебниках для средних школ в Великобритании и Германии: в немецких учебниках Евросоюз представлен исключительно как положительное явление (“Europe is seen more expansively and positively with an integrated approach to politics and identity. The German textbooks also had references to Europe being “our historical, cultural and intellectual home”, a “community of values”, and, a place where “enemies became friends”), в то время как в английских учебниках образ преимущественно негативный (“In the English textbooks, Europe was seen almost exclusively in political terms – with strong emphasis on the EU being a controversial issue...”). Невзирая на подробное описание контрастирующих взглядов в указанных странах Европы, в одном из абзацев автор отмечает отсутствие противоречий в отношении к Евросоюзу среди местной молодёжи: “But we found that although both the English textbooks and German textbooks largely reflect the prevailing political climate in each country, they don’t necessarily reflect the views of young people. Young people in Germany and England share rather similar views about Europe”.

Имплицитный смысл в данном случае выводится из эксплицитно выраженной информации и посредством расширения смыслов, находящихся за пределами рассматриваемого текста: даже английская молодёжь идентифицирует себя частью Европы как единого геополитического образования, игнорируя насаждаемую идею сепаратизма, представленную в учебниках для средних школ, из чего следует вывод, что большая часть английской молодёжи не участвовала в референдуме 2016 года, где она могла бы отстаивать свой принцип единения с Евросоюзом, и по-прежнему не определяет политический курс своего государства. Таким образом, в части

лингвостилистического и структурного анализа, посвящённой имплицитности, учащиеся могут выстроить рассуждение, ориентируясь на следующий пример: “The implicit meaning of the publicist text under analysis could be derived from its outward textual information about Brexit. Despite the explicitly imposed ideas of separation represented in British social studies and politics textbooks, young people in England do not share them which means that the majority of young people avoided participation in the 2016 referendum and their political convictions and vision of the inseparable community have no effect on the political course of the country”.

На основании проведённого исследования основных проблем, возникающих в процессе работы с текстами газетно-публицистического стиля, и возможных способов их решения мы можем сделать следующие выводы: в условиях общего дефицита фоновых знаний, слабости когнитивной базы и отсутствия навыков постижения скрытых текстовых смыслов становится очевидной необходимость вырабатывать у студентов умение анализировать получаемую информацию, и особое внимание здесь стоит уделять определению имплицитности как наиболее сложной категории лингвостилистического анализа; для успешного освоения навыков определения имплицитной информации следует предлагать тексты, при работе с которыми студенты могли бы формировать навыки анализа полисемии и иронии с позиции положительной или отрицательной авторской оценки, навыки анализа оппозиционного употребления слов и словосочетаний, а также навыки расширения смыслов, лежащих за пределами эксплицитно выраженной информации текста.

Предлагаемые фрагменты лингвостилистического и структурного анализа могут быть взяты в качестве примеров для построения рассуждений об имплицитности текста газетной статьи, выбранной для студентов специализации «Межъязыковая и межкультурная коммуникация» или любого гуманитарного факультета с углублённым изучением английского языка.

Считаем, что результаты данного исследования могут быть использованы для более детального изучения проблем определения имплицитности публицистического текста в процессе современного обучения в вузе.

Список литературы

1. Аль-Отаиби Б.Т. Газетный текст в современной коммуникативной ситуации и отличительные признаки русского и арабского газетного текста // Scientific-methodological electronic journal "Foreign Languages in Uzbekistan". – 2020. – № 4(33). – С. 125-140. URL: <https://journal.fledu.uz/wp-content/uploads/sites/3/2020/11/article-6766-3140.pdf> (дата обращения: 06.05.2023).
2. Смагулова А.С., Жумалиева Ж.К., Рыспек А. Особенности перевода газетных статей в СМИ с английского языка на русский язык // А. Байтұрсынұлыатындағы Тілбілімінститутының «Тілтаным» журналы. – 2021. – № 1. – С. 125-134. URL: <https://www.tiltanym.kz/jour/article/view/204/28> (дата обращения: 06.05.2023).
3. Корниенко Е.А. К вопросу об импликации в профессиональном тексте // Пятигорский гос. ун-т. – 2009. URL: https://upload.pgu.ru/iblock/c2f/uch_2009_iii_00017.pdf (дата обращения: 06.05.2023).
4. Аникеева И. Г., Балашова И.В. Передача имплицитной информации в переводе публицистического текста // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2020. – № 2(65). – С. 182-189. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43153470_46706368.pdf (дата обращения: 06.05.2023).
5. Большова А.В. К вопросу об имплицитности в цветовыражении. Лига исследователей МГПУ : Сборник статей студенческой открытой конференции. В 4-х томах, Москва, 21–25 ноября 2022 года / Составители: Е.В. Страмнова, С.А. Лепешкин. Том 4. – Москва: Московский городской педагогический университет, 2022. – С. 652-659. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50424949_65350167.pdf (дата обращения: 06.05.2023).
6. Шелестюк Е.В., Киль И.П. Имплицитное содержание текста и проблема его перевода (на материале трилогии «Вселенная Элдерлингов» Р. Хобб) // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2021. – № 7 (453). – С. 168-179. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implitsitnoe-soderzhanie-teksta-i-problema-ego-perevoda-na-materiale-trilogii-vselennaya-elderlingov-r-hobb/viewer> (дата обращения: 06.05.2023).
7. Ермакова Е.В. Многоаспектность проблемы имплицитности: имплицитность в языке и речи // Известия Саратовского ун-та. Серия «Социология. Политология». Вып. 1. – 2009. – Т. 9. – С. 58-61. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogoaspektnost-problemy-implitsitnosti-implitsitnost-v-yazyke-i-rechi/viewer> (дата обращения: 06.05.2023).

Список источников

8. Rapley John. How economics became a religion // The Guardian. News. – 2017. – URL: <https://www.theguardian.com/news/2017/jul/11/how-economics-became-a-religion> (дата обращения: 04.05.2023).
9. The Guardian view on George Soros: the best of the 1%. Editorial // The Guardian. Opinion. – 2018. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/12/the-guardian-view-on-george-soros-the-best-of-the-1> (дата обращения: 04.05.2023).
10. Апресян Ю.Д. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. – 5-е изд. – М.: Изд-во «Русский язык», 2000. – Т. 3. – 832 с.
11. Davies Ian, Ross Alistair, Reed Beatrice Szczepek, Brown Eleanor, Bengsch Geraldine. Study shows how school textbooks in Germany and England present Europe in entirely different ways // The Conversation. – 2019. – URL: <https://theconversation.com/study-shows-how-school-textbooks-in-germany-and-england-present-europe-in-entirely-different-ways-113686> (дата обращения: 04.05.2023).

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

УДК 81-25

Немиров Д.М. Испанские фразеологизмы, как источник национальных стереотипов

Немиров Даниил Михайлович

студент 4 курса Института химии и химической технологии
Ярославский государственный технический университет, Россия, г. Ярославль

Spanish phraseological units as a source of national stereotypes

Nemirov D.M.

4th year student Institute of Chemistry and Chemical Technology
Yaroslavl State Technical University, Russia, Yaroslavl

Аннотация. Данная статья демонстрирует отражение культурных и исторических аспектов испанского мира через испанские фразеологизмы. В качестве примера выбраны некоторые испанские фразеологизмы, чтобы на их примере показать частичный анализ культурного и исторического достояния испанского народа.

Ключевые слова: Фразеологизм, испанский язык, фразеологическая единица.

Abstract. This article demonstrates the reflection of cultural and historical aspects of the Spanish world through Spanish phraseological units. As an example, some Spanish phraseological units are selected in order to show a partial analysis of the cultural and historical heritage of the Spanish people by their example.

Key words: Phraseology, Spanish, phraseological unit.

Фразеологизмы – это устойчивые сочетания слов, имеющие определенное значение, которое не выражается суммой значений отдельных слов. Они являются неотъемлемой частью любого языка и используются в повседневной речи, литературе и научных трудах. Фразеологические обороты являются важным элементом языковой культуры и влияют на формирование мировоззрения и мышления людей.

Фразеологизмы обогащают язык и делают речь более яркой и выразительной. Они позволяют точнее и кратко выразить свои мысли, не используя много слов. Также фразеологизмы могут использоваться для создания эффекта юмора, игры слов или придания речи дополнительной эмоциональной окраски.

Однако в использовании фразеологизмов следует соблюдать осторожность, чтобы не создавать недопонимание. Неправильное понимание значения фразеологического выражения может привести к неприятным последствиям и созданию конфликта.

Их знание и использование позволят не только точнее выражать свои мысли, но и понимать речь других людей, что будет полезно в общении на любом уровне.

Фразеологические единицы являются важной частью языковой культуры каждой страны и могут отражать национальный характер и менталитет народа.

Фразеологические единицы могут быть использованы для описания национального характера, потому что они отражают специфические черты языка и культуры народов. В каждой стране есть своя система фразеологизмов, которая отражает уникальность национальной ментальности, обычаев, традиций и общественных отношений.

Испанский язык - это один из самых прекрасных и красочных языков, который используется более чем в 20 странах мира. Он является официальным языком в Испании, Мексике, Колумбии, Аргентине и других странах Латинской Америки.

Испанский язык является одним из самых красивых и мелодичных языков в мире. Его темп и интонация создают ощущение легкости и изящества, что делает его прекрасным для музыкальных выступлений и поэтических чтений.

Сочетание глубоких голосов, звонкого смеха и нескончаемых эмоций, характерных для испанцев, идеально сочетаются с этим языком. Испанский язык можно сравнить с музыкой, которая отображает атмосферу страны, ее культуру и традиции.

Испанский язык также очень логичен и систематичен. Его стройность и лаконичность делают его удобным для изучения и понимания. Благодаря своей структуре испанский язык обеспечивает гармоничное слияние звуков, что создает потрясающую мелодию и ритм.

В этой статье мы рассмотрим, как фразеологизмы способны описать испанский народ.

Испанский язык достоин особого уважения за свою богатую лексику, красочные выражения и фразеологизмы. Сочетание образности и мелодичности языка позволяет людям выразить свои чувства и мысли наиболее точно и проникновенно.

Например, в испанском языке много фразеологических выражений, которые отражают эмоциональность, горячий характер и традиционные ценности испанцев. Фразеологизм «tener el corazón en un puño» («сердце в кулаке») описывает состояние нервозности и беспокойства, что связано с высокой эмоциональностью испанцев. Этот фразеологизм также указывает на то, что испанцы часто проявляют чувствительность и заботу о других людях. Также, во фразеологизме «ponerse como un tomate»

отображается яркий испанский характер и красноречие, который часто связывается с испанскими людьми [1].

Следующий фразеологизм «hablar por los codos» также связан с испанским народом. Это выражение означает «говорить очень много», что отражает испанскую культуру, где дружелюбность и открытость к общению являются важными качествами. Таким образом, этот фразеологизм указывает на социальную активность и коммуникативный стиль испанцев [2].

Также часто используется фразеологическое выражение «estar en el quinto rino», которое в переводе означает «быть очень далеко». Это выражение отсылает к практике испанских монахов XV века, которые строили свои монастыри вдали от городской суеты. Таким образом, фразеологизм укрепляет образ Испании как страны с богатой историей, в которой религия и культура находили свое место [3].

Наконец, фразеологизм «echar de menos» («скучать по кому-то») показывает другой аспект испанского характера. Испанцы часто проявляют привязанность к семье и друзьям, и этот фразеологизм указывает на то, что они чувствительны к уходу близких людей. Таким образом, фразеологизм указывает на традиционный семейный образ жизни в Испании [4].

Фразеологизм «tener mala leche» (буквально «иметь плохое молоко») означает быть злым, раздражительным и вспыльчивым. Этот фразеологизм отражает стереотип о том, что испанцы - это люди с горячим характером, склонные к вспыльчивости и эмоциональности.

Фразеологизмы также могут отражать культурные нормы и традиции. Например, фразеологизм «irse por los cerros de Úbeda» (буквально «уйти в горы Убеды») означает отклониться от темы разговора и начать говорить о чем-то совершенно не связанном. Этот фразеологизм отражает стереотип о том, что испанцы склонны к отвлеченным разговорам и не всегда следят за главной темой [5].

Еще один пример - фразеологизм «dar gato por liebre» (буквально «дать кошку вместо зайца») означает обмануть кого-то, предоставив не то, что было обещано. Этот фразеологизм отражает стереотип о том, что испанцы склонны к мошенничеству и не всегда соблюдают договоренности [6].

Фразеологизм «tener la piel de gallina» (буквально «иметь кожу курицы») описывает испанскую чувствительность к холоду и влажности [1]. Фразеологизм «ser un chorizo» (буквально «быть колбасным изделием») отражает стереотип испанцев как воров [8].

Испанские фразеологизмы также могут отражать исторические события и культурные особенности. Например, фразеологизм «estar en Babia» (буквально «быть в Бабии») означает быть в забвении или не знать о чем-то важном. Этот фразеологизм отражает стереотип о том, что испанцы не всегда следят за текущими событиями и не всегда знают о важных событиях [7]. Фразеологизм «ponerse las botas» (буквально «надеть ботинки») относится к периоду гражданской войны в Испании, когда военные получали новую обувь [3]. Фразеологизм «a buenas horas, mangas verdes» (буквально «в хорошее время, зеленые рукава») относится к военным событиям XIX века, когда испанские солдаты носили зеленые рукава, а когда приходили на помощь, было уже слишком поздно [9].

Мы видим, что фразеологические единицы являются неотъемлемой частью языковой культуры и могут отражать национальный характер и менталитет народа. Испанские фразеологизмы отличаются живостью и чувствительностью, что связано с горячим испанским характером и социальным образом жизни [1].

Список литературы

1. Cristóbal M. A., García-Medall A. A Comparative Study of English and Spanish Phraseology. - Oxford: Peter Lang, 2010 - 23 p.
2. Ala-Luhtala M., Niiranen S., Ventola E. Phraseology in English Academic Writing. - Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014 - 213 p.
3. Corominas J. Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. - Madrid: Gredos, 1987 - 45 p.
4. Mouriño B. H. Estudios de fraseología española y contrastiva. - Palma de Mallorca: Universitat de les Illes Balears, 2011 - 142 p.
5. Каспарова, Е.И. Испанский язык: фразеологический словарь. - М.: Русский язык, 2000. - 512 с.
6. Лопес-Моргадо, М. Фразеологизмы испанского языка: культурологический аспект. - М.: Флинта, 2012. - 240 с.
7. Родригес-Адамс, М. Испанские фразеологизмы: их происхождение и использование. - М.: АСТ, 2009. - 352 с.
8. Smith C. A Dictionary of Spanish Proverbs. - London: Routledge, 2005 - 67 p.
9. Albaigès O. Diccionario de dichos y frases hechas. - Barcelona: Planeta, 1997 - 89 p.

УДК 81-25

Немиров Д.М. Итальянские идиомы и фразы, как источник национальных стереотипов

Немиров Даниил Михайлович

студент 4 курса Института химии и химической технологии
Ярославский государственный технический университет, Россия, г. Ярославль

Italian idioms and phrases as a source of national stereotypes

Nemirov D.M.

4th year student Institute of Chemistry and Chemical Technology
Yaroslavl State Technical University, Russia, Yaroslavl

Аннотация. Данная статья демонстрирует отражение культурных и исторических аспектов итальянского мира через итальянские идиомы и словосочетания. В качестве примера выбраны некоторые итальянские идиомы, чтобы на их примере показать частичный анализ культурного и исторического достояния итальянского народа.

Ключевые слова: Идиома, словосочетание, фраза, итальянский язык.

Abstract. This article demonstrates the reflection of the cultural and historical aspects of the Italian world through Italian idioms and phrases. As an example, some Italian idioms are chosen in order to show a partial analysis of the cultural and historical heritage of the Italian people by their example.

Key words: Idiom, phrase, phrase, Italian.

То, как люди используют язык, отражает их культуру, самобытность и отношение. Одним из способов проиллюстрировать это является изучение идиом и фраз, характерных для конкретного языка.

Итальянская культура – это, безусловно, одна из самых красивых и элегантных культур в мире. История Италии насчитывает более 3 тысячелетий, и за это время Италия стала родиной многим культурным движениям. Она привнесла в мировую культуру множество шедевров, которые по сей день вдохновляют людей на всем свете.

Итальянцы славятся не только своим талантом в искусстве и кулинарии, но и гостеприимством и теплыми отношениями к людям. Их стиль жизни в основном основан на семье, трепетном отношении друг к другу, дружелюбии и взаимопомощи.

В целом, итальянская культура - это магия, которая трудно описывается словами. Она уникальна своим неповторимым стилем, традициями, искусством и кухней, которые являются истинным наследием человечества. Страна, где красота и изящество привлекают внимание каждого, кто ее посещает или в нее влюбляется.

Кроме того, итальянцы являются носителями итальянского языка - одного из самых красивых и элегантных языков в мире. Он является родным языком более 60 миллионов людей, а также является одним из официальных языков в Италии, Швейцарии, Ватикане и Сан-Марино. Красота итальянского языка проявляется во многих его аспектах.

Одной из главных особенностей итальянского языка является его мелодичность. Итальянский язык обладает мягким и ритмичным звучанием, что делает его особенно приятным для слуха. Он имеет чистое произношение и широкий диапазон звуков, что делает его особенно экспрессивным и выразительным.

Одной из причин, почему итальянский язык считается красивым, является его грамматика. Итальянский язык имеет неправильные глаголы и существительные, что делает его более сложным, но при этом более интересным и уникальным. В итальянском языке также используется много окончаний, которые меняются в зависимости от того, к какому виду глагола или существительному они относятся.

Итальянский язык обладает богатством лексики. Его словарь включает в себя множество красивых и значимых слов, которые можно использовать для выражения различных эмоций и идей. Он также известен своими фразами и поговорками, которые отражают итальянскую культуру и менталитет.

Итальянские идиомы часто описывают поведение, характеристики и ценности людей. Они являются неотъемлемой частью итальянского языка и культуры и дают представление о том, как мыслят и ведут себя итальянцы. В итальянской культуре идиомы и словосочетания часто описывают итальянский народ и его образ жизни. Цель этой статьи - проанализировать, как итальянские идиомы и словосочетания отражают итальянскую индивидуальность и культуру.

В этой статье мы рассмотрим, как идиомы и словосочетания способны описать итальянский народ.

Итальянские фразы часто отражают итальянскую культуру и ценности, которыми она дорожит. Итальянцы известны своей страстностью, эмоциональностью и экспрессивностью. Это отражается в используемом ими языке, который отличается своей мелодичностью и выразительностью. Таким образом, итальянские идиомы и словосочетания открывают окно в итальянскую душу [1].

Одна из хорошо известных итальянских идиом - "dolce far niente", что переводится как "сладость ничегонеделания". Эта фраза иллюстрирует итальянский подход к жизни - важность того, чтобы находить время для отдыха и ценить красоту окружающего мира. Эта фраза отражает итальянскую любовь к хорошей жизни – la

vita bella. Итальянцы верят в важность наслаждения жизнью, наслаждения трапезой и отдыха, чтобы оценить природу и искусство [2].

Еще одна известная идиома - "la mamma e la nonna", что переводится как "мать и бабушка". Эта фраза описывает важность семьи в итальянской культуре. Мать и бабушка являются центральными фигурами в итальянской семейной жизни, и их мудрость и заботливость почитаются. Эта фраза отражает важность семейных отношений и то значение, которое итальянский народ придает тесным родственным связям [3].

Одна из самых распространенных фраз, описывающих итальянцев, - "la dolce vita" или "сладкая жизнь". Это относится к любви итальянского народа к хорошей еде, вину и непринужденному образу жизни. Эта фраза изображает итальянцев как страстных и эмоциональных людей, которые ценят удовольствие и снисходительность в жизни [4]. Итальянцы известны своими сильными эмоциями, как положительными, так и отрицательными, и это отражено в таких фразах, как "Mamma Mia!", которые выражают удивление или шок сильными эмоциями.

Однако эта сильная страсть иногда может иметь негативный подтекст. Такие фразы, как "temperamento italiano" или "итальянский темперамент", предполагают, что итальянцы могут быть вспыльчивыми и импульсивными, что может привести к конфликту или насилию. Итальянская культура, особенно в регионе Сицилия, также известна своей "omertà", или культурой молчания, которая не позволяет людям сообщать о преступлениях или сотрудничать с правосудием [5].

Еще одной характерной чертой итальянского народа, выражаемой идиомами, является его сильная привязанность к семье. Такие итальянские фразы, как "Casa mia, casa tua" или "мой дом - твой дом", отражают гостеприимство и теплоту, которые итальянцы проявляют к своим гостям [6]. Семейные ценности глубоко укоренились в итальянской культуре, и итальянцы рассматривают семью как основу общества. Такие фразы, как "famiglia e patria" или "family and homeland", подчеркивают важность семейных и национальных ценностей.

Однако акцент на семье также может иметь негативные последствия, особенно для женщин. Фраза "moglie e buoi dei paesi tuoi" или "жены и быки из твоей собственной деревни" предполагает, что итальянская культура ценит женщин, остающихся в пределах своих собственных социальных и культурных границ. Ожидается, что женщины будут оказывать домашнюю поддержку и оставаться в подчинении у своих мужей [7]. Эта точка зрения также отражена во фразе "mamma e sempre mamma" или "мать всегда остается матерью", которая предполагает, что

итальянские матери оказывают значительное влияние на своих детей, иногда до такой степени, что подавляют их независимость.

В заключение, итальянские идиомы и словосочетания уникальным и интересным образом отражают итальянскую индивидуальность и культуру. Они позволяют заглянуть в итальянскую душу и ценности, которые определяют итальянскую жизнь. Итальянские фразы отражают важность наслаждения жизнью, семьей, любовью и красотой. Они также демонстрируют экспрессивную и страстную натуру итальянского народа. Культурные выражения, которые содержат идиомы и словосочетания, позволяют лучше понять итальянскую индивидуальность и культуру.

Список литературы

1. Saviano, R. (2006). Gomorra (Vol. 1). Feltrinelli Editore – 42 p.
2. Zanini, C. (2011). Italian cinema: from neorealism to the present. Bloomsbury Publishing USA – 246 p.
3. Lepschy, A. L., & Lepschy, G. C. (1994). The Italian language today. Routledge – 239 p.
4. Bridges, E. (2008). Idioms in Italian: A Frequency Dictionary. Routledge – 56 p..
5. Dickie, J. (2004). Cosa Nostra: A History of the Sicilian Mafia. Hodder & Stoughton – 29 p.
6. Lepschy, A. L., & Lepschy, G. (1988). The Italian Language Today. Routledge – 36 p..
7. Mueller, B. (2003). Becoming Italian: Ethnicity, Gender, and the Formation of Identity in a Parisian Diaspora. Temple University Press – 93 p..

УДК 81-25

Немиров Д.М. Французские фразеологизмы, как источник национальных стереотипов

Немиров Даниил Михайлович

студент 4 курса Института химии и химической технологии
Ярославский государственный технический университет, Россия, г. Ярославль

French phraseological units as a source of national stereotypes

Nemirov D.M.

4th year student Institute of Chemistry and Chemical Technology
Yaroslavl State Technical University, Russia, Yaroslavl

Аннотация. Данная статья демонстрирует отражение культурных и исторических аспектов французского мира через французские фразеологизмы. В качестве примера выбраны некоторые французские фразеологизмы, чтобы на их примере показать частичный анализ культурного и исторического достояния французского народа.

Ключевые слова: Фразеологизм, французский язык, фразеологическая единица.

Abstract. This article demonstrates the reflection of the cultural and historical aspects of the French world through French phraseological units. As an example, some French phraseological units are selected in order to use their example to show a partial analysis of the cultural and historical heritage of the French people.

Key words: Phraseology, French, phraseological unit.

Фразеологизмы – это языковые конструкции, служащие для передачи определенных концептов. Фразеология французского языка имеет множество выражений, которые отражают национально-культурную специфику. Многие из них отражают представления о французских людях, их культуре и образе жизни.

Фразеологизмы - это выражения французского языка, которые зеркалят французский образ жизни и социокультурные состояния. Фразеологизмы и поговорки живут и развиваются наряду с культурой и языковым репертуаром соответствующей нации. Они содержат в себе определенную концепцию и культурные коды. Есть много фразеологических оборотов, которые в совокупности описывают национальный характер французов. Фразеологические единицы являются важной частью языкового наследия каждой страны и воспринимаются как отображение менталитета народа. Французы имеют репутацию высокомерных и чувствительных людей, и это отражается в некоторых фразеологизмах.

Французский язык – это один из самых красивых языков мира. Он звучит гармонично и мелодично, и является главным языком Французской республики. Он также является одним из официальных языков Европейского союза, ООН и других международных организаций. Французский язык – это не только язык любви, но и язык культуры и искусства.

Изучение французского языка – это погружение в мир прекрасной словесности и красивых звуков. Когда вы говорите по-французски, вы можете почувствовать, как ваш голос становится более плавным и мелодичным. Слова на французском языке звучат ярко и интенсивно, и их произношение очень четкое. Это также язык сильных эмоций и высокой экспрессии.

Французский язык – это не только красивый, но и полезный язык. Он является важным языком коммерческого и культурного обмена между Францией и другими странами мира. Изучение французского языка может быть полезным для делового общения, туризма, академических исследований и других областей.

Французский язык – это язык культуры и искусства. Французская литература, кино, музыка и живопись всегда были в центре внимания. Французский язык является языком многих великих произведений мировой литературы, таких как «Мадам Бовари», «Граф Монте-Кристо», «Путешествие по Центральной Африке» и других.

Французская культура – это достояние мировой культуры, которое славится своей красотой и изысканностью. Франция известна своим наследием искусства, архитектуры, кухни, моды, литературы и музыки. Именно эти элементы делают французскую культуру красивой и уникальной.

Культурное наследие Франции оставило бесценный след в мировой культуре, и красота французской культуры продолжает вдохновлять и впечатлять всех, кто любит и ценит высокое искусство.

Французы считаются общительными людьми, которые умеют наслаждаться прекрасным и создавать его самостоятельно. Они любят культуру и искусство, и всегда готовы обсудить последние творческие достижения в области кино, литературы, музыки и других видов искусства.

В этой статье мы рассмотрим, как фразеологизмы способны описать французский народ.

Например, фразеологизм «*vivre comme un Dieu en France*» (жить как Бог во Франции) описывает роскошный образ жизни французских людей, который обычно

не доступен другим странам. Также, во фразеологизме «ni lumière ni aube» (ни свет ни заря) характеризуется французская лень и неспешность [1, с. 131].

Следующий фразеологизм «Les crabes sont partis?» (Ну что, крабы ушли?) также связан с французским народом. Это сленговое выражение часто используется во французском языке для описания человека, который продолжает жить по-старому, не пытаясь приспособиться к изменяющимся обстоятельствам. Таким образом, этот фразеологизм указывает на определенную резкость и негибкость, которые часто связываются с французским национальным характером [2, с. 34].

Также часто используется фразеологическое выражение «en état d'ébriété» (в пьяном угаре), которое связано с романтической картиной французского образа жизни – уютными кафе и безмятежными вечерами, наслаждаясь чашкой вина. Таким образом, фразеологизм укрепляет образ Франции как страны, где праздник и наслаждение жизнью являются важными аспектами [2, с. 30].

Наконец, фразеологизм «Le Zack n'est pas un vice» (Задротство – не порок) показывает другой аспект французского образа мышления. Французское образование одно из лучших в мире, и этот фразеологизм указывает на отношение к эрудиции и знаниям. Стремление к образованию и увлечение учебной работой не являются качествами, которые могут быть презрены во Франции, скорее наоборот [2, с. 38].

Другим примером может служить выражение «ski à l'épaule» (лыжи на плечо) – что обозначает трудности, которые приходится преодолевать в поисках лучшей работы или жизни. Этот фразеологизм ассоциируется с молодыми людьми, которые едут в Альпы, чтобы найти работу в сфере туризма. Это выражение также содержит некоторые отсылки к культуре, связанной с катанием на лыжах и зимними видами спорта [1, с. 134].

Еще одним примером фразеологизма, описывающего французский национальный характер, является «signalisation du linge» (вывешивать белье). Это выражение относится к тому, что люди легко и открыто обсуждают свои личные проблемы. Это свойственно для французской культуры, где люди склонны к открытости и демонстрации своей личной жизни в общественных местах [1, с. 136].

Фразеологизм «La Dolce Vita» (сладкая жизнь) происходит из итальянского языка, но он широко используется в французском языке. Он имеет коннотацию "сладкой жизни" и относится к французскому образу жизни, который описывают как медленный и спокойный. Французы славятся своим безмятежным образом жизни, общением в кафе и гастрономической культурой. Эти особенности французской культуры отражены в фразеологизмах [2, с. 28].

Выражение «l'après-midi d'un faune» (послеполуденный час фавна) - иллюстрирует образ жизни французских буржуа. Фразеологизм относится к ленивому отдыху во время дня. Он также имеет символический смысл - говорит о желании французских буржуа убежать от действительности и притвориться, будто они живут в сказочном мире [1, с. 131].

«Réunion des vieux de la vieille» (встреча старожил) - это фразеологизм, отражающий французскую традицию собираться вместе с единомышленниками, чтобы вспомнить старые времена. Это выражение часто используется в целях описания французского семейного обычая собираться вместе за столом в знак уважения к уважаемым пожилым родственникам [2, с. 39].

Таким образом, мы видим, что любые фразеологические единицы отражают национальную идентичность и менталитет народа. Французские фразеологизмы отличаются элегантностью и изысканным стилем, но также указывают на высокую оценку интеллектуала и тягу к роскоши. Кроме того, фразеологические конструкции французского языка во многом отражают мифы и представления о французском человеке, его национальном характере и культуре. Они являются неотъемлемой частью языка и культуры и полезны для изучения языковой специфики.

Список литературы

1. Korolik A. (2014). Les métaphores culturelles dans la phraséologie française. Неприкосновенный Запас, 114(1), 131-136.
2. Arrivé M. (1998). La phraséologie: un enjeu pour la linguistique?, Langages, 43(151), 28 – 39.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82-145

Малашенко В.В., Прихожая Л.И. Рецепция войны, трагическое говорение и молчание в сборнике стихотворений Ю. Белаша «Окопная земля» (1985)

Малашенко Владимир Владимирович

канд. филол. наук, доцент образовательно-научного кластера (ОНК) «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, РФ, г. Калининград
vladmalkbg@yandex.ru

Прихожая Лилия Ивановна

канд. филол. наук, доцент образовательно-научного кластера (ОНК) «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, РФ, г. Калининград
lilia.uni@mail.ru

**Reception of war, tragic speaking and silence in the collection of poems
by Y. Belash "Trenchland" (1985)**

Malashchenko Vladimir Vladimirovich

Cand. Sci. (Philology.), Associate Professor of the Educational and Scientific Cluster (ESC)
"Institute of Education and Humanities", Immanuel Kant Baltic Federal University
Russia, Kaliningrad

Prikhozhaia Liliia Ivanovna

Cand. Sci. (Philology.), Associate Professor of the Educational and Scientific Cluster (ESC)
"Institute of Education and Humanities", Immanuel Kant Baltic Federal University
Russia, Kaliningrad

Аннотация. Статья представляет собой аналитический разбор поэтики сборника стихотворений Ю. Белаша «Окопная земля». Она восполняет пробел в отечественном литературоведении в изучении творчества поэта. Цель работы заключается в исследовании рецепции поэтом Великой Отечественной войны, в анализе организации структуры речи лирического Я сборника. Основные результаты: выделены и исследованы ведущие темы, представленные в форме бинарных оппозиций – войны / мира, жизни / смерти, жестокости / гуманизма, тишины / звука (в различных вариантах), а также темы памяти, поэта и поэзии. Исследованы центральные мотивы сборника. Доказывается, что корреляция молчания и говорения в сборнике Ю. Белаша безусловно когерентны, но, определенно, молчание доминирует. Молчание выступает у поэта одним из знаковых модусов бытия человеческого Я, маркируя экстремальные состояния солдата во время военных действий. Доминирующими функциями говорения и молчания в сборнике Ю. Белаша являются экспрессивная, оценочная и когнитивная функции.

Ключевые слова: Ю. Белаш, психологизм, антиэстетизм, гуманизм, война, память, молчание.

Abstract. The article is an analytical analysis of the poetics of the collection of poems by Yu. Belash "Trenchland". It fills a gap in Russian literary criticism in the study of the poet's work. The purpose of the work is to study the poet's reception of the Great Patriotic War, to analyze the organization of the speech structure of the lyrical self of the collection. Main results: the leading themes presented in the form of binary oppositions - war / peace, life / death, cruelty / humanism, silence / sound (in various versions), as well as the themes of memory, poet and poetry are identified and investigated. The central motifs of the collection are investigated. It is proved that the correlation of silence and speaking in Yu. Belash's collection are certainly coherent, but, definitely, silence dominates. For the poet, silence is one of the iconic modes of being of the human self, marking the extreme states of a soldier during military operations. The dominant functions of speaking and silence in Yu. Belash's collection are expressive, evaluative and cognitive functions.

Keywords: Yu. Belash, psychologism, anti-aestheticism, humanism, war, memory, silence.

Михаил Эпштейн, рассуждая о поэзии середины 1980-х годов, высказался предельно точно: «Недостаточно смотреть на поэзию только отраженно, через зеркало критики, главное – понять, как она сама смотрит на мир, отражая его многообразие, в том числе и критическую рефлексию о себе» [1].

Крылатое выражение «когда гремит оружие, музы молчат» в целом опровергает направление «военной прозы» и поэзии отечественной литературы советского периода, которое поведало неприкрашенную правду о Великой Отечественной войне практически с самого ее начала и в первые десятилетия после ее окончания. Правда, за одним исключением.

В «военной прозе» русской литературы советского периода особое место занимает феномен «лейтенантской прозы», «окопной правды», широко представленный творчеством писателей-фронтовиков – в первую очередь В. Некрасовым «В окопах Сталинграда» (1946), и, позже, Г. Баклановым, Ю. Бондаревым, В. Быковым, В. Кондратьевым, В. Астафьевым и другими авторами. Большинство произведений писателей-фронтовиков увидели свет благодаря «хрущевской оттепели» (середина 1950-х – 1960 гг.).

В отечественной поэзии список авторов-фронтовиков не менее значителен – С. Гудзенко, М. Кульчицкий, Е. Винокуров, Б. Слуцкий, А. Твардовский, Д. Самойлов, Ю. Левитанский, Арсений Тарковский, Николай Панченко, Б. Окуджава и многие, многие другие.

Теперь об исключении. Особое место, на наш взгляд, занимает в этом почетном ряду поэтов-фронтовиков Юрий Семенович Белаш (1920 – 1988), выпустивший свой первый сборник стихов «Оглохшая пехота» (1981) спустя 36 лет после окончания Великой Отечественной войны. Столь долгое молчание поэта вызвано осознанием

личного травматического опыта в войне и постепенным «вызреванием» литературного мастерства.

Во вступлении ко второму поэтическому сборнику «Окопная земля» (1985), в который вошло 122 стихотворения, сам Юрий Семенович Белаш (в годы войны служивший в пехоте в разных званиях – солдат, сержант, старший сержант, лейтенант) так объясняет эту особенность: «И когда я сейчас пытаюсь понять, а почему я так поздно стал писать стихи, то прихожу к мысли, что главная причина, пожалуй, в том, что я, как ни странно, долго не мог постичь простую истину: поэзия должна быть познавательна не меньше, чем добротная проза. Но лучше поздно, чем никогда...» [2, с. 6].

Поэзия Ю. Белаша, незаслуженно обойденная вниманием литературной критики и замалчиваемая официальной идеологией брежневской эпохи застоя (автор так и не был принят в Союз писателей), представляет читателю творчество совершенно уникального поэта. Ведь, «чтобы нарисовать войну солдата, нужно остаться солдатом и сорок лет спустя видеть ее теми, первыми, истинными, глазами и вместе с тем – всем опытом созревшей памяти» [3]. Гуманистическая поэзия Юрия Белаша, это «солдатская правда» с высочайшей степенью реальности и неповторимости, поэзия памяти, развивающаяся в русле стиля натурализма – максимально искренняя, резкая, жесткая, беспощадно правдивая, с подробной антиэстетичной и, порой, антигуманистической детализацией.

«Тактика – одна и та же: кувыркком летит граната,
а потом, когда взорвется, – очередь из автомата:
двери – в щепки, мебель – в щепки, зеркала и окна – вдрызг,
и на выбитом паркете – веера кровавых брызг» [10, с. 101–102].

Стихотворения Ю. Белаша отсылают читателя к изображению суровой и правдивой действительности, впервые столь точно воплощенной во многих реалистичных образах поэзии Семена Гудзенко (1922-1953), например, в стихотворении «Перед атакой» (1942):

«Бой был короткий.
А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую» [11].

Как справедливо замечает Лев Баскин, «та правда, которая вставала в его стихах, не была тонкой. Это была грубая, неприкрашенная правда о войне. О её бесчеловечной жестокости» [4]. Читателя, критика также поражает сфера осведомленности, охвата и максимальной точности изображения поэтом реалий войны, ведь, как пишет Вячеслав Кондратьев, «достаточно взглянуть на оглавление в конце этой книги, где лишь по заглавиям стихотворений можно понять, что нет ни одной из сторон солдатской жизни, солдатского быта, не охваченной поэтом...» [5].

Общеизвестно, что во время войны в СССР была организована масштабная идеологическая агиткампания по воспитанию у солдат, в первую очередь, чувства мести, ненависти и оправданной жестокости по отношению к врагу. Это было особенно актуально в тяжелый период отступления Красной Армии летом-осенью 1942 года и наступления немцев на сталинградском направлении и Северном Кавказе (захвачены Ростов, Ворошиловград, Севастополь). 28 июля 1942 г. И. Сталин подписал Приказ № 227, получивший в народе название «Ни шагу назад!». Пропагандистская кампания против фашистских оккупантов была закреплена в художественной форме в текстах, увидевших свет в 1942 году – в стихотворениях К. Симонова «Убей его!» («Если дорог тебе твой дом»), Ильи Сельвинского «Я это видел», И. Эренбурга «Убей!» и его статье «Убей немца!», рассказе М. Шолохова «Наука ненависти» (1942). Эти произведения оказали огромное воздействие на солдат и офицеров, укрепляя их моральный и боевой дух. Отголоски идеологической агиткампании 1942 года нашли свое воплощение и в поэзии Ю. Белаша:

«Еще рывок –
и мы передний край
с землей и кровью весь перемешаем.

– Круши их, гадов!..» [10, с. 91].

Пускай глаза мне выключают вороны
и белый свет я больше не увижу, –
до самого последнего патрона
не принимаю вас
и ненавижу...» [10, с. 105].

В сборнике стихов «Окопная земля» (1985) в стихотворении «День рождения» автор определяет жизнь, свое происхождение как происхождение одного из множества солдат, призванных на войну, без какой-либо патетики – просто, буднично, но предельно емко и точно:

«В нашей жизни не так уже много тепла.

Да и разве нас женщина – нас война родила» [10, с. 8].

Основные темы сборника представлены устойчивыми бинарными оппозициями – войны / мира, жизни / смерти, жестокости / гуманизма, тишины / звука (в различных вариантах). Также явно выделяются темы памяти, поэта и поэзии. Тематика сборника наиболее полно раскрывается в эксплицитной (на уровне трагических образов, ситуаций и подробной детализации) и имплицитной (на уровне психологии лирического героя) формах в его мотивной сфере. Обозначим наиболее значимые мотивы сборника: положительно маркированные мотивы – мотивы призвания, долга, выдержки, мужества, героизма; отрицательно маркированные мотивы – мотивы ненависти, отчаяния, трудностей, лишений, испытания, страданий, невзгод, страха, трусости, холода.

Тема смерти, памяти, переживания трагических событий воплощена автором в предельно натуралистических образах, рассчитанных на определенную и единственно возможную эмоциональную читательскую реакцию.

«Они патроны, что ли, берегли,

прикалывая раненых штыками.

А те –

пошевелинуться не могли,

лишь закрывались в ужасе руками.

И так ломались кости,

как хрустят

говяжьей туши при разделке мяса, –

и корчилась, стеной и хрипя,

живая человеческая масса...

Казалось бы – прошло уж столько лет!
Казалось бы – забыть уже пора.
Но стоит только тронуть этот след –
сама к оружию
тянется
рука» [10, с. 67].

Дискурс лирического «я», лирического героя и героя ролевой лирики сборника стихов Ю. Белаша сознательно (с незначительными исключениями) монологичен, подчеркнуто субъективен, так как передает их личные, неповторимые ощущения.

Трагическая экспрессивно-эмоциональная речь, говорение определяется авторской интенцией максимально точно воссоздать картину произошедших событий, эпизодов войны, в том числе повседневного быта, через мельчайшие подробности подключая, таким образом, и делая сопричастным ей самого читателя.

«Он на спине лежал, раскинув руки,
в примятой ржи, у самого села, --
и струйка крови, черная, как уголь,
сквозь губы неподвижные текла.

И солнце, словно рана пулевая,
облило свежей кровью облака...

Как первую любовь,
не забываю
и первого
убитого
врага» [10, с. 7].

Дискурс поэта предметно конкретен, эмоционально выразителен, сух и скуп. Он может быть представлен в виде кратких повелительных приказов – «– По ко-о-ням!..» [10, с. 51], «– Огонь! –» [10, с. 67], «– Догнать! Отдать под суд! –» [10, с. 84], «– В штыки!...» [10, с. 93]; коротких или развернутых призывов и команд – «– За Родину! Ура!... –», «– Круши их, гадов!..» [10, с. 90–91], «– Приготовиться к отражению танковой атаки!» [10, с. 103]; фраз, выражающих различные чувства и эмоции солдат – «И ты материшься – зло и устало» [10, с. 73], «– Мы дошли до границы фашистской

Германии!..» [10, с. 54], «– Ну до чего ж нахальны эти гады! / Мы их сейчас отучим воевать...–» [10, с. 100]. В тяжелой фронтовой обстановке сохранить спокойствие и человеческие качества солдату часто помогает юмор. В сборнике таких стихотворений немного, но иногда встречаются развернутые «диалогические партии» отдельных героев. В стихотворении «Фронтная королева» санинструктор Нина Григорович делает обход и вступает в диалог со старшиной роты:

«– Старшина!
Я вам напоминала,
Чтобы вы устроили уборную.
Что же, одного вам слова мало –
Роту ожидаете саперную?..

Старшина – небритая холера –
Сорок лет, наверно, не острил:
– Слушаюсь, товарищ королева!
Царский вам отгрохает сортир» [10, с. 82].

В целом ряде стихотворений сборника встречается прием сознательного отказа от речи, говорения – прием трагического молчания героя и автора. Как подчеркивает М.М. Бахтин: «В тишине ничто не звучит (или нечто не звучит) — в молчании никто не *говорит* (или некто не говорит). Молчание возможно только в человеческом мире (и только для человека)» [6, с. 338]. Молчание осуществляется здесь в форме информативно-значимого молчания, кодируя накал психологических переживаний и потрясений лирического героя от стихии боя, потери друзей, смертельной опасности. Например, как в стихотворении «Неудачный бой»:

«Мы идем — и молчим. Ни о чем говорить нам не хочется.
И о чем говорить, если мы четверть часа назад
положили у той артогнем перепаханной рожицы
половину ребят — и каких, доложу вам, ребят!..» [10, с. 110].

Сама мгновенная смерть солдата от случайного осколка снаряда изображается через утрату речи, через невозможность что-то сказать:

«...Оборвалось дыхание на полувздохе. Фраза
На полуслове всхлипнув, в гортани запеклась;

И не шепнуть, вздохнувши в последний раз глубоко,
Всему, с чем расстаешься, солдатское "прощай"..."» [10, с. 64-65].

С. Крестинский, рассматривая различные функции молчания, говорит о том, что их объединяет, о коммуникативной значимости молчания: «молчание во всех этих функциях является или собственно коммуникативным актом и заместителем соответствующего вербального акта (иначе – нулевым речевым актом), или неотъемлемой частью такого коммуникативного акта» [7, с. 37]. На наш взгляд, доминирующими функциями молчания в сборнике Ю. Белаша являются экспрессивная, оценочная и когнитивная функции. За молчанием скрывается напряженно-трагический мыслительный процесс лирического «я», лирического героя и героя ролевой лирики сборника «Окопная земля», поскольку «в присутствии "молчания" речи приходится почтительно потесниться» [8, с. 60].

Можно также встретить форму абсолютного молчания, равнозначного смерти. Как, например, в стихотворении «Сухая тишина», в котором рассказывается об атаке немецких танков на артиллерийскую батарею, и о последнем бое ее истерзанного орудия.

«Но скоро и она, слабея,
заглохнет, взрывом изувечена,
и тишина – сухая, вечная – (курсив наш. – В.М., Л.П.)
опустится на батарею» [10, с. 24].

Корреляция молчания и говорения в сборнике Ю. Белаша безусловно когерентны, но, определенно, молчание конститутивно. Молчание выступает у поэта одним из знаковых модусов бытия человеческого Я, маркируя экстремальные состояния солдата во время военных действий.

Авторская рецепция войны представлена в сборнике через травматический опыт солдата, неоднократно рисковавшего собственной жизнью, преодолевшего собственный страх и, вопреки смерти, оставшегося в живых. Солдата, который в нечеловеческих условиях войны сохранил в себе гуманистическое начало. Сохранил

как во время войны, так и многие годы спустя после ее окончания. Память о далеких трагических событиях не отпускает автора. Она раз за разом возвращает Ю. Белаша к катастрофической действительности военной поры. Однако ретроспекция событий на значительном временном отдалении заставляет автора по-новому осмысливать, анализировать и давать их трезвую оценку:

«Я солдат. И когда я могу не стрелять – не стреляю.
Я винтовочный ствол дулом вниз опускаю.

Ведь на фронте, бывает, от крови шалеешь –
и себя не жалеешь, и врага не жалеешь.

И настолько уже воевать привыкаешь,
что порой и не нужно, а всё же стреляешь...

Да, солдат убивает. Так ведётся от века.
Только поберегись – и в себе не убей человека» [10, с. 100].

В. Дементьев, определяя специфику творческого метода и особенность поэтики и Ю. Белаша, на наш взгляд максимально точно обозначил также и онтолого-аксиологическую, гносеологическую особенности мировоззрения автора: «основа основ фронтовой лирики Белаша заключается в том, что рядовой человек – человек «не на виду» – отнюдь не механический исполнитель чужой воли, что он сам ищет возможных путей к победе, что он воюет истово, яростно, страшно, потому что воюет убежденно» [9, с. 129].

В том крошечном аду сражений, в котором оказывается солдат, автор акцентирует определяющую роль поэзии. Того, что позволяет человеку остаться человеком:

«... душе, изнемогавшей и нагой,
хотелось только одного:
не пребывать в угрюмой немоте,
избавиться от перенапряжения
и ощутить в блиндажной тесноте,
в присевшем у свечи стихотворении

сокрытый, изначальный смысл того,
что называют жизнью и войной» [10, с.70].

А в финале стихотворения «Поручик Лермонтов» Юрий Белаш декларативно обозначает свой собственный принцип настоящей гражданской и мужественной русской поэзии:

«И оттого мне русская поэзия
всегда была и будет дорогой,
что создана не фифами кисейными –
привычную
к оружию
рукой!» [10, с.70].

В сборнике «Окопная земля» рецепция войны представлена автором через героическо-трагический модус художественности. Но героический пафос нивелирован, «убран» в молчание, в недосказанность, в подтекст. Патетика не снижена, а переведена в иную, будничную плоскость. Такой тип героизма можно определить как морально-гуманистический. В поэтическом сборнике Ю. Белаша с максимальной полнотой и точностью выражено обнаженное экзистенциальное одиночество солдата перед лицом смерти. Автор показывает, что на карту также поставлена не только собственная жизнь отдельного человека, но и жизнь страны, которую он защищает, невзирая ни на какие трудности, лишения, испытания.

Композиция сборника кольцевая – в ней органично синтезированы тема смерти, жизни и памяти. В открывающем сборник стихотворении «Он», изображен первый убитый автором на войне немецкий солдат, а в заключительном стихотворении «Я и сам уже не понимаю» возникает рефлексия лирического героя по поводу смерти своего друга Сергея Минаева, убитого под Клином:

«И, щемящей памятью влекомый
В годы те, где все гремит война,
Я стою у насыпи знакомой,
У могилы, где схоронен я...» [10, с.118].

Список литературы

1. Эпштейн М. Поколение, нашедшее себя. Вопросы литературы. 1986. №5. [Электронный ресурс.] URL: <https://voplit.ru/article/pokolenie-nashedshee-sebya/> (дата обращения: 10.11. 2022).
2. Белаш Ю. О себе // Белаш Ю. Окопная земля: стихотворения. М., 1985. С. 5–6.
3. Кашук Ю. Юрий Белаш. Одиночный боец // Кашук Ю. Возвращение перспективы (Размышления о поэзии 80-х) // Вопросы литературы. 1988. №6. [Электронный ресурс.] URL: <https://voplit.ru/article/vozvrashhenie-perspektivy-razmyshleniya-o-poezii-80-h/> (дата обращения: 20.11. 2022).
4. Баскин Л. Имя на поэтической поверке. Юрий Белаш // [Электронный ресурс.] URL: <https://stihi.ru/2021/11/03/1919> (дата обращения: 24.11. 2022).
5. Кондратьев В. Предисловие к книге Ю.С. Белаша «Окопные стихи» // [Электронный ресурс.] URL: http://www.golubinski.ru/russia/rzhev/kondratiev/bel_kondr.html (дата обращения: 18.04. 2023).
6. Бахтин М.М. Из записей 1970–1971 годов // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 336–360.
7. Крестинский С.В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе. Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2011 Выпуск 1. С. 34–37.
8. Аверинцев С.С. Бытие как совершенство – красота как бытие // Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 35–62.
9. Дементьев В. Путь к поэзии // Белаш Ю. Окопная земля: стихотворения. М.: Сов. Россия, 1985. С. 119–135.

Список источников

10. Белаш Ю. Окопная земля: стихотворения. М.: Сов. Россия, 1985. 144 с.
11. Гудзенко С. Стихотворения [Электронный ресурс.] URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Г/gudzenko-semen-petrovich/stihotvoreniya> (дата обращения: 27.02.2023).

УДК 821.161.1

Прилипко А. Н. Рассказ А. П. Чехова «Сон» как пародия на рождественский рассказ

Прилипко Алексей Николаевич

студент IV курса филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, РФ, г. Москва
Polev.a.n@mail.ru

A. P. Chekhov's short story «Dream» as a parody of a Christmas story

Prilipko Alexey Nikolaevich

IV year student of the Faculty of Philology Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается переосмысление и пародирование традиций рождественского рассказа в творчестве А. П. Чехова на примере рассказа «Сон». Актуальность исследования определена тем фактором, что рассказ «Сон» крайне редко становился объектом научного исследования с точки зрения жанрового своеобразия. Особое внимание в статье уделяется конкретным примерам пародирования жанровых элементов и мотивов святочного рассказа в рассказе «Сон». В результате исследования было доказано, что рассказ «Сон» основан на обмане читательских ожиданий – в нем нет ни сна, ни сверхъестественного, ни чуда, ни спасения героя. Сакральные элементы святочного рассказа становятся обыденностью в рассказе «Сон». Главный герой рассказа Чехова мыслит литературными шаблонами, в том числе шаблонами святочного рассказа.

Ключевые слова: святочный (рождественский) рассказ, пародия, жанр, традиция, А. П. Чехов.

Abstract. The article discusses the reinterpretation and parody of the traditions of the Christmas story in the works of A. P. Chekhov on the example of the story «Dream». The relevance of the study is determined by the fact that the story «Dream» has rarely become an object of scientific research from the point of view of genre originality. Particular attention is paid in the article to specific examples of parodying genre elements and motifs of the Christmas story in the story «Dream». As a result of the research, it was proved that the story «Dream» is based on deception of readers' expectations – there is no dream, no supernatural, no miracle, no hero's salvation in it. The sacred elements of the Christmas story become commonplace in the story «Dream». The protagonist of Chekhov's story thinks in literary templates, including the templates of the Christmas story.

Keywords: Christmas story, parody, genre, tradition, A. P. Chekhov.

Рассказ «Сон» имеет подзаголовок «Святочный рассказ», что указывает на его жанровую принадлежность.

Рождественский или же святочный рассказ – жанр малой прозы второй половины XIX века [1, с. 194] характеризующийся сентиментальным настроением и

повествующим о чудесном спасении человека, оказавшегося на грани отчаяния в канун Рождества. Жанровые традиции рождественского рассказа были исследованы в работах А. С. Собенникова [2], Е. В. Душечкиной [1], И. А. Есаулова [3]. Рассказ «Сон» был рассмотрен А. С. Собенниковым наряду с другими рассказами Чехова как переосмысление писателем традиций святочного рассказа.

Объектом исследования в статье является рассказ А. П. Чехова «Сон». Актуальность работы заключается в том, что рассказ «Сон» редко становился объектом научного исследования с точки зрения пародирования жанровых особенностей рождественского рассказа.

Целью нашего исследования является рассмотрение и анализ пародирования канонов рождественского рассказа в рассказе А. П. Чехова «Сон». Научная новизна исследования заключается в анализе пародирования А. П. Чеховым жанровых традиций рождественского рассказа в рассказе «Сон».

Анализ жанровой структуры рассказа на предмет соответствия формальным признакам жанра показал следующее. Действие рассказа происходит в канун Рождества, что соответствует канону. В любом святочном рассказе должен быть счастливый конец [4, с. 124]. Однако у Чехова читатель изначально узнает о несчастливой развязке, и герой-рассказчик к ней подводит. Писатель перерабатывает саму структуру святочного рассказа, в результате чего читательское ожидание не сбывается. Таким образом, разрушение канонов происходит уже в самой композиции рассказа.

Разрушение традиций рождества были замечены А. А. Блоком и описаны в статье «Безвременье» (1906). В частности, в ней отмечен один из фундаментальных аспектов Рождества, отраженных в рождественском рассказе, – чувство «домашнего очага», которое объединяет людей [10, с. 799]. Этот мотив ранее был обозначен в рассказе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Святочный рассказ» (1858): *«нет того человека в целом православном мире, который бы на этот день не успокоился и не предался всем отрадам семейного очага»* [11, с. 135]. В рассказе «Сон» оценщик во время праздника ночует не дома, а в кладовой, потому что вынужден сторожить вещи, по его же словам, изображая сторожевую собаку, которая тоже ночью находится вне дома. Очага там нет ни в прямом, ни в переносном смысле – герой чувствует холод, а не тепло. Суть Рождества – делать центром отношений в семье любовь и объединять вокруг этого чувства всю семью [10, с. 799]. Оценщик проводит праздничную ночь в одиночестве – ему не с кем разделить праздник. В рассказе «Сон» нет характерного для святочных рассказов ощущения праздника, как, например, в «Святочном

рассказе» Салтыкова-Щедрина: *«Ведь праздник есть такая же потребность человеческой жизни, как радость – потребность человеческого сердца»* [11, с. 148].

Герой Чехова вообще равнодушен к празднику.

Герой рассказа «Сон» находится в состоянии материального кризиса, поэтому он вынужден работать оценщиком в ссудной кассе. Завязка соответствует жанровым канонам – оценщик показан как человек, который находится в крайней нужде. Подобный герой показан в рассказах «Свет во тьме» В. Д. Коровина, «Терехин сон» П. В. Засодимского и «Сон Макара» В. Г. Короленко. По канонам жанра герой должен «воскреснуть» / «переродиться», то есть поверить, что мир построен по законам добра, а его положение хоть немного улучшится [1, с. 203]. Мотив духовного перерождения [4, с. 123] показан в рассказах «Зверь» Н. С. Лескова и «Сон Макара» В. Г. Короленко. В конце рассказа «Сон» герой Чехова все еще не хочет принимать себя как сочувствующего человека и попадает на каторгу, что не является улучшением материального положения.

Оценщик пытается вести себя с клиентами как черствый человек и объяснить, что эта черта характера мотивирована бедностью: *«бедность заставила меня ради куска хлеба презирать горе и слезы»* [12, с. 153]. Но он обращает внимание на чужое горе и думает об этом явно больше равнодушного человека. Он цинично отзывается о совести: *«Совесть в ссудных кассах имеется только под закладом. Здесь она понимается, как предмет продажи и купли, других же функций за ней не признается...»* [12, с. 153]. Оценщик иронически описывает ее с помощью профессионального жаргона, считая удивительным, что его как оценщика начинает мучить совесть. Ведь «правильный» оценщик, по мнению героя-рассказчика, должен быть бесчувственным и беспристрастным. В дочеховской литературе представителем подобного традиционного образа бесчувственного ростовщика, отбирающего у людей последнее, является Алена Ивановна из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Герой рассказа Чехова сравнивает себя с этим стереотипным образом, находя в нем оправдание своему поведению. Ведь, по его мнению, оценщик не может быть другим. Описывая себя как человека, *«наделенного от природы нервами оценщика»* [12, с. 153]: герой рассказа обманывает себя. Эти «нервы оценщика» не смогли убить в нем сострадание – он черств с клиентами только внешне. Герой Чехова просто вынужден надевать маску стереотипного оценщика, чтобы работать в ссудной кассе, но в его размышлениях раскрывается его подлинная натура, сущность которой он упорно отрицает. Оценщик с самого начала раскаивается, но не хочет признаться в этом даже самому себе. Оценщик во многом пародирует привычные действия героя

рождественского рассказа. Таким образом, герой рассказа «Сон» во многом противоречит традиционному литературному образу оценщика – его характер шире этого шаблона.

Оценщик считает, что он вынужден забирать у людей надежду на лучшую жизнь, потому что это его работа. Но это продолжение его мысли о бесчувственном оценщике. Ведь на самом деле люди приходят в ссудную кассу не за надеждой, а за деньгами. Действительность оказывается прозаичнее представлений героя. Получив деньги в ссудной кассе, нищие на время праздника могут забыть о нужде. Но это иллюзорное и кратковременное счастье – праздники закончатся, а вещи придется выкупать. Положение нищих в дальнейшем не изменится. Действительность просто не укладывается в шаблонные представления оценщика. Таким образом, мотив спасения и обретения счастья в ночь перед Рождеством подвергается сомнению.

Воры в рассказе являются такими же нищими, доведенными до отчаяния, как оценщик и клиенты ссудной кассы. Такой поворот событий совершенно не характерен для традиционных рождественских рассказов, где нищие обычно изображаются как невинные жертвы, например, в рассказе Д. М. Григоровича «Рождественская ночь». Мысли героя рассказа «Сон» строятся по такому шаблону: оценщик является палачом и душегубом, а его клиенты – невинными жертвами. Но все оказывается сложнее – пришедшие к нему воры были бедными, но в то же время и готовыми убить оценщика, если того потребует ситуация: *«Тише, разбудишь. Тогда уколошматить придется»* [12, с. 155]. Бедняки приходят в ссудную кассу, потому что не знают, что им больше делать, чтобы спасти себя от нищеты – то же самое можно сказать и про воров, которые хотят ее ограбить, и про оценщика, который вынужден в ней работать. Герой чувствует свое сходство с нищими, потому что он тоже беден и не стал бы работать оценщиком при иных обстоятельствах: *«Если бы не бедность, разве у меня хватило бы храбрости оценивать в гроши то, что стоит здоровья, тепла, праздничных радостей?»* [12, с. 154]. Персонажей объединяет не светлое чувство, а общая беда. Нищие и воры формально находятся в конфликте с оценщиком, а примирение между ними в честь праздника не происходит.

Герой рождественского рассказа может встретиться с нечистой силой [2, с. 92]. Производным от мотива «нечистой силы» стал мотив метели, которой приписывалась «бесовская сущность» [1, с. 151]. Такая метель показана в рассказе Н. С. Лескова «Пугало». В рассказе «Сон» показан ветер со снегом и дождем, который *«с неистовой злобой стучит в окна и в кровли»* [12, с. 151], – природа напоминает чудовище, наводящее страх. Но здесь мы вновь можем увидеть пародию. Зима и осень

– работают «сообща», природу «мутит» – приём фамильярного антропоморфизма [5, с. 375] служит для создания комического эффекта пародийности. Ветер становится голосом совести героя: «Отпусти нас – выл ветер вместе с вещами – ради праздника отпусти» [12, с. 154], – что является еще одним примером опредмечивания чувства, характерного для творчества Чехова [5, с. 564]. Природа также непосредственно влияет на сюжет и не всегда описана с метафорической стороны – звук ветра просто не даёт герою заснуть.

Герой типичного святочного рассказа часто слышит ночью треск, стук и топот шагов [1, с. 201]. Эти звуки связаны с мистикой, но в рассказе Чехова звук разбитого окна имеет рациональное объяснение – к герою пришли воры.

Воры приходят, когда герой тушит лампадку. Лампадка обычно стоит около иконы (как и показано в рассказе), и ее никогда не тушат. Она бережет человека от злых сил. Мотив встречи с покойником [1, с. 95] показан в рассказе Н. С. Лескова «Белый орел». Оценщик тушит лампадку – лишает себя защиты, и тогда к нему приходят воры, но это не мертвые, а живые люди. Воры увидели, что в ссудной кассе погас свет – значит, сторож заснул, и они могут украсть вещи. Традиционный мотив переработан и снижен. Таким образом, в рассказе «Сон» нет ничего сверхъестественного, но сама действительность предстает в измененном восприятии мира героя-рассказчика. Ему постоянно что-то кажется или мерещится. Отсутствие фантастического элемента является еще одним примером обмана читательских ожиданий [2, с. 95]. В более поздних святочных рассказах отсутствовал фантастический элемент, например, в рассказе Н. А. Лейкина «В Крещенский сочельник» мотив нечистой силы показан в виде суеверия. Но у Чехова этот мотив уже явно пародируется.

Приход воров также отсылает к мотиву встречи нуждающегося человека с Николаем Угодником, который помогает ему. Такое спасение показано в рассказе Н. С. Лескова «Пугало», в котором Селиван, описанный как мужик с бородой, похожий на Николая Угодника, два раза спасает героя-рассказчика. В рассказе «Сон» среди воров, пришедших к герою, был «бородатый старик с бледной, испитой физиономией» [12, с. 153], который внешне напоминает Николая Угодника, хотя в описании его внешности есть сниженные и пародийные элементы. Но он не спасает оценщика, который сам отдает бородатому старику и его компаньонам заложенные вещи. В результате старик, который должен был по канону жанра помочь герою, становится виновником того, что его спаситель попадает на каторгу. Таким образом, традиционный мотив полностью переработан.

Но каковы причины такого поступка героя? Произошедшие события он считает своим сном. Мотив сна является центральным во многих рождественских рассказах, таких, как «Неразменный рубль» Н. С. Лескова, «Терехин сон» П. В. Засодимского и «Сон Макара» В. Г. Короленко. Оценщик в рассказе Чехова упорно отрицает реальность происходящего, пытаясь обмануть не только читателей, но и себя. Это вшито в саму ткань повествования от первого лица. Например, описывая свой мнимый сон, герой часто делает ремарки, где говорит о нереальности происходящего: *«Бывают же такие странные сны!»* [12, с. 154]. Он также называет свои действия кошмаром и характеризует их так: *«Да и где это видано, чтоб отдавать вещи, не получив выкупа?»* [12, с. 155]. По мнению оценщика, ситуация получается ироничной и нелепой – нуждающиеся в помощи являются ворами, а помогает им человек, который в здравом уме ни в коем случае не стал бы этого делать. Поступок героя был импульсивным, поэтому он хотел как-то оправдаться перед самим собой. Сам оценщик объяснял, что ему приходилось подавлять в себе чувство жалости и сострадания во время работы. Эти чувства вырвались наружу, когда герой устал. Причина усталости проговаривается им самим: *«...выжимал из них гроши и копейки, глядел слезы, выслушивал напрасные мольбы...»* [12, с. 152], – но он не до конца ее понимает. Ему было тяжело видеть замученных людей и делать им, как он думал, только хуже.

Странное поведение героя и его мнимый сон можно списать на его *нервность* [6, с. 140-150] и переутомление. Более того сам герой именно так оправдывает свое поведение. Герою сначала кажется, что с ним разговаривают вещи. Герою в темноте кажутся страшными самые обычные вещи: гитара, револьвер, браслет, сорочки. Это происходит, потому что оценщика пугало мерцание света лампадки и исчезающие и появляющиеся вещи: *«Мне оттого так жутко, – решил я по уходе хозяина, – что лампадка мелькает... Надо ее потушить...»* [12, с. 153]. До того, как оценщик произнес эту фразу, его начальник презрительно высказался о нищих: *«Беднота нахлынет, как муха на мед»* [12, с. 154]. Это заставило оценщика в очередной раз повторить у себя в голове мысли о нищих и ужасе своего положения.

Герою кажется, что вещи говорят не потому, что «завтра праздник», а потому, что он устал и ему просто мерещится. Рассмотрим подробнее описание вещей, хранящихся в ссудной кассе. Револьвер пригодился герою, когда к нему пришли «незваные гости». Браслет – это драгоценность, – вспомним эпизод, когда оценщик отдавал вору узел с драгоценностями. Кружевные сорочки и гитара тоже были отданы вору. Таким образом, в начале рассказа оценщиком отмечены те предметы,

которые сыграют важную роль в кульминации. Эти детали имеют сюжетообразующие значение и в то же время могут многое сказать о герое рассказа. Он знал примерную или же вымышленную трагичную историю этих вещей, так как они прошли через его руки.

Затем он видит в окне силуэты и думает, что *«Никого там нет... <...> Это мне представляется»* [12, с. 153]. За окном тогда были воры, которые ждали момента, чтобы войти – и вошли. У действий есть последствия, а значит это не галлюцинации и не сон. Оценщик пугается звука лопнувшей струны на гитаре и его страх стал *«паническим»* [12, с. 153]. Он *«как сумасшедший»* [12, с. 152] заткнул уши и побежал к постели. Далее герой уже в припадке начинает делать то, что, по его мнению, в адекватном состоянии он делать не стал бы – отдавать ворами вещи. Он *«судорожно»* [12, с. 153] давал им вещи и *«задышался»* [12, с. 154], когда говорил. Через эти детали передается беспокойство героя. Однако мотивировка поведения героя расстроенными нервами очевидно не полностью верная.

В святочных рассказах страх героя может быть вызван сверхъестественным явлением или же кошмарным сном. Все события, произошедшие с героем, имели последствия, а значит не могли быть его сном. Рассказ «Сон» имеет ироничное название, ведь никакого сна в рассказе нет. Герой все делает наяву. Возможно, встретив своего начальника уже после своего «преступления», герой наконец засыпает и позже просыпается. Но это происходит уже после событий, которые, по мнению оценщика, должны быть внутри сна. Герой засыпает, когда *«занавес опускается»* и просыпается уже у городского. Границы сна четко не обозначены, что делает его необъявленным сном. Когда Оценщик по-настоящему засыпает, происходит перебивка и читателю не сообщается, что именно снилось герою, если вообще снилось. Таким образом, сон в чеховском рассказе имеет функцию перебивки, в чем и заключается очередной обман ожиданий. Читатель, ссылаясь на название, ожидает описание сна, но не получает его.

В рождественской прозе обязательно наличие чуда [7, с. 140]. Герой рассказа «Сон» обычно *«торговался с оборвышами, выжимал из них гроши и копейки»* [12, с. 152]. Но, по мысли А. С. Собенникова, в рождественскую ночь герой чувствует свое родство с этими бедняками, его мучает совесть [2, с. 95]. Но совесть у героя просыпается не только в рождественскую ночь – он по натуре совестливый человек, однако отрицает это. Чудо не происходит, когда герой начинает отдавать ворами вещи из кладовой, думая, что это сон. Он с самого начала жалел нищих, а теперь он решил помочь хотя бы кому-то. Мысль Шиллера о том, что сон – это голос подавленной

совести человека [8, с. 126], здесь также подвергаются сомнению и переоценке. Таким образом, чудом нельзя назвать пробуждение совести у героя потому, что она у оценщика и не засыпала.

Мотив спасения нуждающихся с помощью дарения [9, с. 40], показанный в рассказе «Неразменный рубль» Н. С. Лескова, у Чехова тоже переработан. Оценщик спасает не нищих, которые обычно приходили к нему закладывать вещи, а помогает вору. Более того, он отдает вору вещи нищих, то есть неосознанно жертвует невинными в пользу преступников. И для этого оценщик вынужден ограбить своего начальника, за что его отправляют на каторгу. А в рождественских рассказах проблема обычно решается легко.

Когда воры молили оценщика о пощаде – они не взывали к высшим силам с просьбой помочь, а просто давили на жалость. Для них это не чудо, а скорее неожиданная удача. Воры так и остались ворами, и к тому же безнаказанными. После этого не происходит очищения или спасения ни оценщика, ни тех, кому он отдал вещи. Чехов перерабатывает еще один мотив рождественского рассказа, обозначенный «Святочном рассказе» М. Е. Салтыкова-Щедрина: *«Нет того нищего, бездомного и увечного, который не испытал бы на себе благотворное действие великого праздника!»* [11, с. 135].

В рассказе «Сон» нет поучения, в отличие от рассказов Н. С. Лескова или рассказа Г. И. Успенского «Про счастливых людей», в котором мораль прямо проговаривается в конце рассказа [12, с. 259]. У Чехова показано не только снижение и десакрализация рождественского чуда, но даже его отсутствие, потому что «светлое рождественское чудо» [3, с. 69] сталкивается с суровой реальностью и проигрывает ей. Таким образом, в рассказе показано «несоответствие сути праздника безжалостной реальности жизни» [1, с. 225].

Жанр рождественского рассказа имеет ряд условностей, которые были рассмотрены выше. В рассказе «Сон» десакрализируются элементы классического рождественского рассказа. А. П. Чехов анализирует и перерабатывает каноны рождественского рассказа, в результате чего читательские ожидания не сбываются. Рассказ совершенно лишен назидательности и сентиментальности, так как ситуация, лежащая в основе рассказа, и его герой неоднозначны. Жизнь намного шире любой литературной фабулы, поэтому в рассказе «Сон» ломаются штампы и ожидания читателей – оценщик показан как сочувствующий человек, а нищие, отчаявшись, становятся ворами. Таким образом, А. П. Чехов подвергает сомнению абсолютизацию

и однозначность каких-либо моментов и выводов из рождественского рассказа на разных уровнях повествования.

Список литературы

1. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.
2. Собенников А. С. «Между «есть Бог» и «нет Бога...» (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова) Иркутск, 1997.
3. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М., 2004.
4. Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики 1992 №2 С. 113-127
5. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус 2016 г.
6. Сухих И. Н. Агенты и пациенты доктора Чехова // Звезда, № 7, 2004 С. 140-150
7. Козина Т. Н. Жанровое своеобразие рождественского и святочного рассказов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2017. – Т. 23, № 4 (168). – С. 137-144.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
9. Старыгина Н. Н. Дарение: от устойчивого рождественского мотива к сквозному мотиву в святочных рассказах Н. С. Лескова // Проблемы Исторической Поэтики 2017 Том 15 № 4 С. 38-56

Список источников

10. Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1962.
11. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20-ти т. М., Худож. лит., 1965
12. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1982.
13. Успенский Г. И. Собр. соч.: В 9-ти т. М., 1957.

УДК 821.131.1, 821.161.1

**Сергиенко Е.Е. Творчество Б. Пастернака в Италии до публикации романа
«Доктора Живаго»**

Сергиенко Елена Евгеньевна

канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского
и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова, РФ, г. Нижний Новгород
elserguienko@yandex.ru

**B. Pasternak's works in Italy before the publication of the novel "Doctor
Zhivago"**

Sergienko Elena Evgenyevna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor of the Department of Theory and Practice
of French, Spanish and Italian Languages, Nizhny Novgorod Linguistic University
N.A. Dobrolyubov, Russia, Nizhny Novgorod

Аннотация. Имя Б. Пастернака получило известность у широкого итальянского читателя во многом благодаря скандальной публикации романа «Доктор Живаго» издательством Фельтринелли в 1957г. Однако, его творчество стало частью культуры Италии еще до выхода книги. При рассмотрении его наследия сквозь призму итальянской литературы выявляются предпосылки для подобного внимания: ряд «типологических сходжений» в области поэтики и эстетики русского писателя и некоторых его итальянский коллег. Немалую роль сыграл и интерес самого Пастернака к Италии. При этом круг почитателей его ранних произведений довольно ограничен: прежде всего, это творческая элита, состоящая из профессионалов-славистов.

Ключевые слова: авангардная поэтика, эксперименты с формами слова и лексикой, ассоциативный поток, образы Италии, «встречные течения».

Abstract. The name of B. Pasternak became famous among the wide Italian reader largely due to the scandalous publication of the novel "Doctor Zhivago" by Feltrinelli publishing house in 1957. However, his literary works became part of the Italian culture even before the book was published. An examination of his production in the light of the Italian literature helped to reveal some preconditions of such interest: a number of "typological resemblances" in the sphere of poetics and aesthetics of the Russian writer and some his Italian colleges. Pasternak's own interest towards Italy also played a significant role. At the same time, the circle of admirers of his early works is quite limited: first of all, it is the creative elite, consisting of professional Slavists.

Keywords: avant-garde poetics, experiments with word forms and vocabulary, associative flow, images of Italy, "counter currents".

Итальянский перевод романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» вышел 23 ноября 1957 г. В тот же день издатель произведения Фельтринелли дал интервью газете «Nuova Stampa». Отвечая на вопрос журналиста о том, чем он руководствовался в своем упорстве несмотря ни на что выпустить книгу в свет, издатель процитировал

слова самого Пастернака из полученного от него письма, в котором писатель, признавая, что публикация «Доктора Живаго» на Западе сделает его положение в своей стране «трагически трудным», подчеркивает сознательность этого шага: «Мысли рождаются не для того, чтобы их таили или заглушали в себе, но чтобы быть сказанными» [1, с. 30]. Несомненно, эта своеобразная аннотация к книге возымела действие и способствовала её большой популярности, уже опередившей публикацию. В результате только в 1957 г. в Италии вышло 7 изданий романа, и за последующие пятьдесят лет зафиксировано свыше миллиона проданных только в этой стране экземпляров [16, р. 305].

Отсюда возникают вопросы: можно ли утверждать, что имя Пастернака стало известно в Италии только благодаря выходу «Доктора Живаго» и «скандальной» истории его издания, и насколько его творчество было близко иноязычному читателю. Ответу на эти вопросы и посвящена данная статья. Цель исследования – изучить историю вхождения более ранних произведений Б. Пастернака в итальянскую культуру и рассмотреть их с точки зрения наличия внутренних причин, которые могли бы подготовить «воспринимающую среду» к «усвоению внешнего импульса» [2, с. 83].

По мнению В. Иванова, объединяющим фактором так называемого «единого европейского авангарда» стала задача «выработки нового языка при отказе от старого» [3, с. 120], и с этой точки зрения обращает на себя внимание ряд параллелей в области поэтики и эстетики Б. Л. Пастернака и некоторых его итальянских коллег. Творчество русского писателя развивалось в рамках модернистской эстетики начала XX века. Он начал свою профессиональную деятельность в кругах, формировавшихся вокруг символистского издательства «Мусагет», а его первую поэтическую книгу «Близнец в тучах» в 1914 г. издала литературная группа «Лирика», членов которой критики неоднократно упрекали в подражании символистам. Исследователь С.И. Кормилов отмечает, что в литературной среде стихотворения его первого сборника были восприняты и как содержащие «некоторый налет символизма» [4, с. 278], и как противостоящие ему. После раскола в «Лирике» в 1914 г. Пастернак вместе с С. Бобровым и Н. Асеевым создал новую литературную группу «Центрифуга». Его творчество данного периода (поэтическая книга «Поверх барьеров»), по мнению Кормилова, развивалось в русле русского футуризма: отсюда его «непозволительное обращение» [4, с. 279] со словом, излишнее смешение стилей, перемещение ударений. На яркость и неоднородность словаря первых стихотворений Пастернака указывал и С.С. Аверинцев: он «буквально перенасыщен словами, по тем или иным признакам

бросающимися в глаза – неологизмами, архаизмами, диалектизмами, вообще редкостными наречиями всех родов» [5, с. 4]. Схожий вывод делает и биограф писателя Д.Л. Быков, отметивший, что на начальном этапе творчества Пастернак значительно расширил границы своей лексики, внося в стихи прозаизмы и просторечья. Исследователь обращает внимание и на его «избыточную образность», «хлещущую через край экспрессию» [6, с. 96]. «Звук правит фавулой», – так характеризует он эту новую поэтическую манеру письма, что позволяет ему говорить о «подлинном футуристическом» [6, там же] характере лирики раннего Пастернака. Однако, Быков отмечает, что сам писатель в зрелые годы неоднократно повторял, что все плохое в его ранних стихах – от футуризма. Кстати, и в Италии от этой литературной школы со временем отделились такие её яркие представители как А. Палаццески, Дж. Папини, А. Соффичи.

На авангардную поэтику стихотворений Пастернака указывал и В. Брюсов. В статье 1922 г. «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» он обозначил характерные черты того периода поэтического творчества Пастернака, когда была создана книга «Сестра моя - жизнь», подчеркнув характерную для её автора «тематическую всеядность», при которой «и злоба дня, и история, и наука, и жизнь располагаются как бы на одной плоскости, на равных» [4, с. 278]. Он также выделил смелые синтаксические построения, оригинальные словоподчинения, противопоставленную классической пушкинской рифме новую рифму футуристов с обязательным сходством предударных звуков, с несовпадением или необязательным совпадением заударных: померанцем - мараться, кормов - кормой, подле вас - подливай, керосине - серо-синей [4, с. 279].

Таким образом, для ранней поэзии Б. Пастернака были прежде всего характерны эксперименты с традиционными принципами построения текстов. На формальном уровне он активно использовал верлибр с целью «прозаизировать» поэзию. Данный прием, а также искания в лексической сфере (широкое использование бытовой лексики, «заземленных» метафор и сравнений в целях создания ощущения непринужденной беседы) типологически сопоставимы с приемами итальянских поэтов-«сумеречников» М. Моретти, Ф. Мартини, Г. Гоццано, избравших в качестве материала для своей поэзии «обыденность в её скромном, неприятельном обличье», «лишенную порывов и энтузиазма повседневность» [7, с. 174]. Стихи «сумеречников» наполнены меланхолическим настроением тоски, разочарования, неверия в смысл жизни, их излюбленные темы – воспоминания о детстве, сны, мечты об уединении, болезненная тревога [14, р. 135]. Основным

мироощущением этой школы стала ирония как «постоянное осознание тщетности иллюзий и пустоты окружающей жизни» [7, с. 174]. Этому содержанию соответствуют и формальные аспекты их творчества: они, как и ранний Пастернак, прозаизируют поэзию, «заземляют» метафоры и сравнения, смешивают лексику высокого и разговорного стилей.

Еще один частотный прием, используемый Пастернаком в своей лирике, - это техника воссоздания ассоциативного потока, фиксации «случайных чувств и мыслей в случайном порядке» [8, с. 45]. Одним из первых данный принцип сцепления ассоциаций как особенность поэтики его стиха подметил теоретик группы «Перевал» А. Лежнев: «У классиков стихотворение раскрывало одну идею, а у Пастернака оно состоит из ряда ощущений, соединенных между собой какой-то одной ассоциацией», причем, «поэт намеренно делает в этой цепи смысловой разрыв, опуская какое-либо звено» [4, с. 284].

Схожая техника имитации ассоциаций была присуща и итальянским «герметикам» Дж. Унгаретти и Э. Монтале. «Их поэзия – это исповедь, а не сообщение», - написал о них критик Фр. Флора [7, с. 214]. Герметическая поэзия исходила из убеждения, что «наиболее важной, подлинной духовной ценностью является индивидуальное восприятие мира» [7, там же], само название течения подчеркивает «замкнутость», «закрытость» создаваемых художественных произведений, уход в мир субъективных переживаний. Одним из основных принципов их поэтики названо построение «зашифрованного» образа при помощи усложненной аналогии, «переноса одного ряда восприятий в другой с утратой связующего логического звена» [7, там же], а также цепи субъективных ассоциаций. Кстати, характеризуя поэтическое творчество Пастернака, видный итальянский русист Э. Ло Гатто определил отличительную черту его лирики именно как «ermeticità» [20, р. 336] - герметичность, непроницаемость, усматривая, видимо, некое сходство с принципами одноименного течения в Италии.

То есть, с точки зрения художественных поисков, творчество Б. Пастернака органично вписывалось в итальянский культурный контекст, впрочем, как и контекст общемирового литературного процесса в целом. Поэтому, при более тщательном изучении истории его вхождения в итальянскую литературу не удивляет то, что знакомство с этим автором действительно произошло задолго до публикации романа.

Первыми его имя открыли для себя итальянские футуристы: в 1914 г. Ф.Т. Маринетти во время своего турне по России получил в подарок от С. Боброва первый стихотворный сборник Пастернака. Однако, как отмечает Ч. Де Микелис, русский

футуризм ассоциировался у главы одноименного итальянского течения прежде всего с именем В. Маяковского [17], так что должно было пройти немало времени, прежде чем Маринетти провозгласил Пастернака «лучшим русским поэтом», при этом подчеркнув, что этот автор начал литературную деятельность в группе «Центрифуга» именно как футурист [21]. Известен и факт знакомства Пастернака с исследователем русской литературы Э. Ло Гато в 1929 г., о чем последний рассказал в своей книге «Мои встречи с Россией» [19]. Более того, переводы его стихов появились еще в тридцатые годы в антологиях русской литературы – “*Antologia di poesie russe del Novecento*” [15] и “*Scrittori sovietici*” [23]. Ч. Де Микелис обращает внимание на тот качественный скачек, который произошел в оценке Пастернака за два года, разделяющие эти антологии: в первой он представлен просто «интересным писателем», а во второй уже «величайшим из живущих советских поэтов» [17].

В начале послевоенного периода наметился еще более очевидный подъем интереса к творчеству Б. Пастернака. В 1946 г. журнал Элио Витторини «Политехничко» (*Il Politecnico*) опубликовал первую часть «Охранной грамоты», названной в предисловии «возможно наиболее убедительным произведением советской литературы последнего периода» [17]. В 1948 г. в «Антологии русских прозаиков», вышедшей под редакцией Т. Ландольфи, был напечатан отрывок из «Повести». А годом позже видный русист и переводчик Р. Поджоли уделил лирике Пастернака значительное место в своем знаменитом сборнике «Цветы русского стиха», а также опубликовал в журнале «Инвентарио» (*Inventario*) «Апеллесову черту».

Пожалуй, самый известный в Италии знаток и почитатель поэтического творчества Пастернака А.М. Рипеллино заинтересовался его лирикой в конце сороковых годов. В 1947 г. он перевел отрывок из поэмы «Лейтенант Шмидт», включил ряд стихотворений Пастернака в свою антологию русской поэзии XX века (*Poesia russa del Novecento*, 1954), а также написал ряд статей об особенностях его поэтики. Известно, что Рипеллино послал эту антологию Б. Пастернаку, очень высоко оценившему её. В своем ответном письме от 29 июля 1955 года Пастернак написал: «Только что получил Вашу блестящую Антологию, бесценный Ваш подарок. Ваши вдохновенные переводы, которые я проглотил одним духом, дали вторую жизнь стихам благодаря ярким, выразительным и смелым решениям. Я Ваш должник на всю жизнь за Ваше предисловие. Глубина природного вкуса, проявившаяся в Вашем выборе, удивительна! Вы осведомлены в литературных делах нашего полувека лучше, чем кто-либо из нас и чем я сам» [9].

Другой поэтический сборник – издательства Эйнауди – включил в себя 34 стихотворения Пастернака из разных периодов его творчества [22].

В первой половине 1957г. в газете «Контемпоранео» (Contemporaneo) была опубликована статья научного характера еще одного видного слависта, В. Страды, посвященная особенностям поэзии Б. Пастернака. Есть свидетельства, что Борис Леонидович был знаком с содержанием данного исследования, глубину которого отметил при личной встрече с автором, состоявшейся в августе того же года: Витторио Страда находился в Москве как участник Всемирного фестиваля молодежи и студентов и неофициально побывал в Переделкино, на подмосковной даче русского писателя [10, с. 24].

Кроме того, положительные отзывы о творчестве русского писателя периода, предшествовавшего появлению романа, высказали на страницах «Политекнико» журналист Д. Порцио и будущий переводчик «Доктора Живаго», писатель-славист Пьетро Цветеремич, охарактеризовавшие Пастернака как «автора наиболее убедительных произведений новой русской литературы» и «самого видного лирика сегодняшнего дня» [18, р. 7].

В качестве еще одной причины интереса к произведениям Б. Пастернака в итальянской культуре можно назвать его тяготение и интерес к самой Италии. Пастернак посетил эту страну один раз в 1912 г. и пробыл там всего несколько недель, но впечатления от поездки нашли отражение в его творчестве (повествовательном, автобиографическом и поэтическом). По наблюдению С. Гардзонио, Италия Пастернака «выступает одновременно как существующая реальность и как идеально-поэтическое строение» [11, с. 79]. В доказательство данного тезиса итальянский исследователь прослеживает способы пространственного описания в повести Пастернака «Апеллесова черта» и показывает, что по ходу повествования топографические элементы, вводимые писателем, идут от определенного к неопределенному, как будто восприятие действительности переходило от видимой стороны жизни к внутреннему миру чувств. То есть, образ Италии претерпевает переход от реалистического описания, основанного на конкретных воспоминаниях автора (описание летнего вечера в Пизе, переезда из Пизы в Феррару) к передаче своего «духовного переживания» (Феррара в повести - уже совсем анонимное место, не имеющие отношение к исторической достоверности, на которое наложились впечатления Пастернака и от других городов, в частности от Флоренции).

Д. Быков отмечает, что Италия для Пастернака – это, прежде всего, его венецианские впечатления: неслучайно, подчеркивает исследователь, он

неоднократно обращался к собственному стихотворению о Венеции и даже почти переделал его пятнадцать лет спустя. В первом варианте стихотворения Венеция Пастернака – это «Руки не ведавший аккорд», пример «нерукотворного чуда», в последней же редакции её описание более точное, но и более сниженное: «Размокшей каменной баранкой внизу Венеция плыла». Но особенно проникновенно, считает Быков, Пастернак рассказал о ней во второй части «Охранной грамоты». «Итак, и меня коснулось это счастье. И мне посчастливилось узнать, что можно день за днем ходить на свиданья с куском застроенного пространства, как с живой личностью» [12, с. 178], – так охарактеризовал он свои ощущения от знакомства с городом. Быков указывает на важность самого первого ощущения Пастернака от «колорита ночной Венеции и её водных отражений» [12, с. 172], позволившего писателю отнести этот образ к «рождественским явлениям», к празднику Рождества – «музыкальному и трагическому» [6, с. 87] одновременно.

Однако, поскольку «Охранная грамота» писалась в 1930 г., период начала сталинской диктатуры, на первоначальные впечатления Пастернака о Венеции легли его более поздние сравнения и размышления: злободневные намеки в замечаниях о терроре венецианских властителей, хлесткие описания каменных львов, символов государства, «сующихся во все интимности, всё обнюхивающие..., тайно сглатывающие у себя в берлоге за жизнью жизнь» [6, с. 181]. Не удивительно, что в Италии, где этот пассаж об ощущениях человека, «живущего в постоянной близости голодных львов» [6, с. 88], вызывал очевидные ассоциации с фашистским режимом, «Охранная грамота» была напечатана только в послевоенные годы.

Итак, можно сделать вывод, что до «скандальной» публикации своего романа Б. Пастернак уже занимал довольно прочную позицию в итальянской культуре. Рассмотрев его раннее творчество сквозь призму итальянской литературы, а еще шире – общеевропейских течений двадцатого столетия, – обнаружили некоторые предпосылки для подобного интереса, так называемые «встречные течения», о которых говорил А.Н. Веселовский [13, с. 307]. То есть, несмотря на свою самобытность и ярко выраженный национальный характер, художественная деятельность Пастернака во многом развивалась в том же направлении, что и итальянская литература. При этом очевидным становится тот факт, что известность и признание русский писатель нашел лишь в определенной среде – творческой интеллигенции, по большей части, состоящей из профессионалов-славистов. Много лет спустя этот вывод сделает и П. Цветеремич в своей итоговой статье, написанной по поводу столетней годовщины со дня рождения русского писателя и освещающей

историю его вхождения в итальянскую культуру: «...до выхода романа Пастернак был известен за границей как великий русский поэт двадцатого века, но только лишь «интеллектуальному читателю» (“a un pubblico d’élite”) [24]. А широкому итальянскому читателю имя Пастернака действительно стало известно уже после выхода романа и нагнетавшей истории его публикации.

Список литературы

1. Пастернак Е.Б. В осаде /Е.Б. Пастернак / Вступит. статья к сборнику «А за мною шум погони...». Борис Пастернак и власть. Документы 1956-1972 / Под ред. В.Ю. Афиани, Н.Г. Томилиной. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001.
2. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Методы изучения литературы. Системный подход. – М.: Флинта: Наука, 2002.
3. Иванов В.В. О взаимоотношении символизма, предсимволизма и постсимволизма в русской литературе и культуре конца XIX - начала XX века // Избранные труды по семиотике. В 2-х тт. Т.2. – М.: ОГИ, 2000.
4. История русской литературы XX века (20-90-е годы)/ Под ред. Кормилова С. И. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998.
5. Аверинцев С.С. Пастернак и Мандельштам: опыт сопоставления // Пастернаковские чтения. Вып. I: «Быть знаменитым некрасиво». Росс.акад.наук. Ин-т Мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наследие, 1992.
6. Быков Д.Л. Борис Пастернак. – М.: Молодая гвардия, 2007.
7. Володина И.П., Акименко А.А., Потапова З.М., Полуяхтова И.К. История итальянской литературы XIX-XX веков. – Москва: «Высшая школа», 1990.
8. Баевский В.С. История русской литературы XX века: Компендиум. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
9. Солонович Е. Любимый журнал, любимый поэт //«Иностранная литература» 2005, №10.
10. «А за мною шум погони...» Борис Пастернак и власть. Документы 1956-1972 / Под ред. В.Ю. Афиани и Н.Г. Томилиной. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001.
11. Гардзонио С. Италия: реальный и идеальный топос в поэтике Бориса Пастернака // «Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака. Отв.ред. В.В. Абашеев. – М.: Языки славянской культуры, 2008.
12. Пастернак Б. Охранная грамота // Пастернак Б. Апеллесова черта. Повести. – СПб.: Азбука-классика, 2005.
13. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высш.шк., 1989.
14. Alberico G., Belforti I. Compendio di Letteratura italiana. Ottocento e Novecento. – Roma: Newton & Compton editori, 2001.
15. Antologia di poesie russe del Novecento / A cura di R. Poggioli. – Lanciano: Carabba, 1933.
16. Ceserani R., De Federicis L. La ricerca letteraria e la contemporaneità. – Torino: Loescher Editore, 1998.
17. De Michelis C. Pasternak. Una grande carriera prima del dottor Zivago // La Repubblica, 27.11.2007.
18. De Michelis C. Prefazione // Boris Pasternak. Poesie. – Torino: Giulio Einaudi editore, 1992.
19. Lo Gatto E. I miei incontri con la Russia. – Milano: Mursia, 1976.
20. Lo Gatto E. Storia della letteratura russa contemporanea. – Milano: Nuova Accademia, 1958.
21. Marinetti F.T. Una sensibilità italiana nata in Egitto. – Milano: Omnia, 1944.
22. Pasternak B. Poesie. – Torino: Einaudi, 1954.
23. Scrittori sovietici / A cura di Spagnol T. A., Slonim M., Prampolini G. – Milano: Mondadori, 1935.
24. Zveteremich P. Gli anatemi per Zivago. Il centenario della nascita di Pasternak //La Sicilia, 15.02.1990: <http://www.russianecho.net/contributi/speciali/zveteremich/anatemi.asp>

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 821+82-344

Осадчая Т.Ю., Потылицына Е.Н. Магическое и реалистическое в художественном пространстве романа С. Кинга «Воспламеняющая взглядом»

Осадчая Татьяна Юрьевна

кандидат пед. наук, доцент кафедры романо-германской филологии и европейских исследований, Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
osadchaya_ta@mail.ru

Потылицына Елизавета Николаевна

студент кафедры романо-германской филологии и европейских исследований
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
potylitsyna544@gmail.com

Magical and Realistic in the Artistic Space of S. King's Novel «Firestarter»

Osadchaia Tatiana Iurevna

PhD in Pedagogy, associate professor of the Department of Romance and Germanic Philology and European Studies, Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Potylitsyna Elizaveta Nikolaevna

student of the Department of Romance and Germanic Philology and European Studies
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Аннотация. Статья раскрывает содержание понятия «магический реализм», освещает некоторые характерные черты данного литературного направления. Основное внимание в работе уделяется описанию элементов магического и реалистического, соединение которых образует художественное пространство произведений магического реализма, и, в частности, романа С. Кинга «Воспламеняющая взглядом». Черты магического реализма, присущие данному роману, до настоящего момента не были исследованы в подобном ключе, что определяет теоретическую значимость работы.

Ключевые слова: магический реализм, литературоведческий анализ, С. Кинг, «Воспламеняющая взглядом».

Abstract. The article studies the notion of "magic realism" and highlights some of the feature characteristic of this literary movement. The main attention in the work is focused on the description of magical and realistic elements, the combination of which forms the artistic space of the works of magical realism and of the novel "Firestarter" by S. King, in particular. The features of magical realism inherent in this novel have not been studied in a similar vein so far, which determines the theoretical novelty of the work.

Keywords: magical realism, literary analysis, S. King, "Firestarter".

Магический реализм – относительно молодое явление в литературе и искусстве, которое, по словам исследователей, в настоящее время занимает одну из центральных позиций в современном художественном процессе [1; 8; 9; 10].

Изучением магического реализма занимаются как отечественные, так и зарубежные исследователи: А. А. Гугнин [2], Е. В. Кудрина [3], В. Г. Корончик [4], С. М. Харт и Дж. Харт [5], А. Чанади [6], Л. П. Замора [7]. Большинство ученых сходятся в определении главной черты магического реализма: переплетение сверхъестественных и реалистичных элементов, которое образует особую, магическую реальность произведений данного направления.

Как отмечает Н. З. Шамсутдинова, магический реализм является своеобразным продолжением реалистической традиции, в которой типично реалистические элементы дополняются элементами фантастического [8]. В. И. Божкова подчёркивает двойственную природу магического реализма, которая выражается в сосуществовании двух отличных, но в то же время сообщающихся миров, элементы которых позволяют авторам создать новую, во многом непохожую на знакомую нам, магическую реальность, свойственную произведениям данного литературного направления [9]. Е. Г. Маслова рассматривает магический реализм как «особый тип художественного мышления», «для которого характерно органичное использование элементов фантастики наряду с обязательным наличием черт легко опознаваемой исторической реальности» [10, с. 255].

Похожей позиции придерживаются и зарубежные учёные К. Уорнс и К. А. Сассер, которые полагают, что магический реализм включает в повествовательную ткань произведения различные необъяснимые явления и события, представленные как часть объективной действительности мира: «a magical realist text will treat supernatural occurrences as if they were perfectly natural. It will incorporate, without surprise, fantastic elements into the realm of history and objective materiality» [11, p. 1].

Таким образом, можно сделать вывод, что магический реализм отличается включением в реалистическую картину мира элементов магического (сверхъестественного, фантастического), то есть сосуществованием двух миров: реального и магического.

Актуальность нашего исследования обусловлена, с одной стороны, тем фактом, что феномен магического реализма был и остается в центре внимания исследователей и требует дальнейшего изучения, с другой стороны, роман С. Кинга

«Воспламеняющая взглядом» до настоящего времени не был исследован с точки зрения его принадлежности к направлению «магический реализм».

Цель данной научной статьи – изучение магических и реалистических элементов, которые являются текстообразующими в художественном пространстве романа С. Книга «Воспламеняющая взглядом».

На основе анализа произведения, можно сделать вывод, что характерными признаками направления «магический реализм», которые проявляются в данном романе, являются следующие элементы:

1) вплетение в сюжет различных фантастических явлений и событий, которые не поддаются объяснению, одинаково правдоподобное и детальное описание магического и реалистического, невозможность для персонажей отличить факты магической и реалистической действительности: «взаимоотношения магического и реального в магическом реализме своеобразны: и магическое, и реальное в этом литературном направлении одновременно истинно и ложно, нормально и ненормально; магический реализм игнорирует все бинарные оппозиции, в которые должны были бы заключаться магическое и реальное, и взамен образует странную симбиотическую связь магического и реального» [12, с. 70];

2) одинаковое восприятие персонажами как реалистических, так и магических элементов, их относительная равнозначность в художественном пространстве текста: «в литературе магического реализма на протяжении всего текста, вплоть до самой его развязки, проявления естественного и сверхъестественного наделяются равной валидностью (материальностью, наделенностью доверием персонажей – при нейтральной авторской оценке)» [12, с. 71];

3) полная соотносимость мира, описанного в произведении, с реальным, очевидное сходство между ними (изображение в романе Америки 70-80-х годов 20 века);

4) нелинейность течения времени, его отсутствие или замедление.

К миру магического (фантастического) в романе относятся различные парапсихические способности героев, а именно телекинез, пирокинез, внушение и предвидение.

Чарли Макги в свои восемь лет обладает чрезвычайно могущественным даром воспламенения огня силой мысли или, другими словами, пирокинезом: «she's dangerous... <...> That little girl might have put out three thousand degrees of heat for a split second there» [13, p. 291]. Кроме того, в тексте упоминается, что девочка владеет

телекинезом, то есть способностью оказывать влияние на предметы без физического воздействия на них, и даром к предсказанию, который проявляется в её безошибочной интуиции.

Энди Макги, отец маленькой Чарли, обладает талантом внушения, что в романе описывается как некий мысленный посыл или «толчок», который способен принудить практически любого к тем или иным действиям. Так, Энди Макги, пытаясь спасти дочь из рук агентов правительственной организации «The Shop», убеждает одного из них в собственной слепоте: «"you're blind," Andy told him, and pushed just as hard as he could. <...> The man screamed suddenly. <...> "My eyes, my eyes. What did you do to my eyes?"» [13, p. 164-165]. Ещё одна способность мужчины – это слабый дар предвидения, который проявляется лишь в редких видениях и предощущениях.

Вики Томлинсон, жена Энди Макги, так же, как и их дочь, обладает телекинезом, однако всё, на что способна Вики – это слабое воздействие на предметы повседневного использования: «sometimes Charlie would pull open the fridge door, look in, and then crawl off again. And if Vicky was ironing, she would glance at the fridge and it would swing shut again—all without her being aware that she was doing anything strange» [13, p. 57].

Здесь мы отмечаем проявление такой черты магического реализма как принятие сверхъестественного как части естественного мира, поскольку на протяжении всего романа герои ни разу не ставят под сомнение реальность происходящего: «such small things, and so infrequently, that Andy had come to think of them as normal» [13, p. 57]. Кроме того, сама способность Чарли, имея ярко выраженную магическую природу, воспринимается её родителями как обычный врождённый дефект или болезнь, с которой их дочери придётся бороться до конца жизни, то есть мы видим, как автор смешивает фантастическое с реальным, приравнивая их друг к другу: «she's no more a monster than a kid in an iron lung or in a home for retarded children» [13, p. 122].

Элементами, принадлежащими к миру реального, можно назвать всевозможные действительно существующие реалии Америки 70-х годов – марки, бренды, имена собственные, а также исторические факты и события американской жизни, упоминание которых указывает на полную соотносимость мира, в котором происходят события романа, с реальным.

Приведём примеры некоторых реалий, упоминание которых позволяет соотнести мир произведения С. Кинга с реальным миром (США, 70-е годы XX века):

- 1) телепередачи и фильмы («Dr. Cyclops», «The Deer Hunter», «The PTL Club»);
- 2) периодика («Rolling Stone», «The New York Times»);
- 3) литература («The Grapes of Wrath» Дж. Стейнбека, «Gone by the wind» М. Митчелл, «1984» Дж. Оруэлла);
- 4) персонажи кино и литературы (Oscar the Grouch из «Sesame street», Pooh, Tigger, Eeyore из «Winnie-the-Pooh», Robbie the robot из «Forbidden planet»);
- 5) музыка («The Rolling Stones», «Jefferson Airplane», песня американской музыкальной группы «KC and the Sunshine Band» «Boogie Shoes»);
- 6) продукты питания, напитки («Coca-Cola», «Pepsi-Cola», «Campbell's», «Utica club»);
- 7) хозяйственные товары («Tide», «Brillo», «Spic and Span»);
- 8) одежда («Botany 500», «Carroll Reed», «Gucci», «Adidas»);
- 9) автомобили («Ford», «Chevrolet Vega», «Plymouth»);
- 10) лекарственные препараты и наркотические вещества («Aspirin», «Thorazine», «LSD»);
- 11) техника («Seeburg», «Maytag», «Xerox»);
- 12) оружие («Thompson», «.45 Colt», «Claymore»).

Упоминание в романе исторических фактов, политических деятелей, событий, названий госструктур, топонимов также играют важную роль в воссоздании американской действительности 70-х годов XX века:

- 1) исторические факты (Великая депрессия 1929-1939 годов, Вьетнамская война 1955-1975 годов, Вторая мировая война 1939-1945 годов);
- 2) выдающиеся личности (американские президенты Р. Никсон, Дж. Вашингтон, Б. Франклин, писатели Э. Хемингуэй, У. Д. Хауэллс);
- 3) правоохранительные органы и государственные структуры (ФБР, ЦРУ, комитет сената США, нижняя палата конгресса США);
- 4) учреждения и торговые сети (парк развлечений «Six Flags», аэропорты «La Guardia», сеть ресторанов быстрого питания и мягкого мороженого «Dairy Queen», сеть супермаркетов «A&P»);
- 5) штаты (Калифорния, Флорида, Нью Йорк, Канзас);
- 6) города (Логмонт, Лос-Анджелес, Нью Йорк, Олбани);
- 7) улицы и дороги (Lakeland avenue, Third avenue, route 22, Jasmine street).

Таким образом, автор в романе воссоздает достоверную картину современного ему мира (Америки 70-х годов XX века).

Так же достоверно, как и мир реального, изображается мир магического: медицинская точность описания использования способностей, объяснение принципов их работы, многочисленные подробности результатов их воздействия описаны так, будто подобные сверхъестественные таланты действительно существуют в нашей реальности. Мы можем сделать вывод о равнозначности двух миров, о чём свидетельствует равная степень их проработанности автором.

Мир магического и реального в романе С. Кинга впервые встречаются в эпизоде, когда доктор Уэнлесс проводит эксперимент, в ходе которого у его участников открываются сверхъестественные способности. Вещество «Lot Six» одновременно относится к миру реального, поскольку его открытие происходит в лабораторных условиях, что говорит о гипотетической возможности выведения подобного препарата в реальности, и к миру магического, поскольку оно изменяет человеческую природу, придавая ей свойства фантастического.

Нелинейность течения времени проявляется в эпизоде с экспериментом. Под влиянием вещества Энди Макги теряет ощущение времени: «time had stopped, but somehow it passed anyway» [13, с. 35].

Вместе с ощущением времени герой теряет ощущение реальности происходящего, находясь под воздействием препарата, Энди более не способен отличить реальное от магического: «how much of it had been real, how much hallucination? Twelve years of off-and-on thought had not answered that question for Andy McGee» [13, с. 34-35]. Здесь мы вновь отмечаем равнозначность двух миров, поскольку их восприятие героем происходит с равной степенью доверия – подобный прием позволяет автору создать особую, магическую реальность.

Таким образом, коды реального и магического миров сосуществуют в романе на основе принципов равной валидности, взаимосвязанности и равноправия; все выявленные элементы реалистического и магического в совокупности образуют художественное пространство романа С. Кинга «Воспламеняющая взглядом», характеристики которого позволяют нам отнести его к числу произведений магического реализма.

Список литературы

1. Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Современная англоязычная литература: традиции и эксперимент: монография. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 170 с.
2. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (феномен и некоторые пути его осмысления). – Москва: Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 1998. – 117 с.
3. Кудрина Е. В. «Магический реализм» драматургии Н. Садур // Текст, контекст, интертекст. – 2019. – Том 2. – С. 290–295.
4. Корончик В. Г. Типология элементов художественного мира произведений магического реализма // E-SCIO. – 2021. – № 1 (52). – С. 150–156.
5. Hart S. M., Hart J. Magical realism is the language of the emergent Post-Truth world // Orbis Litterarum. – 2021. – Vol. 76. – № 4. – P. 158–168.
6. Chanady A. B. Magical Realism and The Fantastic: Resolved Versus Unresolved Antinomy. – London: Routledge, 1985. – 198 p.
7. Zamora L. P., Faris W. B. Magical Realism: Theory, History, Community. – London: Duke University Press, 1995. – 592 p.
8. Шамсутдинова Н. З. «Магический» реализм в современной британской литературы (Анжела Картер, Салман Рушди): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – М., 2008. – 23 с.
9. Божкова В. И. Специфика магического реализма в творчестве Д. Алмонда // Молодые ученые в инновационном поиске: материалы VI Международной научной конференции. – Минск: МГЛУ, 2018. – С. 325–332.
10. Маслова Е. Г. Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – № 10. – С. 254–269.
11. Magical Realism and Literature. Ed. by C. Warnes, K. A. Sasser. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 420 p.
12. Биякаева А. В. Взаимосвязь уровней художественной реальности в текстах современного магического реализма // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2017. – № 2 (15). – С. 70–73.

Список источников

13. King S. Firestarter. – New York: Signet, 1981. – 401 p.

УДК 821

**Таразанова Ю.С. Анализ маргинального мира Жана Жене в романе
«Богоматерь цветов»**

Таразанова Юлия Сергеевна

Магистрант II курса направления «Франко-русская компаративистика»
Северный Арктический Федеральный университет, РФ г. Архангельск
tarazanovayulia@yandex.ru

**Analysis of the the marginal world in the novel by
Jean Genet "Our Lady of Flowers"**

Tarazonova Yulia Sergeevna

Master of the II course of the direction "French-Russian comparative studies"
Northern Arctic Federal University, The Russian Federation, Arkhangelsk

Аннотация. В данной статье предпринята попытка охарактеризовать образ маргинала в романе «Богоматерь цветов». В статье исследуются черты образа маргинала, воплощенные в фигуре рассказчика и героях романа. На основании анализа устанавливается, что маргинальный образ рассказчика характеризуется желанием превратить в ритуал, жест и обряд действия героев, придать их поступкам религиозный оттенок и мифологический смысл. В статье выделяются и описываются характерные особенности образа преступников, состоящие в стремлении к нарушению норм, пренебрежении патриотическими ценностями, использовании особого языка, стремлении к роскоши. Кроме того, анализируются символы, связанные с образом маргинала и их функция в романе. Ключевыми символами, значимыми для понимания образа маргинала являются символ лестницы и зеркала.

Ключевые слова: маргинальное сознание, ритуал, жест, язык, аргумент, символика, зеркало, лестница.

Abstract. This article attempts to characterize the image of a marginal in the novel "Our Lady of the Flowers". The article examines the features of the image of the marginal, embodied in the figure of the narrator and the heroes of the novel. Based on the analysis, it is established that the marginal image of the narrator is characterized by the desire to turn the actions of the heroes into a ritual, gesture and ritual, to give their actions a religious connotation and mythological meaning. The article highlights and describes the characteristic features of the image of criminals, consisting in the desire to violate the norms, the neglect of patriotic values, the use of a special language, the desire for wealth. In addition, the characters associated with the image of the marginal and their function in the novel are analyzed. The key symbols that are significant for understanding the image of the marginal are the symbol of stairs and mirrors.

Keywords: marginal consciousness, ritual, gesture, language, slang, symbolism, mirror, ladder.

Тема маргинальности занимает значительное место в западноевропейской литературе. В XX веке интерес к этому феномену обострился в связи с развитием постмодернистской эстетики. Одной из ярких и самобытных фигур этого периода, воплотившей образ маргинального мира в своих произведениях, становится Жан Жене. Объектом исследования в статье является роман «Богоматерь цветов». Цель работы состоит в описании и осмыслении особенностей героя-маргинала в романе. В выявлении типологических черт маргинального героя романа Ж. Жене мы видим обоснование новизны нашего исследования.

При написании статьи были использованы биографический, хронотипический и мифологический методы литературоведческого анализа. В работе были актуализированы принцип всесторонности, принцип соединения анализа с синтезом. При работе с художественным текстом был осуществлен поиск фрагментов, в которых актуализированы особенности маргинального восприятия мира рассказчиком и эпизоды, в которых описаны особенности поведения, внешности и речи парижских преступников.

Теоретическая значимость статьи заключается в выстраивании подхода к изучению явления маргинальности в литературе на материале романа Ж. Жене «Богоматерь цветов». Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее результатов для более глубокого изучения общих закономерностей и принципов изображения образа маргинала в литературе.

На сегодняшний день понятие «маргинальность» как в литературоведческом, так и в социологическом дискурсах используется для обозначения промежуточности и пограничности положения человека по отношению к социальным и нравственным нормам [1, с. 33]. В статье М. Н. Муратова представлен обзор развития образа маргинального героя на примере западноевропейской литературы. Так, впервые он обнаруживает себя в романе римского писателя Г. Петрония «Сатирикон», в котором герои предаются чувственным наслаждениям. Пример маргинального героя воплощен и в образе Ф. Вийона, демонстрирующего симпатию «к подонкам общества, ко всему подозрительному и преступному <...>» [4], в образе героя плутовского романа немецкого писателя Г. Гриммельсгаузена Симплициссума. Его принадлежность к маргинальному сообществу обусловлена аморальным образом жизни и причастностью к грабегам. С феноменом маргинальности М. Н. Муратов соотносит и образ Гулливера. Внешний вид героя и его представления об общественном устройстве не соответствуют взглядам местных жителей. С маргинальным статусом соотносится и фигура Маркиза де Сада, писателя,

пропагандирующего снятие всех ограничений, преимущественно сексуального характера, эстетизацию жестокости и насилия и А. Рембо, нивелирующего моральные ценности и вводящего в собственное творчество табуированные темы [4].

Скандальной фигурой в этом отношении является и Жан Жене – писатель, которую значительную часть своей жизни провел в заключении. Роман «Богоматерь цветов» Жан Жене написал в тюрьме Фонтевро в 1942 году. Пребывание в месте заключения побудило Ж. Жене на рассказ о маргинальном мире, частью которого он сам являлся. Роман состоит из воспоминаний и фантазий рассказчика. Несмотря на то, что пространственно-временные координаты ограничены, они представляют собой замкнутое «пространство зловонного воздуха» [9, с. 38], «смесь запахов мочи формалина и краски» [9, с. 91], Ж. Жене, восстанавливая в сознании мир, от которого отделен и к которому он бы хотел приблизиться, расширяет рамки повествования. В романе «Богоматерь цветов» тесно переплетаются прошлое и настоящее, реальное и воображаемое.

Героями фантазий рассказчика становятся умирающая от чахотки проститутка Дивина, убийца Нотр-Дам-де Флер и сутенер Миньон. Все эти герои маргинальны, прежде всего, по отношению к закону и нормам морали, принятым в обществе. Рассказчик восхищается их бесчеловечностью, ловкостью и способностью к предательству: «Ему нравилось предавать других, потому что это доказывало его бесчувственность. Сделать себя бесчувственным и бесчеловечным – это и мое подспудное желание» [9, с. 56].

Рассказчик также обладает болезненным маргинальным сознанием, его не интересуют события и диалоги, в его маргинальном мире действия – это жест, ситуация – это ритуал. Так, жесты героев романа нередко напоминают ему жесты королей, ему интересна тема царственности и величия. В этом отношении показателен эпизод, произошедший в кабаке: Дивина, уронив корону из стеклянных бусин на пол, надевает на свою голову вставную челюсть и заявляет: «Чёрт возьми, дамы, я всё-таки буду королевой» [9, с. 235].

О ритуалах Жене говорит следующее: «Я верю в мир тюрем, в его проклятые ритуалы. Я не был так уж поражен, столкнувшись с ритуалами заключенных, теми, что делают из них людей вне мира живых: разрезать спички вдоль, мастерить зажигалки, прикуривать вдесятером одну сигарету, наматывать круги по камере» [9, 277]. Сам рассказчик превращает в ритуал процесс употребления наркотиков, надевая собственный на палец кольцо, Эрнестина перед убийством надевает на себя все свои

украшения, Миньон особенно бережно относится к своим белым перчаткам, предназначенным для совершения краж.

Большое значение рассказчик придает и обрядам, связанным со смертью. Так, роман начинается с траурного шествия в честь смерти Дивины, завернутой в белую кружевную простыню, а заканчивается казнью Нотр-Дам-де-Флер, который скорее напоминает обряд искупления: «Когда Нотр-Дам-де-Флёр вновь оказался в руках охранников, им показалось, будто на нем лежит печать сакрального, как в былые времена – на искупительных жертвах, будь то козел, бык или ребенок <...>» [9, с. 390].

Важно, что всем действиям своих героев Жене придает религиозный смысл. А.В. Гасилин, исследуя эту склонность, ссылаясь на концепцию Сартра, отмечает: «В понимании Жене, глубокая религиозность преступника проявляется в суровой аскезе сидельца и затворника, но в отличие от аскетических практик анахоретов, эта аскеза направлена не на укрощение плоти ради познания трансцендентного Бога, а на исследование собственной телесности ради открытия имманентного Бога в самом себе» [2, с. 101]. Так, в романе Миньон и Дивина своим внешним видом напоминает рассказчику Иисуса Христа, Эрнестина – образы святых, на протяжении всего повествования рассказчик видит ангелов. Введение рассказчиком таких имен как Богородица цветов, Первопричастница также отсылают нас к религиозным текстам. Исключительное положение преступника, соотносящееся с представлением о святом, демонстрируется в эпизоде перед казнью Нотр-дама-де Флер, когда девочка задает вопрос матери: «Скажи, мама, это чудо?» [5, с. 27], в отношении посетителей суда, читающих в образе Богородицы выражение: «Я – Непорочное Зачатие» [9, с. 356].

Стоит также отметить, что рассказчик превращает героев в своем сознании в древнегреческих богов. Движения Габриэля напоминают Ж. Жене движения кентавра, описание Миньона отсылает нас к представлениям об обитателях Олимпа: «Миньон это великан, его кривые ступни занимают половину земного шара, когда он стоит, расставив ноги, в шелковых, небесного цвета штанах с напуском» [9, с. 95]. Он воплощает мифологический смысл и в образе Эрнестины, совершающей попытку убить собственного ребенка, что можно соотнести с мифологическими представлениями об архетипе матери: «Она и лоно и могила: свинья, пожирающая своих детей» [3, с. 136].

Маргинальность героев романа заключается в пренебрежительном отношении к патриотическим ценностям. Так, рассказчик намеренно подчеркивает это в эпизоде, когда Дивина не придает особенного значения знаменательной для французов дате, связанной с объединением нации: «Повсюду сине-белое-красное. Дивина же

одевается в другие цвета» [8, с. 11]. В другом эпизоде это пренебрежение демонстрирует Габриэль, который после того, как занялся с Дивиной любовью, стал исполнять гимн Франции [8, с. 11].

Язык героев романа также отличается от того, который используется французами. Мужчины говорят на языке арга, а мужчины-трансвеститы шепотом используют в речи слово «toute» (вся) перед тем, как сказать какую-либо фразу [8, с. 21].

Преступники, которых описывает рассказчик, обладают стремлением к изобилию и роскоши. Так, Богоматерь цветов и Миньон часто пребывают в дорогих гостиницах, Дивина несколько раз в день садилась на поезд и просила отвезти ее в отель, чтобы на время в нем остановиться.

Значимую роль в создании образа маргинала играет символ. В романе «Богоматерь цветов» таким символом становится зеркало или стеклянная и водная поверхность, которые имеют отражающие свойства. Как правило, в романе зеркало показывает искаженное изображение, не совпадающее с реальным. Например, смотрящий в зеркало Миньон на своем лице находит след от пули, Кюлафруа обнаруживает в зеркале ребенка, а Эрнестина – королеву пик. Опираясь на трактовку Сартром некоторых фактов биографии Ж. Жене, заключающуюся в стремлении смотреть на себя глазами других, Р. Коу объясняет такое частое появление зеркала в романе желанием Жене обнаружить себя настоящего [7, с. 11]. К. Бонфуа предлагает рассматривать данный символ как перевернутое представление о зле. Грехопадение превратится в добродетель, если посмотреть на него через отражающую поверхность [6, с. 19].

В романе «Богоматерь цветов» часто встречается описание лестниц. По ней с торжественным видом поднимается Богоматерь цветов перед тем, как совершит убийство, Дивина слышит, как на ней плачут сирены, Жене придает ей особенное значение, встречая ее в тюремной реальности, называя «тайной сообщницей» [9, с. 7]. Р. Коу разъясняет введение этого символа необходимостью подчеркнуть двойственную природу своих героев и их положения – они принадлежат и к мужскому, и женскому миру и пребывают одновременно в двух планах существования – на небе и на земле [7, с. 47].

Таким образом, все вышесказанное дает нам возможность сделать следующие выводы. Прежде всего, стоит отметить, что целью Ж. Жене являлось воссоздание в своем болезненном воображении мира парижских преступников. Стремление Ж. Жене возвести в ранг исключительного образ мышления героев и выразить

восхищение степенью их нечувствительности находит выражение в превращении в ритуал, жест и обряд любого действия героев, придании их поступкам религиозного оттенка. Автор вводит мифологические смыслы и символы, подчеркивающие искаженное восприятие представлений о добре и зле и их двойственную природу.

К типологическим чертам образа преступников, представленных в романе, мы можем отнести стремление к нарушению норм, как установленных законом, так и нравственных, склонность к предательству, пренебрежение патриотическими и общественными ценностями, использование языка арго и введения собственных выражений с недоступным для других смыслом. Также их отличает внимание к собственной внешности, стремление к окружению себя предметами роскоши.

Список литературы

1. Воробьева, Е. С. Маргинальный герой в русской прозе последней трети XX – начала XXI вв. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : 10.01.01. Архангельск, 2015. 180 с.
2. Гасилин А. В. Этика зла и святость преступления в сартровской биографии Жана Жене // Международный журнал исследований культуры, №2 (39). Москва. 2020. С. 90-103.
3. Кэмпбелл Дж Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018. 480 с.
4. Муратов М.Н. Образ маргинального героя в западно-европейской литературе / М.Н. Муратов Студенческий научный форум: III Общерос. студенческая электрон. науч. конф. 2011. URL:<http://www.rae.ru/forum2011/pdf/1944.pdf> (дата обращения 14.05.2023).
5. Beaty, E. B. Jean Genet et Notre-Dame-Des-Fleurs. Texas, 1982. 101 p.
6. Bonnefoy C. Jean Genet. Paris: Éd. Univ, 1965.128 p.
7. Coe R. N. The vision of Jean Genet. New York: Grove press, cop. 1986. 343 p.
8. Kayhan E. Notre-Dame-des-Fleurs: La glorification de l'Abject. Sorbonne-Nouvelle Paris University, 2019. 51 p.

Список источников

9. Жене Ж. Богоматерь цветов. Москва: Издательство АСТ, 2015. 416 с.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398

Коновалова М.А. Образ лихорадки в заговорах Русского Севера

Коновалова Мария Александровна

Старший преподаватель кафедры германской филологии и скандинавистики
Институт филологии, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск
konovmasha@yandex.ru

The Image of Fevers in charms of the Russian North

Konovalova Mariia Aleksandrovna

Senior lecturer of the Department of German Philology and Scandinavian studies
Institute of Philology, Petrozavodsk state university, Petrozavodsk

Аннотация. Статья представляет собой научное исследование группы заговоров, предназначенных для избавления от лихорадок и записанных на территориях Русского Севера в XIX-XX веках. Автор обращает внимание на образы лихорадок-трясовиц в текстах заговоров и раскрывает сюжетные особенности заговоров данной группы. Анализируется семантика имен лихорадок, их внешний вид, а также способы коммуникации и взаимодействия с другими персонажами. Особенности, выявленные в ходе анализа, сопоставляются с характеристиками образа лихорадок в традиционном русском фольклоре.

Ключевые слова: фольклор, лечебные заговоры, лихорадки, прозопопея, персонификация.

Abstract. This article presents a scientific study of a group of charms intended to cure fevers recorded on the territories of the Russian North during the XIX-XX centuries. The author focuses on the characters of fever-causing shivering in the texts of the charms and reveals the narrative features of this group of charms. The semantics of fever names, their appearance as well as communication and interaction methods with other characters are analyzed. The features identified during the analysis are compared with the characteristics of the image of fevers in traditional Russian folklore.

Keywords: folklore, healing charms, fevers, prosopopoeia, personification.

В последние годы изучению такого жанра устного народного творчества, как заговор посвящается довольно много работ. Растет и объем фольклорного материала: проводятся экспедиции, исследователи привозят новые фольклорные записи, которые требуют классификации и предметного анализа. В данной статье мы обратимся к группе заговоров, предназначенных для избавления от лихорадок, или, как их называют иначе, трясвиц и записанных на территориях Русского Севера (ограничимся Архангельской областью и республикой Карелия) в XIX-XX веках. Предметом исследования выступают образы лихорадок-трясовиц в текстах заговоров.

В первую очередь стоит отметить, что данная тематическая группа заговоров неоднократно становилась предметом исследования фольклористов, но она была исследована в достаточно широком плане: внимание обращалось на саму структуру и сюжет заговора, а материал не ограничивается конкретным регионом. Таким образом, данные работы (например, «Сисиниева легенда» [1], «Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении» [2]) представляют для нас значительный интерес, раскрывая сюжетные особенности заговоров данной группы, а также произошедшие с ними трансформации.

Итак, традиционный сюжет заговоров от лихорадок-трясовиц восходит к Сисиниевой молитве, или легенде, как она именуется в различных источниках. Данная молитва известна не только в славянской, но и других традициях, например, греческой, коптской и германской. Примечательно также, что данная легенда первоначально существовала в письменном варианте, постепенно фольклоризировалась, сокращалась и таким образом перешла в устную традицию, однако использование данного текста на бумаге можно было встретить и в XX веке. Весь путь трансформаций легенды детально исследуется, в том числе в указанных выше изданиях [1], [2], а также множестве статей, поэтому мы не будем подробно останавливаться на произошедших изменениях, лишь обратимся к финальной, третьей редакции, которая и послужила непосредственной основой для устных заговоров и позволим себе процитировать ее в формулировке Т.А. Агапкиной: «Сакральный персонаж (их может быть несколько) встречается/видит 7/12 простоволосых трясовиц/лихорадок. называющих себя дочерьми царя Ирода. На вопрос о том, куда они идут, лихорадки отвечают, что идут в мир мучить людей <...>. Святые наказывают (избивают) их, обычно железными прутьями. Трясовицы просят отпустить их, обещая обходить те дома и людей, которые будут иметь при себе или поминать имена святых» [2, с. 535].

Мы рассмотрим, какими представляются лихорадки в заговорах, бытовавших в XIX-XX веках на территории Архангельской и Олонецкой губерний, обратившись к текстам семи заговоров от лихорадки. В тринадцати из четырнадцати записей об избавлении от лихорадки приводится полный текст заговора. Пять фольклорных текстов также сопровождаются описанием обрядовых действий заговаривающего и/или заговариваемого, таким образом, они «раскрывают особенности не только народных верований, но и указывают на структуру обряда, его ритуальную символику» [3, с. 16]. Три заговора сохранились в письменном виде и были предназначены для использования именно в такой форме. Стоит отметить, что

некоторые заговоры от лихорадки нельзя связать с Сисиниевой легендой, так как они имеют совершенно иную структуру: «Осина, осина, возьми мою тресину, дай мне леготу!» [8, с. 205]. В данном случае дрожь человека при лихорадке сопоставляется с дрожанием осины, традиционно персонифицированный образ лихорадки, о котором пойдет речь далее, отсутствует. Лексема «лихорадка» может как применяться по отношению к разным заболеваниям, так и упоминаться в ряду других, синонимичных, наименований (веснуха, трясовица, худоша, грыжа, рожа и др.) или же по-разному именоваться: «Болела она (девочка – Т. К.), как по-нынешнему-то, малярией, а как по-здешнему, лихорадкой. А эта лихорадка по-старому, по-деревенски, — худоша, а худоши эти как будто были 12 сестер царя Ирода. Как раньше в деревне говорили, что эти сестры царя Ирода – это все болезни: желтуха, трясуха» [9, с. 205–206]. Кроме того, в тексте заговора могут перечисляться и характерные особенности всевозможных лихорадок по месту локализации или протекания заболевания, воздействия его на человека: «от лихорадки, от всякой великой болезни огневицы, трясовицы внутренней, костяной, жильной, живичной и сердца» [10, с. 3]. В одном из текстов заговаривающий упоминает «всякие злые, лихие притчи, скорби и болезни: щипоту и ломоту и 12-ть проклятых Иродовых дочерей злую лихую лихорадку: Листопуху, Лопуху, Коршуху, Комуху, Коркушу, Пухоту, Хрыпоту, Ломиху, Знобиху, Гнятяницу, Огневицу, Трясавицу и всякую вражью неприязненную силу и всякое мечтание сатанино угодие» [8, с. 161], таким образом не только перечисляя все возможные лихорадки (значение имен здесь семантически выводимо), но и ставя их в ряд с другими болезнями.

Обычно же болезнь-лихорадка представлена в женском обличье, то есть мы сталкиваемся с характерным для фольклора явлением прозопопеи. Прозопопея – это представление неодушевленного предмета одушевленным, живым. Ранее мы отмечали, что наблюдается два варианта прозопопеи. Первый из них – «одушевление, когда неодушевленный предмет наделяется свойствами живого существа» [4, с. 152] (как, например, в приведенном ранее примере про осину). Персонификация (т.е. представление объекта в антропоморфном виде) встречается в тринадцати из четырнадцати исследуемых заговоров. Стоит отметить, что «чем сильнее персонифицируется и характеризуется образ, тем легче на него воздействовать, добиться от него положительного для себя и (или) для больного результата» [5, с. 135]. Проследим, насколько сильно персонифицируется образ лихорадки в анализируемых текстах.

Сам образ лихорадки достаточно распространен в русском (и шире – славянском) фольклоре. Она «может быть женщиной в белом, с непокрытой головой и без пояса или безобразной, косматой, сгорбленной старухой с клюкой» [6, с. 321]. Образ может варьироваться в зависимости от этноса, ареала или времени распространения заговора. Неудивительно, что такое негативное явление, как болезнь чаще всего представляется человеку довольно жутким образом: «12 жен простоволосых, видением страшных зело, окаянных» [11, с. 45], «все они косматые, волосатые, все беспоясные» [11, с. 51]. Говорится в заговорах и о внутренней характеристике лихорадок: «Всех их проклятых 12; одна одной злее» [12, с. 336]. Кроме того, мы можем видеть, что девы-лихорадки предстают простоволосыми, простопоясыми, это в очередной раз указывает на их противопоставление христианскому миру и враждебную природу. Более того, в одном из текстов они говорят о своем дьявольском происхождении: «посылает нас наш отец Сатана мучить люд христианский» [11, с. 45]. Более широко, как и в других традициях и в первоначальной молитве, распространено имя царя Ирода, «жестоккого гонителя Иисуса и первых христиан, насылающие болезни на их последователей» [7, с. 53], который чаще всего становится отцом лихорадок, однако возможны и другие родственные связи: трясовицы говорят, что они «девы», «дщери» или даже «сестры» или племянницы – «мы есть трясавицы, отца Филина, брата Иродова, дщери» [8, с. 206].

Как мы видим, лихорадки в текстах заговоров представляются антропоморфно, соответственно, могут выполнять ряд действий, которые можно разделить на две группы: действия во время встречи с сакральным персонажем или заговаривающим и причинение вреда человеку. Встреча с лихорадками происходит в сакральном пространстве. Часто подобные пространства и «центры мира» получают мифологические или связанные с религией наименования. В исследуемых заговорах такими топосами может быть дорога («Отправляются они в путь-дороженьку дальнюю. Попадав им 12 дев» [11, с. 51]), остров в море («На море на окяне, на острове на Буяне, лежит камень алтырь. На том камне сидят три старца с железными прутьями. Идут к ним на встречу 12 сестер лихорадок» [8, с. 205]) или гора («на горе синайстей столп огненный от земли и донебеси, и с того столпа изыдоша 12 дев» [8, с. 209]).

При встрече сакральный персонаж вступает в коммуникацию с лихорадками, которые всегда ведут себя одинаково, как это подобает формульному персонажу: отвечают на вопросы о том, кто они и какова их цель: «Есть мы царя Ирода дщери и

идем на весь мир кости знобить и тело мучить» [9, с. 79]. Лишь в отдельных случаях о действиях трясовиц говорится в речи заговаривающего («не дают покоя рабу Б. Н, изсушают, его белое тело, испивают кровь» [12, 336]). Мы видим, что обычно они представляются коллективно, однако в некоторых текстах каждая из лихорадок говорит о своих действиях лично. Приведем несколько примеров: «Первая рече: "Мое имя Лидия, аз вхожу в человека, тот человек дрожит всем телом и его не могут никак согреть". <...> Четвертая рече: "Ломия, я ломаю человеку кости и ручных и ножных". Пятая: "Мое имя Трясея. Я трясу человека, и того человека не могут нигде согреть"» [11, с. 46]. Как и представляются, так и действуют лихорадки сообща: «Пошли мы по белому свету людей имать, жилья тянуть, кости ломать, телеса земли-матери придавать» [9, с. 79], это мы можем видеть благодаря использованию местоимений и глаголов в форме множественного числа. Тем не менее в трех самых объемных текстах каждая лихорадка выполняет свою определенную функцию, которая обусловлена ее именем (см. пример выше). Некоторая вариативность, как мы видим, все же присутствует, но общий смысл передаваемой информации не меняется, лишь может быть сокращен ее объем.

Завершаются подобные заговоры тем, что заговаривающий или сакральный персонаж угрожает лихорадкам телесной расправой или осуществляет ее: «И рече Праотец Панфутий своим братьям: "Зломите по три прута, тем станем их бить по три зори утренних, по три вечерних"» [9, с. 79], «И биша их по нескольку раз» [11, с. 46]. После чего лихорадки обещают покинуть заговариваемого: «Не казните вы нас. Кто эту молитву процитает, мы в тот дом не зайдем и не заглянем» [11, с. 52].

Итак, обобщим образ лихорадок в заговорах Архангельской области и республики Карелия: это антропоморфные существа женского пола, чей внешний вид (нерасчесанные, распущенные, непокрытые волосы, отсутствие пояса) свидетельствует о враждебной человеку природе. Это подтверждается и тем, что лихорадки обитают не в человеческом мире, а в сакральном пространстве, где и происходит их встреча с сакральным персонажем или заговаривающим. Кроме того, к защите от лихорадок часто привлекаются божественные силы (ангелы, архангелы, святые и пр.). Лихорадки вступают с ними в коммуникацию, сообщают о своем дьявольском происхождении и/или родстве с царем Иродом и намерениях причинять вред людскому роду. После угроз со стороны сакрального персонажа или божественных сил обещают покинуть заговариваемого, если он будет обращаться к Святому слову. Практически все проанализированные заговоры следуют приведенной структуре и, таким образом, совпадают с общерусской традицией.

Список литературы

1. Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М. : Индрик, 2017. 856 с.
2. Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: сюжетики и образ мира / Т.А. Агапкина. М. : Индрик, 2010. 824 с.
3. Окладникова Е.А. Заговоры в контексте мемориальной культуры сельских жителей Вологодской области / Е.А. Окладникова // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 8–20.
4. Коновалова, М.А. Явление прозопопеи в русских заговорах Карелии / М.А. Коновалова // Наукосфера. Смоленск, 2021. №11 (2). С.150-154.
5. Архипова Н.Г. Персонификация абстрактного имени в традиционном фольклоре (на материале русских заговоров от лихорадки) / Н.Г. Архипова // Вестник АмГУ. 2009. Вып. 44. С. 133–135.
6. Власова М.Н. Русские суеверия : [энциклопедический словарь] / М Власова. СПб. Азбука : Азбука-Аттикус, 2018. 732 с.
7. Труфанова Н.А. Одушевление болезни в позднее Средневековье и риторика вербального взаимодействия с ней (на материале средневерхненемецких лечебных заговоров XV века) / Н.А. Труфанова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 49–60.

Список источников

8. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии / Собр. П. С. Ефименком. М. : 1878. Ч. 2. Народная словесность. — 276 с.
9. Русские заговоры Карелии / Составитель Т.С. Курец. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000. 276 с.
10. Тур. Темнота народная // Вестник Олонецкого губ. земства. 1913. № 22. С. 2–3.
11. Встану я благословясь...: Лечебные и любовные заговоры, записанные в части Архангельской области / Изд. подготовлено Ю. И. Смирновым и В. Н. Ильинской. М. : Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1992. 80 с.
12. Заговор против лихорадки // Петропавловский приход Вытегорского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 34 С. 335–336.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81-25

Немиров Д.М. Фразеологизмы и фраземы, как отражение американского характера

Немиров Даниил Михайлович

студент 4 курса Института химии и химической технологии
Ярославский государственный технический университет, Россия, г. Ярославль

Phraseological units and phrasemes as a reflection of the american character

Nemirov D.M.

4th year student Institute of Chemistry and Chemical Technology
Yaroslavl State Technical University, Russia, Yaroslavl

Аннотация. Данная статья демонстрирует отражение культурных и исторических аспектов американского мира через американские фразеологизмы и фраземы. В качестве примера выбраны некоторые американские фразеологизмы и фраземы, чтобы на их примере показать частичный анализ культурного и исторического достояния американского народа.

Ключевые слова: Фразеологизм, словосочетание, фраза, фразема, американская культура.

Abstract. This article demonstrates the reflection of cultural and historical aspects of the American world through American phraseological units and phrasemes. As an example, some American phraseological units and phrasemes are selected in order to show a partial analysis of the cultural and historical heritage of the American people by their example.

Key words: Phraseology, phrase, phrase, phraseme, American culture.

Фразеология - важная область изучения, которая фокусируется на изучении фиксированных выражений, которые не могут быть поняты по значениям их отдельных слов. Фразеологические единицы могут принимать различные формы, включая идиомы и пословицы, которые имеют культурные и социальные корни и дают представление о людях, которые их используют. В английском языке широко используются фразеологические единицы, которые свидетельствуют об американской психике и культуре.

Американская культура - это богатое и разнообразное наследие, которое влияет на многие аспекты мировой культуры. Это творческие произведения, искусство, музыка, фильмы, театр и многое другое, они все объединены под знаменем "Америка". Красота американской культуры проявляется в ее многообразии и богатстве.

Одной из главных причин, по которой американская культура является красивой, является ее способность интегрировать другие культуры в свой собственный культурный ландшафт. У Штатов одна из самых многонациональных популяций в мире, и это отражается в их культуре. Изучив американскую культуру, вы обязательно найдете следы и влияние многих культур по всему миру.

Кроме того, Америка - это страна, которая постоянно идет на встречу новым технологиям и наукоемким отраслям, новым идеям и прогрессу. Примерами изобретений, которые влияют на мировую культуру, можно назвать компьютеры, интернет, мобильные телефоны, социальные сети и многое другое, что делает жизнь лучше и более комфортной.

Помимо всего этого американцы являются носителями английского языка, на котором говорят около 1,5 миллиарда человек во всем мире. Он является официальным языком в более чем 50 странах и является международным языком бизнеса, образования и науки. Одним из главных преимуществ английского языка является его красота.

Важной особенностью английского языка является его мелодичность и гармоничность звучания. Фонетика английского языка делает его звучание гармоничным и приятным для слуха, и способна вызывать у людей настоящие эмоции. Он также обладает широтой и разнообразием произношения слов, что делает его еще более привлекательным.

В этой статье анализируется, как фразеологические единицы описывают американский народ, и приводятся примеры распространенных фразеологических единиц, используемых в английском языке.

Под термином "Фразеология" понимают лингвистическую область, которая фокусируется на изучении фиксированных выражений, которые не могут быть поняты исходя из значений их отдельных слов.

Фразеологические выражения - это "многословные" лексические единицы, которые состоят из двух или более слов и имеют фиксированное значение. Они включают идиомы, пословицы и другие выражения, которые играют важную роль в языке и общении. Таким образом, фразеология занимается изучением структуры этих выражений и того, как они функционируют в языке [1].

Фразеологические единицы, описывающие американцев, имеют культурные и социальные корни и дают представление о людях, которые их используют.

Одним из наиболее распространенных фразеологизмов, используемых для описания американцев в английском языке, является "the land of the free and the home

of the brave" (земля свободных и дом храбрых). Эта единица используется для описания американских ценностей свободы и храбрости, которые отражены в американском флаге и гимне. Другие фразеологические единицы, описывающие американцев, включают "the American way" (американский путь), "the American dream"(американская мечта) и "the melting pot"(плавильный котел). Эти объекты демонстрируют культуру, ценности и многообразие американцев [2].

Рассмотрим происхождение фразеологических единиц. Фразеологические единицы берут свое начало в устной традиции, и они являются отражением культуры и общества. Например, фразеологизм "apple-pie order"(образцовый, безупречный порядок), что означает аккуратность, произошел из американского пограничного периода. В течение этого периода солдаты должны были содержать свои помещения в идеальном порядке, и их часто проверяли. Термин "apple-pie" (яблочный пирог) был использован для описания идеального состояния этих кварталов, и это привело к использованию фразеологизма [3].

Какова же роль фразеологии? Фразеология является важным инструментом для понимания и изучения языка. Владение фразеологизмами необходимо для эффективного общения на английском языке, и это помогает носителям языка понять американскую культуру и ценности. Знание фразеологических единиц также помогает носителям языка понимать контекстуальные значения, поскольку фразеологические единицы имеют контекстуальные значения, отличные от их буквальных значений. Распространенный пример - "kick the bucket"(пнуть ведро), что означает умереть [4].

Фраземы, или идиоматические выражения, также являются неотъемлемой частью любого языка. Они образованы сочетанием слов и несут значение, отличное от буквального значения отдельных слов. Фраземы обычно используются в повседневной речи и часто ассоциируются с определенной культурой или регионом. В случае с английским языком можно наблюдать, что фраземы отражают определенные аспекты американского характера. Для анализа были взяты пятьдесят фразем.

Одной из наиболее характерных черт американцев является их сильный индивидуализм. Они ценят личную свободу и независимость, что отражено во многих их фраземах. Например, выражение "pull yourself up by your bootstraps" (самому пробить себе дорогу) означает полагаться на себя и решать проблемы самостоятельно. Точно так же фраза "march to the beat of your own drum" (маршируйте в такт своему собственному барабану) поощряет индивидуальность и

нонконформизм. Эти фраземы иллюстрируют важность независимости в американской культуре [5].

Еще одной характерной чертой американцев является их оптимизм и нацеленность на результат. Это отражено в таких фраземах, как "every cloud has a silver lining" (нет худа без добра) и "when life gives you lemons, make lemonade" (когда жизнь дарит тебе лимоны, сделай лимонад). Эти выражения поощряют позитивность и настойчивость даже в трудных ситуациях. Они демонстрируют американскую веру в силу упорного труда и позитива для преодоления невзгод.

С другой стороны, фраземы также раскрывают негативные аспекты американского характера, такие как высокомерие и отсутствие уважения к авторитетам. Например, выражение "the squeaky wheel gets the grease" (скрипучее колесо смазывается) подразумевает, что громкие и настойчивые жалобы - лучший способ получить то, что вы хотите, независимо от последствий. Аналогичным образом, фраза "rules are made to be broken" (правила созданы для того, чтобы их нарушать) предполагает отсутствие уважения к правилам и авторитету [6]. Эти фраземы отражают определенное пренебрежение к общественному порядку и правилам, которые им управляют.

Различие между фразеологической единицей и фраземой заключается в том, что первая является устойчивым сочетанием слов с фиксированным значением, а вторая - наименьшей единицей фразеологического значения, которая может быть выделена в составе такого сочетания.

Таким образом, овладение фразеологизмами имеет важное значение для людей, изучающих язык, которые стремятся понимать английский и эффективно общаться на нем. Кроме того, отметим, что фраземы являются важным аспектом языка и могут многое рассказать о культуре и ее характере. Анализируя американские фраземы, мы можем увидеть важность индивидуализма, оптимизма и определенного пренебрежения авторитетами в американской культуре. Язык является неотъемлемой частью американской культуры и может отражать ее идеологию, ценности и образ жизни. Также стоит подчеркнуть важность культурного понимания и уважения к различным культурам в нашем глобальном обществе.

Список литературы

1. Benson, M. et al. (2013). The Routledge Handbook of Phraseology. Routledge - 34 p.
2. Şahin, İ. (2017). Cultural Implications of Phraseological Units in American English. *Journal of Language and Linguistics Studies*, 13(2) - 63 p.
3. Crystal, D. (2008). A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Wiley Blackwell - 82 p.
4. Moon, R. (2018). Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. Routledge - 75 p.
5. Makkai, A. Idioms are where the action is: Idiomatic expressions and their treatment in learners' dictionaries. - *TESOL Quarterly*, 1985. - Vol. 19, No. 4. - P. 765-781.
6. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. - Cambridge University Press, 1995. - 491 p.

УДК 81' 373

**Степанова Е.Д. Фразеологизмы как средства выражения эмоций
в английском и русском языках в когнитивном аспекте**

Степанова Елизавета Дмитриевна

кандидат филологических наук, учитель английского языка МОУ Лицей № 1
РФ, г. Волгоград
elizavetastepanova85@mail.ru

**Phraseological units as means of expressing emotions in English and Russian
languages in cognitive aspect**

Stepanova Yelizaveta Dmitrievna

PhD in Philology, English teacher, lyceum №1 Russia, Volgograd

Аннотация. Статья посвящена структурно-семантическому анализу фразеологических единиц, обозначающих эмоции, в когнитивном аспекте. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что анализируемые единицы помогают глубже понять психологию, культуру и историю народа, улучшить процесс межкультурной коммуникации представителей лингвокультур. Цель работы – выявить сходства и различия в выражении базовых эмоций в английском и русском языках. По структуре выделены одновершинные словосочетания, внутри данной структурной группы на семантическом основании выделены подгруппы. Уделяется внимание этимологии рассматриваемых единиц. Семантический анализ единиц показал, что существует сходство в выражении эмоций в анализируемых языках.

Ключевые слова: эмоция, фразеологизм, семантический анализ, этимология.

Abstract. The article is devoted to structural-semantic analysis of phraseological units expressing emotions in cognitive aspect. The relevance of the study is determined by the importance of the units analysed to gain a deeper understanding of psychology, culture and history of native speakers of the linguocultures and improve intercultural communication. The aim of the article is to identify similarities and differences in emotion expression in Russian and English. According to the structure there is a group of units with one semantic component which is divided into subgroups. Attention is paid to the etymology of the units considered. The semantic analysis of the phraseological units reveals similarity in emotion expression.

Keywords: emotion, phraseological unit, semantic analysis, etymology.

Любые проявления человеческой деятельности сопровождаются эмоциональными переживаниями. Благодаря эмоциям люди лучше понимают друг друга, могут, не пользуясь речью, судить о состояниях друг друга и лучше настраиваться на совместную деятельность и общение. Согласно мнению естествоиспытателя Ч.Дарвина, эмоции возникли в процессе эволюции как средство, при помощи которого живые существа устанавливают значимость тех или иных условий для удовлетворения актуальных для них потребностей [1].

П.К. Анохин считал, что эмоции (лат. *emovere* – «потрясаю, волную») как физиологические состояния организма, имеют ярко выраженную субъективную окраску и охватывают все виды чувствований и переживаний человека – от глубоко травмирующих страданий до высоких форм радости и социального жизнеощущения [2]. Чувства рассматриваются в психологии как наиболее устойчивые переживания человека, возникающие при удовлетворении или неудовлетворении социальных потребностей [3].

Обратимся к дефинициям понятий *чувство* и *эмоция* в русском и английском языках. В русском языке языковая единица *чувство*, образованная от *чути* – «слушать, слышать, чують, понимать, чувствовать» [КЭСРЯ, 1] – это способность ощущать, испытывать, воспринимать внешние воздействия; состояние, в котором человек способен сознавать, воспринимать окружающее: *Лишиться чувств, Привести, прийти в чувства*; эмоция, переживание: *чувство радости; чувство огорчения* [ТСРЯО, 2].

В английском языке значение языковой единицы *чувство* выражено следующими существительными: *feeling, sensation, sense, sentiment, emotion*. Согласно дефинициям Оксфордского толкового словаря английского языка, языковая единица *feeling*, которая восходит корнями к 12 веку: "*a conscious emotion*", есть то, что субъект чувствует разумом или своими ощущениями: *a feeling of guilt/helplessness*; эмоции человека: *He hates talking about his feelings*; сильная эмоция: *She spoke with feeling about the plight of the homeless*; симпатия, любовь: *I still have feelings for her* [OLD, 5].

Согласно толковому словарю русского языка Д.Н. Ушакова, понятие *эмоция* интерпретируется как душевное переживание, волнение, чувство: *Он упрекнул себя в утрате способности управлять своими эмоциями*. Максим Горький [ТСРЯ, 3].

Языковая единица *emotion* в английском языке имеет следующее значение: *strong feeling such as love, fear or anger; the part of a person's character that consists of feelings* – «сильное чувство, такое как любовь, страх или злость; в некоторой степени характер человека с его чувствами»: *Counselling can teach people to handle negative emotions such as fear and anger* [OLD, 5].

Из приведенных дефиниций понятий *чувство* и *эмоция* можно заключить, что данные понятия могут быть объединены в одну группу эмоций, обозначающих душевные переживание, волнения, чувства, либо сильное чувство, например, любовь.

Существует большое количество классификаций эмоций. Например, В.И. Шаховский разделяет все эмоции на положительные и отрицательные, автор

отмечает также, что эмоции могут быть репрезентированы в языке различными средствами, как прямой номинацией (*fear, love, anger*), так и непосредственным выражением (междометия, инвективная лексика и др.) и описанием (позы, особенности речи и голоса, взгляда, движение и т.п.) [4].

Согласно мнению В.И. Шаховского, с помощью языка *homo sentiens* может кодифицированно выражать, скрывать, имитировать, симулировать, описывать и называть свои эмоции, т.е. по-разному их эксплуатировать. Автор считает, что когнитивная функция эмоций заключается в том, что она дает толчок к познанию, компенсирует недостаток знания, является катализатором познавательного процесса [5]. Таким образом, эмоции включены в структуру сознания и мышления, они сопряжены с когнитивными процессами.

В данной статье проводится структурно-семантический анализ фразеологических единиц, выражающих базовые эмоции: любовь, гнев, страх, радость, печаль, стыд, гордость, ревность, месть, так как именно фразеологизмы своей семантикой направлены на характеристику человека и его деятельности [6]. Мы будем придерживаться классификации ФЕ, предложенной А.И. Смирницким: автор разделяет их на одновершинные словосочетания, двухвершинные и многовершинные [7, с. 216-217]. Материалом исследования послужил текст романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» на английском языке (Прим.: перевод словосочетаний, предложений наш). Кроме этого, привлекались материалы этимологических, толковых и современных словарей английского и русского языков.

Обратимся к структурно-семантическому анализу одновершинных ФЕ с одним семантически полнозначным компонентом, которые разделяются на две подгруппы.

1. *Глагольно-адвербиальные фразеологические единицы*, где первый компонент оборота является его семантическим и грамматическим центром. По своей семантике они имеют следующую классификацию.

1) Любовь: ... *to extirpate from my soul the germs of love there detected* (Bronte) – «...искоренить из своей души первые побеги любви», префикс *ex-* «наружу», «за пределы» глагола *to extirpate from*, в русском языке приставка *ис-* глагола *искоренять*, а также предлоги *from* и *из* соответственно конкретизируют значение удаления абстрактного объекта (любви) из субъекта.

2) Страх: *The kind whisper went to my heart like a dagger* (Bronte) – «Этот милый шепот проник в мое сердце как кинжал», эмоционально-экспрессивная коннотация заключена в компаративной конструкции *like a dagger*; ... *with a single hasty glance ... seemed to dive into my eyes* (Bronte) – «... казалось, что только одним быстрым

взглядом, он проник в мои глаза»; *what terror those cold people can put into the ice of their questions* (Bronte) – «какой ужас наводят холодные, бездушные люди, их вопрос леденит сердце». Носители русского языка для обозначения данного состояния используют ФЕ «кровь стынет в жилах». Значение страха выражено также в идиоме английского языка *to break out in a cold sweat*, в русском языке – «покрыться холодным потом».

3) Печаль: *I grieved for his grief* (Bronte) – «Я горевала по поводу его скорби»; *... held me in thrall* (Bronte) – «...сдерживало, угнетало меня», словосочетание *in thrall* имплицитно передает данное значение (букв. «в плену»); *I should take to bleeding inwardly* (Bronte) – «мое сердце будет кровоточить» (*bleeding inwardly* букв. «внутреннее кровотечение»); *it strikes me with terror and anguish* (Bronte) – «это повергает меня в тоску и ужас».

4) Злость, гнев (языковая единица происходит от древнего корня *ǵneh-, того же, что в русских «огонь, гнить») [КЭСРЯ,1]. Данная эмоция выражена в семантике глагола английского языка *to break out: break out all fire and violence* (Bronte) – «разразиться огнем, точно с цепи сорваться». В семантике глагола *to pour out: ...poured out the venom of your mind* (Bronte) – «излила на меня весь яд своей души», *out* – «away, from the inside» указывает на движение наружу. Значение потери контроля над собой выражено также в идиоме *fly off the handle* (букв. «соскочить с рукоятки»), в русском языке – «лезть в бутылку, кипятиться по пустякам».

2. Фразеологические единицы с семантическим центром во втором компоненте и грамматическим центром в первом компоненте. Данная подгруппа ФЕ имеет следующую семантическую классификацию.

1) Любовь: *I was dazzled* (Bronte) – «Я была ослеплена (любовью)»; стилистически нейтральный фразеологизм *be the apple of someone's eye* – «быть любимым и опекаемым кем-либо».

2) Совесть. Языковая единица *совесть* в русском языке происходит от греческого *syneidesis*; вторая часть слова восходит к тому же корню, что и глагол *ведать* (знать) [КЭСРЯ, 1]. Значение совести – чувства и сознания моральной ответственности за свое поведение и поступки, выражено в следующем примере в английском языке: *Remorse is the poison of life* (Bronte) – «Угрызения совести это – яд жизни», – существительное *remorse* – ‘a feeling of sadness and being sorry for something you have done’ [CED, 6], восходит к латинскому слову *remordere* (букв. "to bite back, bite again") [ED, 7]. Раскаяние, которое является угрызением совести, выражено в семантике языковой единицы *repentance* – ‘the fact of showing that you are

very sorry for something bad you have done in the past, and wish that you had not done it' [CED, 6]: *Repentance is said to be its cure* (Bronte) – «Говорят, что раскаяние исцеляет», согласно этимологическому словарю, префикс *re-* является интенсивным и означает "very much", усиливая значение раскаявания [ED, 7]; эквивалент данного значения в русском языке заключен в семантике ФЕ «быть, лежать гнётом на совести» (вызывать чувство раскаяния).

3) Страх: *I was oppressed, suffocated* (Bronte) – «Я была угнетена, я задыхалась». Данное чувство выражено также в следующих ФЕ в английском и русском языках: *to be scared witless* (букв. «быть напуганным до безумия», «быть жутко напуганным»); *be scared out of one's wits, be scared to death* – «быть напуганным до смерти».

4) Печаль: *I was heart-wrung* (Bronte) – «У меня сжалось сердце»; *The other teachers, poor things, were generally themselves too much dejected ...*(Bronte) – «Другие учительницы, бедняжки, были обычно слишком угнетены», префикс *de-*, который означает "down, down from, from" [ED, 7], имплицитно данное значение.

5) Проявление черт характера.

Гордость. Языковая единица *гордость* имеет следующую этимологию: данная единица, вероятно, родственна латинской *gurdus* – «глупый, бестолковый», поскольку первоначальное значение *гърдь* тоже имело негативный оттенок: «дурной, глупый, надменный» [ЭСРЯ, 4], в английском языке языковая единица *pride* восходит к среднеанглийскому языку *pryto* и означало "*unreasonable self-esteem*" – «необоснованная самооценка» [ED, 7]. В настоящее время гордость трактуется как положительно окрашенная эмоция, отражающая положительную самооценку, однако иногда она приобретает негативное значение: *He was proud, sardonic* (Bronte) – «Он был гордый, со злобной усмешкой»; *there was so much unconscious pride* (Bronte) – «было столько бессознательной гордости...».

Высокомерие. Данное состояние является гипертрофированным чувством уверенности или неуверенности в себе: *She appeared to be on her high horse to-night* (Bronte) – «казалось, что она высокомерно держится, важничает», ФЕ в русском языке: «смотреть сверху вниз».

Твердость характера, упрямство. Значение чрезмерной и неблагоприятной настойчивости, упрямства, выражено в языковой единице английского языка *stubborn* : "*Stubborn?*" he said (Bronte) – «Упрямитесь? - сказал он»; *I am hard and tough as an India rubber ball* (Bronte) – «Я тверд и упруг, как индийский резиновый мяч», – в данном примере твердость характера ассоциируется с индийским мячом, так как индийскую резину получают из живицы определенных деревьев, она является

натуральной и довольно прочной; *he is inexorable as death* (Bronte) – «он неумолим, как смерть»; *I must be ice and rock to him* (Bronte) – «Я должна быть по отношению к нему подобна льду и камню». Таким образом, твердость характера может ассоциироваться с льдом и камнем как в русском, так и в английском языках. В русском языке упрямство ассоциируется с ослом: «упрямый как осёл», так как осел действительно считается упрямым животным; «хоть кол на голове теши», – ФЕ берет свое начало со времен Средневековой Руси: кол – острую палку заостряли – «тесали» топором и нередко использовали в качестве орудия пытки: сажали на него человека. Но значение фразеологизма в настоящее время связано не с пытками, а с технологией создания этого пыточного инструмента.

Проведя структурно-семантический анализ ФЕ, мы пришли к следующим выводам. В подгруппе одновершинных глагольно-адвербиальных ФЕ чувства и эмоции имплицитно в семантике фразовых глаголов действия в английском языке, например, *to extirpate from*, глаголов движения в переносном значении *to go to*, *to dive into*, в русском языке – глаголов *искоренять*, *погружаться*. Полностью тождественных ФЕ не выявлено, существуют отличия в их внешней форме: *to break out in a cold sweat* – букв. «разразиться холодным потом», в русском языке – «покрыться холодным потом». Одновершинные ФЕ с семантическим центром во втором компоненте и грамматическим центром в первом компоненте представлены как тождественными ФЕ: *to be dazzled* – «быть ослепленным», так и частично тождественными, отличающимися по своей внешней форме: *to be on one's high horse* – букв. «быть на высоком коне», в русском языке «смотреть сверху вниз». Наибольшее количество одновершинных ФЕ выявлено в английском языке, вероятно, это обусловлено структурой языка. Соотношение количества языковых единиц в английском и русском языках следующее: 19 и 15 соответственно. Можно заключить, что существует сходство в выражении эмоций носителями анализируемых языков, так как независимо от культурных различий, люди переживают одни и те же базовые эмоции, которые их объединяют.

Список литературы

1. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. – СПб: Питер, 2001.
2. Анохин П.К. Эмоции Психология эмоций: тексты под ред. Вилюнаса В.К., Гиппенрейтер Ю.Б. - М.: Изд-во МГУ, 1984.
3. Гамезо М.В., Герасимова В.С., Машурцева Д.А., Орлова Л.М. Общая психология: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. М.В. Гамезо. – М.: Ось-89, 2007. - 352 с.
4. Шаховский, В. И. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. - М. : Гнозис, 2008. - 416 с
5. Шаховский, В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии : учеб. пособ. / В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 170 с.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Введение : учебное пособие для вузов / В. А. Маслова ; ответственный редактор У. М. Бахтикиреева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 208 с.
7. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 260 с.

Список источников

1. КЭСРЯ –Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 2004. – 542 с.
2. ТСРЯО – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд. "Азъ", 1992.
3. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994.
4. ЭСРЯ – Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. — 432 с.
5. OLD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (Дата обращения: 28.03.2023).
6. CED – Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (Дата обращения: 28.05.2023).
7. ED – Harper, D. Etymology Dictionary [Электронный ресурс] / D. Harper. – 2001-2010. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com> / (Дата обращения: 28.05.2023).
8. Bronte, Ch. Jane Eyre / Ch. Bronte : Penguin Books Ltd., England, 1985.

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 05 (97), 2023

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.06.2023
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 12,7. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru